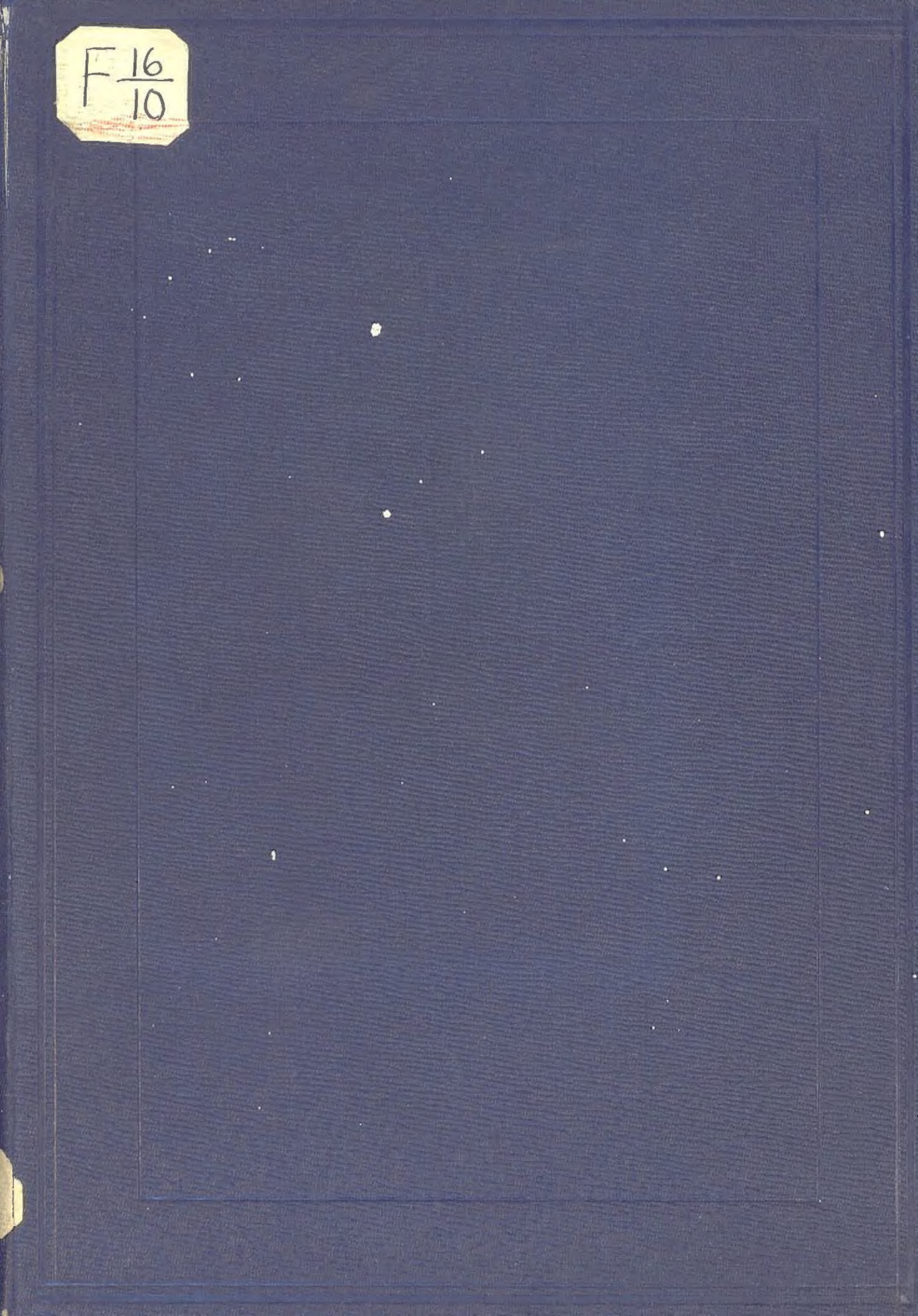

РѢЧИ, СТИХИ и ИЗСЛѢДОВАНІЯ,

НАПИСАННЫЕ ПО СЛУЧАЮ ТОРЖЕСТВА

СВЯЩЕННАГО МѴРОПОМАЗАНІЯ И ВѢНЧАНІЯ НА ЦАРСТВО

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ВТОРАГО

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО

И

АВГУСТѢЙШЕЙ ЕГО СУПРУГИ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ,

ОРДИНАРНЫМИ ПРОФЕССОРАМИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

ДЛЯ ТОРЖЕСТВЕННАГО СОБРАНІЯ

31-го Августа 1856 года.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1856.

По опредѣленію Совѣта Императорскаго Московскаго Университета, печатать дозволяется. Москва. Августа 14-го дня 1856 года.

Секретарь Совѣта Алексѣй Жигаревъ.

О ИСТИНѢ И ЛЮБВИ.

СЛОВО,

ПО СЛУЧАЮ ТОРЖЕСТВА

СВЯЩЕННАГО МѴРОПОМАЗАНІЯ И ВѢНЧАНІЯ НА ЦАРСТВО

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА II

И

АВГУСТѢЙШЕЙ СУПРУГИ ЕГО

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ И ПРОФЕССОРОМЪ

Степаномъ Шевыревымъ,

31-го августа 1856 года.

МИ. ГГ.

Вѣнецъ на главѣ Царя есть слава и радость Русскаго народа: мы дождались этой славы, мы радуемся этою радостію. Въ торжествѣ величія, въ блескѣ могущества, достойныхъ Имперіи, вступалъ Императоръ въ первопрестольную. Любовались наши взоры; изумлялось воображеніе великолѣпію, въ которомъ сходились Европа и Азія; радовалось Русское сердце величію отечества въ Державной главѣ его; но до слезъ умилялись мы тогда, когда Царь повергалъ блескъ, славу и могущество передъ святыней Вѣры, свидѣтельствуя народу, что изъ небеснаго источника заемлетъ Онъ внутреннюю крѣпость Своей Державы. Когда Царь, съ возложеніемъ на Себя вѣнца, по Его же Царскому слову, возлагалъ на Себя «торжественный предъ свѣтомъ обѣтъ — жить единственно для счастія подвластныхъ Ему народовъ»: сонмы незримыхъ Силъ внимали Его обѣту и сердца безчисленныхъ Его подданныхъ молились вмѣстѣ съ Нимъ, да поможетъ Ему Всевышній совершить его. Веселилась Москва за всю Россію лицезрѣніемъ своего Царя и Царицы, вѣнчанныхъ и помазанныхъ силою Божіей, и темныя ночи свои обращала въ свѣтлые дни, въ знакъ своего ликованія.

Мы переходили отъ чувства къ чувству, отъ праздника къ празднику, отъ радости къ радости; но желая не потеряться въ этомъ потокѣ ощущеній, а привести его къ одной мысли, и вдумываясь въ глубокое значеніе всенароднаго торжества, озарившаго нашу столицу, мы такъ объясняемъ себѣ источникъ всеобщей радости: въ этомъ торжествѣ величіе нашего земнаго отечества озарялось свѣтомъ отечества небеснаго; Царь, пріявшій власть, облекался силою Божіей, и истина земнаго Его могущества утверждалась на истинѣ могущества Царя небеснаго.

Соединившись для того, чтобы праздновать мыслію всенародное торжество наше, что́ же на этомъ праздникѣ принесемъ мы Царю, мы, служители истины, въ этомъ храмѣ ея, который воздвигнутъ, укрѣпленъ и возвеличенъ Его Вѣнценосными Предками и котораго двери широко отворилъ Онъ, при самомъ вступленіи на престолъ Родительскій? Возвеличимъ ли словомъ силу Царя? Его сила не нуждается въ нашемъ словѣ—и слову нашему не вмѣстить Царевой силы, которая передъ нами въ очью совершается. Вспомнимъ священное преданіе о мудромъ Царѣ Востока: онъ не далъ предпочтенія тому мудрецу, который на вопросъ: что́ всего сильнѣе на землѣ? — сказалъ: Царь:—онъ велитъ разорить—разоряютъ, созидать — созидаютъ, насадить—насаждаютъ. Мудрый Царь отдалъ предпочтеніе тому мудрецу, который сказалъ, что на землѣ всего сильнѣе истина: она «пребываетъ, и возмогаетъ въ вѣкъ, и живетъ и обладаетъ въ вѣкъ вѣка—благословенъ Богъ истины!»—И вторилъ мудрецу народъ словами: «велика есть истина и премогаетъ»—и Царь, согласившись съ народомъ, повелѣлъ, въ награду мудрецу, возсозидать Іерусалимъ и въ немъ храмъ Богу истинному.

Не дерзновенно будетъ съ нашей стороны припомнить это священное преданіе середи торжества, въ которомъ Царь нашъ свидѣтельствовалъ, какъ преклоняетъ Онъ силу Своей власти передъ истиной Божіей.

Что же можемъ мы принести Царю на Его праздникъ? лишь одно честное и полезное служеніе познанію истины. Служа ей такъ, мы послужимъ Его силѣ и могуществу въ нашемъ отечествѣ и исполнимъ передъ Нимъ данный Ему обѣтъ вѣрнаго служенія.

Приступая къ занятіямъ нашего академическаго года, спросимъ же себя: какъ уразумѣемъ мы наше честное и полезное служеніе познанію истины?

Познаніе истины тогда бываетъ плодотворно въ человѣкѣ, когда изъ разума его переходитъ въ дѣло сердца и любви. Это положеніе тѣсно связано съ другимъ основнымъ, непререкаемымъ положеніемъ, что въ Богѣ истина и любовь одно. Всякая вещь міра видимаго, взятая по силѣ своей сущности, есть явленіе живой Божіей истины, въ которую мы силимся проникнуть познающимъ разумомъ; но та же вещь, по силѣ своего назначенія въ жизни, есть дѣло творящей и зиждущей любви Божіей. Какъ же мы познаніемъ раздѣлимъ въ вещахъ то, что́ соединилъ въ нихъ Творецъ, дѣло разума и дѣло любви Его, и созерцая въ нихъ только однѣ отвлеченныя истины, удовлетворимся ихъ познаніемъ, а не обратимъ ихъ, слѣдуя примѣру Божію, на дѣло пользы ближнему?

Такъ думалъ первоначальникъ наукъ естественныхъ, Баконъ, отвергшій методъ односторонняго и отвлеченнаго силлогизма въ пользу опытнаго метода и живаго способа наведенія и проложившій тѣмъ путь къ великимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ въ наукахъ естественныхъ. Вотъ слова его.

«Мы желаемъ, чтобы дѣло человѣческое не мѣшало дѣлу Божію; чтобы плодомъ труда, открывающаго дорогу чувствамъ, и распространенія свѣта наукъ естественныхъ, не было невѣріе и омраченіе умовъ въ отношеніи къ таинствамъ божественнымъ; съ разумомъ яснымъ, чуждымъ идей фантастическихъ и тщеславія, воздадимъ вѣрѣ то, что принадлежитъ вѣрѣ, и, отбросивъ ядъ познанія, ядъ влитый змѣемъ въ умы и ихъ надмѣвающій, безъ гордости и безъ униженія, станемъ разработывать истину въ духѣ любви.»

«Мы желаемъ, чтобы люди совершенствовали науку и направляли ее въ духѣ любви: ибо жажда могущества погубила ангеловъ, а жажда знанія людей. Но въ любви не можетъ быть излишка, и ею никогда еще ни ангелъ, ни человѣкъ не подвергался опасности паденія.»

«Когда мы откроемъ, во сколько можетъ природа вещей и во сколько природа разума человѣческаго, тогда будемъ ласкать себя надеждою, что сочетали разумъ человѣка со вселенною, подъ благословеніемъ благости божественной, и на этомъ бракѣ ихъ мы въ правѣ изречь обѣтъ: да возможетъ это соединеніе произвести рядъ изобрѣтеній и пособій всякаго рода, могущихъ укротить и побѣдить, въ нѣкоторомъ отношеніи, нужды и бѣдствія человѣчества.»

Обѣтъ великаго мыслителя исполнился и исполняется еще теперь: таковъ былъ плодъ сочетанія наукъ естественныхъ съ дѣломъ любви къ человѣчеству.

Въ нынѣшнемъ году, науки естественныя въ нашемъ Университетѣ озарились новыми прекрасными надеждами. Каждая каѳедра дала свой отпрыскъ—и изъ Факультета, уже прежде богато обстановленнаго, провидится двоякій. Молодое поколѣніе, вызываемое Правительствомъ, ѣдетъ къ чуждымъ народамъ снова дружиться съ ними, послѣ кровавой войны, во имя познанія и заимствовать у нихъ свѣтъ полезныхъ открытій. Но не забудемъ, что всѣ эти прекрасныя стремленія тогда достигнутъ цѣли, когда пріобрѣтенныя познанія примѣнены будутъ къ силамъ природы Русской и дѣло науки соединится съ дѣломъ любви къ ближнему въ нашемъ отечествѣ.

Стремленіе нашего вѣка къ наукамъ положительнымъ подвергается обвиненіямъ въ направленіи корыстномъ, матеріяльномъ, такъ называемомъ

утилитарномъ. Но одушевляемое высшими цѣлями благоденствія своего отечества и многочисленной меньшей нашей братіи, оно никогда не уклонится къ цѣлямъ чисто вещественнымъ. Отпоръ такимъ обвиненіямъ и ограда противъ подобныхъ уклоненій науки естества давно уже предложена въ словахъ, обращенныхъ тѣмъ же ея родоначальникомъ къ Отцу всякой мудрости: «Когда Ты, — возноситъ къ Нему молитвенно слово свое Баконъ, — обратилъ взоры свои на дѣла рукъ Твоихъ, Ты увидѣлъ, что все благо, и вошелъ въ покой свой; но человѣкъ, обращаясь къ дѣлу своихъ рукъ, видитъ повсюду одно тщеславіе и пытку ума, и нигдѣ не находитъ покоя. Если же мы потомъ лица своего оросимъ дѣло рукъ Твоихъ, Боже, тогда Ты благоволишь даровать намъ и созерцаніе Тебя и участіе въ Твоемъ покоѣ. Молимъ, да сохранишь насъ въ этихъ мысляхъ, чтобы руками нашими и тѣхъ, кого Ты вразумишь также, новая благостыня излилась на семью человѣческую.»

Надъ познаніемъ міра естественнаго возвышается познаніе міра духовнаго. Здѣсь истина, развиваемая нами, прежде всего примѣняется къ тому лицу, которое познаетъ міръ духовный. И кто же, узнавъ его сокровища и примѣнивъ ихъ къ своимъ недостаткамъ, не пожелалъ бы тотчасъ же усвоить ихъ душѣ своей? Это обогащеніе дарами духа не можетъ быть своекорыстно, потому что чѣмъ болѣе усвояешь ихъ себѣ, тѣмъ болѣе дѣлишься ими со множествомъ своихъ ближнихъ: таково уже свойство даровъ духовныхъ. Здѣсь богатство личное немедленно переходитъ въ богатство общественное:—свѣтъ внутри человѣка не можетъ сіять только для него одного, а озаряетъ все его окружающее, какъ сказано: да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки.

Если не всегда наука міра духовнаго совершенствуетъ въ наше время ученаго, а чрезъ него и его ближнихъ,—не потому ли, что она уклонилась отъ той связи съ высшимъ міромъ духа, на которую такъ ясно указалъ тотъ же родоначальникъ науки естества? Вотъ слова Баконовы: «Такъ какъ существо души человѣческой, въ минуту ея созданія, было извлечено не изъ массы неба и земли, а сотворено непосредственнымъ дуновеніемъ Божіимъ, законы же неба и земли составляютъ главный предметъ философіи: какъ же могли бы мы изъ этой науки извлечь познаніе о сущности души разумной? Ясно, что познаніе души должно истекать изъ того же божественнаго дуновенія, откуда истекло и самое существо ея.»

Согласно съ Бакономъ, думалъ однако древній Русскій человѣкъ — и прежде чѣмъ пуститься въ познаніе тайнъ природы, которое признавалъ онъ необходимымъ для себя въ будущемъ, — онъ погружался въ познаніе души, черпая его въ священномъ источникѣ божественныхъ внушеній Вѣры. Такое занятіе нисколько не мѣшало древнему Русскому человѣку забрать подъ свои владѣнія шестую часть всего міра: напротивъ, безъ воспитанія внутренней силы духа, онъ не могъ бы побѣждать препятствій природы, не совершилъ бы этого подвига, не отмѣрилъ бы себѣ такого пространства, которое досталось на великій трудъ его потомкамъ и которому радовался еще Ломоносовъ, прозрѣвая въ Россіи, на небѣ двухъ полушарій и на землѣ всѣхъ возможныхъ климатовъ, обширные успѣхи для всѣхъ наукъ естественныхъ.

Не забудемъ же мысли древняго Русскаго человѣка теперь, когда Богъ, голосомъ Царя, призываетъ насъ наукою воздѣлывать силы земли, древле народомъ пріобрѣтенной. Какъ безконечно пространство ея, имъ занятое, такъ безконечно задуманъ былъ имъ и высокій идеалъ души его; но могъ онъ покамѣстъ достигать его только въ затворахъ и въ пустыняхъ обителей. Оттуда избранные Русскіе люди благотворно дѣйствовали на духовныя силы народа, воспитывая его въ духѣ смиренія, любви, терпѣнія и готовности на всякую жертву. Истина вѣры всегда сказывалась въ немъ, какъ и сказалась еще недавно, подвигами любви. Познаніе же міра духовнаго, озаренное этою истиною, при блестящихъ дарахъ науки и искусства, да обнаружится теперь въ насъ дѣлами всякаго человѣческаго совершенствованія, и да украсится ими наше отечество!

Мысль, одушевившая мое слово въ дни народныхъ торжествъ, единство истины и любви, знаменуется всего болѣе въ подвигахъ верховныхъ властителей Россіи. Истина предержащей власти утвердилась и укоренилась, какъ вѣрованіе, въ жизни Русскаго народа дѣлами любви ея. Съ самаго начала, не съ мечемъ завоеванія пришла къ намъ верховная власть, но явилась, какъ примирительница междоусобій народныхъ. Въ подвигахъ Святослава научила она Русскаго воина съ честью и славой умирать за отечество. Въ лицѣ Владиміра озарилась Христовымъ свѣтомъ и въ жизни его показала, какъ истина вѣры можетъ въ Русскомъ человѣкѣ растворить самое грубое существо его духомъ любви и милосердія. Въ Ярославѣ она дала намъ книжное просвѣщеніе и Русскую правду; закономъ Изяслава въ первый разъ уничтожила смертную казнь; во Владимірѣ Мономахѣ сіяла миротворнымъ Ангеломъ въ междоусобицахъ Княжескихъ. При Тата-

рахъ, кровью мученической начала избавленіе Русской земли; въ Александрѣ Невскомъ представила, во времена темныя, образецъ безпорочно-чистой жизни и неутомимаго служенія отечеству; въ Іоаннѣ Калитѣ приступила къ подвигу единенія государственнаго; въ Димитріѣ смиреніемъ вѣры и неустрашимостію побѣдила гордыню меча Татарскаго; въ Василіи Темномъ спасла Церковь отъ коварной измѣны; въ Іоаннѣ III, соединивъ, утвердила государство и воздвигла Московскій Кремль, какъ его священный символъ; въ Іоаннѣ IV сокрушила царство Исламово въ предѣлахъ отечества, — но разразившись ревнивою грозою въ мрачныхъ казняхъ боярскихъ, скрылась на время, чтобы дать опытъ отечеству всѣхъ золъ междуцарствія.

Возсіявъ снова въ Михаилѣ, верховная власть умиротворила государство и собрала во едино его разсѣянные члены; въ Алексіѣ показала образецъ благочестиваго Царя, патріарха семьи Царской, и приготовила Россію къ общенію съ другими народами. Въ Петрѣ начала она это общеніе во имя науки и, совлекши съ себя блескъ внѣшняго величія, совершала рабочій жертвенный трудъ для отечества, которое возвела на степень великой славы. Въ Елисаветѣ создала многія образовательныя учрежденія, которыя дожили въ наше время до столѣтнихъ торжествъ своихъ. Въ Екатеринѣ двинула Русское слово на всѣ роды искусства и на развитіе жизни общественной; призвала на содѣйствіе власти голосъ собственнаго выбора въ образованныхъ членахъ общества; открыла средства ученія всѣмъ сословіямъ народа. Въ лицѣ Александра I умиротворила Европу послѣ бурь безначалія и разрушительныхъ войнъ честолюбивой власти. Въ лицѣ Николая присоединила къ Церкви православной неправо отторженную часть сыновъ ея; открывъ для всѣхъ сокровища Русской Исторіи, дала возможность подумать о возстановленіи союза древней Россіи съ новою, и уничтожить недоразумѣніе эпохи преобразованія; энергіей непреклоннаго характера сдерживала въ теченіи 29-ти лѣтъ волненія Европы и твердостію возбудила изумленіе даже во врагахъ своихъ; до самопожертвованія, исполняла на престолѣ служебный долгъ передъ отечествомъ и наконецъ возрастила намъ и воспитала на царство АЛЕКСАНДРА II.

Да будутъ же истина и любовь, по завѣту Его предковъ, слiянно сiять въ Царскомъ вѣнцѣ Его! Да озаряютъ онѣ всѣ пути Его жизни, какъ озарили первые подвиги Его царствованія! Да помогутъ Ему совершить священный обѣтъ, изреченный Имъ при вступленіи на престолъ Россіи: «имѣть всегда единою цѣлію благоденствіе Отечества!»

ГИМНЪ

ВЪ ДЕНЬ СВЯЩЕННАГО МѴРОПОМАЗАНІЯ И ВѢНЧАНІЯ НА ЦАРСТВО

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

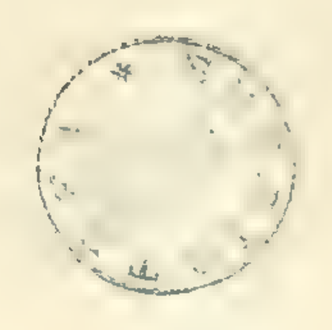
АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ВСЕЯ РОССІИ,

НАПИСАННЫЙ

НА ГРЕЧЕСКОМЪ ЯЗЫКѢ

ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Арсеніемъ Менщиковымъ.

Ὕ Μ Ν Ο Σ

εἰς ἱερὰν χρῖσιν καὶ στεφάνωσιν ἐπὶ βασιλείᾳ Σεβαστοῦ Αὐτοκράτορος τῶν Ῥωσσῶν
Ἀλεξάνδρου τοῦ Δευτέρου.

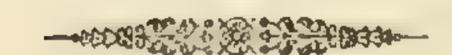
Ποῖον χάρμα τόδε ξυνή τ' ἰαχὴ συμπάντων;
ποίης ἀγγελίης ὕπο ἄστεϊ τῷδ' ἐπόρωρε;
τίπτε δὲ τύμπανα καὶ ὅπλων κτύπος οὔατα βάλλει,
ἠχή τ' αὐλῶν ἠδὲ χορῶν εἰς οὐρανὸν ἵκει;
ποῖ στρατοῦ ὁρμαίνονται ἀολλέες αἵδε φάλαγγες;
ποῖ φέρεται λαὸς πυκινὸς κλαγγῇ τε βοῇ τε;
Εἰς Κρεμλὶν δῆθ' ὑψηλὸν καὶ χρυσοκάρηνον,
πρός θ' ἱερὸν νηὸν Μητρὸς Θεοῦ ἡμετέροιο·
ἔνθα σεβαστός τ' ἠδὲ μέγας Βασιλεὺς στεφανοῦται
νῦν διαδήματι καὶ κόσμῳ βασιληΐῳ ἄλλῳ,
χρυσέῳ, πορφυρέῳ προτέρων μεγάλων τε Ἀνάκτων·
ἠδ' ἐνὶ τοῖς μεγάροις Ἁγίων καὶ Θαυμασιουργῶν,

ἐν δέ τε μάρτυσιν ἡσυχίοις, Ἀρχοῖς μακάρεσσιν,
οἷς προγόνοις, ἀκέων οἳ αὐτόθι κοιμώωνται,
πολλῶν παντοδαπῶν τ᾽ ἀστῶν ξείνων τε παρόντων,
χρίεται ἐκ Θεοῦ χρῖσμ᾽ ἅγιον χερὶ Ἀρχιερῆος, —
θεσπεσίη γελαχιὼν σέβας ὃν τόδε καὶ γέρας ἐσθλόν,—
σὺν σκήπτρῳ δ᾽ ἄμυδις δέχεται κράτος ἠδὲ καὶ ἰσχὺν
ὕψοθεν, ὄφρα νυ κοιρανέη Ῥωσσοῖσιν ἅπασιν.
Καί ῥ᾽ Ἐκκλησίη ἠδ᾽ ἁγίη Θεῷ εὐχετάαται
ὑψίστῳ μεγάλῳ τ᾽ ἀγαθῷ τε καὶ αἰὲν ἐόντι,
εὐλογίην πέμψαι τῷ ἑῷ χριστῷ Βασιλῆϊ
ἠδὲ χάριν θείαν, τελέσαι τε ἕκαστον ἐέλδωρ
εἰς ἀγαθόν, ἀρετῆσί τέ μιν κοσμῆσαι ἁπάσῃς,
ἐν τ᾽ ἔργοισι παρεῖναι ὁδόν τε οἱ ἡγεμονεύειν,
καὶ δέ μιν ὡς Δαβὶδ ἐσθλὸν, ἰδὲ σοφὸν ὡς Σολομῶνα
θεῖναι, ἵν᾽ ἐνδυκέως ἅμα καὶ κρατερῶς βασιλεύων
τόσσοις ἀνθρώπων φύλοις καὶ ἔθνεσι πολλοῖς,
Πίστεϊ μὴν ὀρθῇ καθαρῇ τε γένοιτο ἔπαλξις,
καὶ αὐτῇ ἁγίῃ Ἐκκλησίῃ ἠδ᾽ ἅμα πᾶσι
χριστιανοῖς πιστοῖσι βεβαιοτάτη ἀλεωρὴ
ἀνδρῶν δυσμενέων δηΐων τ᾽ ἐθνέων καὶ ἀνάκτων·
εἴη δὲ γλυκὺς ὧδε φίλοις, ἐχθροῖσι δὲ πικρός,
πάντεσσιν δὲ νέμῃσι δίκας εὖ ἠδὲ θέμιστας.
Τοῖσιν ὁμοφρονέων θυμῷ ὅδε λαὸς ἀπείρων

εὔγματα πολλὰ λιτάς θ' ἱερὰς τελεῖ ἔνθα καὶ ἔνθα
Κυρίῳ ἀθανάτῳ, ὑπάτῳ βασιλέων Βασιλῆϊ—
ἔστι γὰρ ἐν χερὶ οἱ βροτέου κραδίη βασιλῆος·—
Κέκλυθι, Κύριε Παντόκρατορ, καθαρῶν ὁσίων τε
τῶνδ' εὐχῶν, ἃς νῦν φέρομεν Σοὶ πρόφρονι θυμῷ
εἵνεκεν ἡμέτερου τοῦδ' ἱμερόεντος Ἄνακτος·
ἵλαος ἔσσ' αὐτῷ καὶ ἑτοῖμος πάντη ἀρωγός·
ἔνθεο δ' ἐν φρεσὶν οἱ καλοῦ τε νόον ἀγαθοῦ τε,
καὶ κραδίην θέρμαιν' αὐτοῦ φίλτροισι δικαίου·
ὥς τοι ὅδ' εὖ κρατέων καὶ ἠνορέας πατρῴας
ἀσκῶν, εὐχωλὴ δήμου καὶ χάρμα γένοιτο·
εἴη ἄρα πρόφρων, ἀγανὸς καὶ ἤπιος αἰεὶ
σκηπτοῦχος Βασιλεὺς ἡμῶν, φρεσὶν αἴσιμα εἰδώς·
ἡδύς μὲν δυστήνῳ ἑκάστοτε, τοῖς δὲ μάλιστα,
οἳ πενίῃ στυγερῇ τείροντ' ἢ πένθεϊ δεινῷ·
τέκνοις δ' ὀρφανικοῖσιν ἀμύνοι πήματα λυγρά,
καὶ χήρῃσι γυναιξὶ πέλοιτ' ἀτρεκὴς ἐπίκουρος,
ἀρχομένοισί τε πᾶσι πατὴρ ὥς, παίδεσιν αὐτοῦ
εὐφρονέων καὶ τερπόμενος σφίσιν ὃν κατὰ θυμόν.
Εὐφρήνειε δὲ δῆμον ἑὸν καὶ πατρίδα γαῖαν,
παύσας δήποτέ μιν προτέρας λύπης καὶ ἀνίης,
ἣν θάνατός οἱ ἔθηκ' αὐτοῦ Πατρὸς μεγάλοιο,
ἕλκεα δ' ἀργαλέα ξύμπανθ' ἡμῖν ἀκέοιτο,

τὰ πρώην γε μάλιστα πεπόνθαμεν ἐν δαῒ λυγρῷ,
ἰφθίμοις ἄνδρεσσι καὶ ἔθνεσι δυσμενέεσσιν
μαρνάμενοι κρατερῶς περὶ Πίστεος ἠδὲ Ἄνακτος
ἡμετέρου μεγάλου καὶ ἁπάσης πατρίδος αἴας·
καὶ δὴ ὕστερον ἄλλα κακά, πρὶν ταῦτ' ἐπίασιν,
ἄμμιν ἀλέξοι Ἀλέξανδρος ὅγε δεύτερος οὗτος
ἱμερόεις, λαοῖς δὲ μάλ' εὐτυχέεσσιν ὑπ' αὐτῷ
εὐνομίην κόσμον τε μέγαν καὶ κῦδος ἀέξοι.
Οὕτω γάρ τοι ἐΰκλείη τιμή τε μεγίστη
εἴη ἐπ' ἀνθρώπους ἅμα τ' αὐτίκα καὶ μετέπειτα,
ἔκ τε Θεοῦ χάρις εὐλογίη τε ἑοῦ ἀπὸ δήμου.
Ὣς ῥα φιλεύμενος ἀστοῖσιν καὶ ἀλλοδαποῖσι
τιόμενος μέγα κοιρανέοι πολλοὺς ἐνιαυτούς.
Ὦ Μοῦσ', ἔρσεο πρὸς ταύτην πάνδημον ἑορτήν,
θεσπεσίην συμμίξαι ἀοιδὴν εὔγμασι λαῶν,
καὶ δὴ ψαλμῳδοῦ κίθαριν πλῆξον βασιλῆος,
σύν τ' Ἐκκλησίῃ ὕμνησον πάντων Βασιλῆϊ·
Κύριε! σῇ βασιλεὺς ηὐφρανθήσεται ἰσχυῖ,
ἠδὲ τεῷ σωτηρίῳ ὡς μεγαλῶς χαιρήσει·
ἦτοι εὐχωλὴν κραδίης οἱ ἀρέσθαι ἔδωκας,
καὶ χειλέων αὐτοῦ αἰτήσεες οὐκ ἀπόειπας,
ὅς γέ μιν εὐλογίῃσιν ἐδέξαο νῦν ἀγαθῇσιν·

καὶ μὲν δὴ στέφανον κεφαλῇ αὐτοῦ ἐπέθηκας,
τὸν περικοσμηθέντα λίθοις πολυτιμήτοισι
εὐκλεΐη μεγάλη σωτηρίῳ ἔν τεῷ ἐστίν·
κῦδός τ' ἠδὲ σέβας μεγαλοπρεπὲς αὐτῷ ἔθηκας·
καὶ γὰρ ἔδωκάς οἱ εὐλογίην Σέθεν εἰς αἰῶνα,
εὔφρηνας δ' αὐτὸν σὺν χάρματι Σεῖο προσώπου·
οὕνεκα δὴ βασιλεὺς ἐπὶ Κύριον ἔλπεται αἰεί,
εὐνοίῃ τε Θεοῦ ὑψίστου ἔσεται ἀσάλευτος·
ἡ γὰρ χεὶρ τεὴ εὑρήσει πάντας Σέθεν ἐχθρούς,
δεξιτέρη τε σὴ εὑρήσει μισοῦντά Σε πάντα.—
Ὑψώθητι Σὺ, Κύριε, ὡς μεγάλως τεῇ ἰσχυῖ,
ἡμεῖς δ' ᾀσόμεθ' ἠδὲ καθυμνεῦμεν Σεο κάρτος.

26 АВГУСТА 1856 ГОДА

ВЪ КРЕМЛѢ.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ II

САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ

ВЪ ДЕНЬ

СВЯЩЕННАГО МУРОПОМАЗАНІЯ И ВѢНЧАНІЯ НА ЦАРСТВО

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Мы помнимъ день въ Москвѣ первопрестольной:
Державный Кремль торжественно сіялъ;
Носился звонъ повсюду колокольный
На праздникѣ и волны разливалъ.
Пѣвецъ, Твой другъ, наставникъ Твой избранный,
Пророчески Твое рожденье пѣлъ:
«Гряди въ нашъ міръ, Младенецъ, гость желанный!»
И Ты пришелъ, и міръ Тебя узрѣлъ,
И первые, вкругъ свѣтлой колыбели,
Родной Москвы колокола гудѣли.

***

Съ тѣхъ поръ, какъ Ты открылъ на солнце вѣжды,
Народъ Твоей причастенъ сталъ судьбѣ;
Отечество прекрасныя надежды
Лелѣяло въ грядущемъ на Тебѣ.
Москва, Тебя привѣтствуя младенцемъ,
Въ Тебѣ судебъ угадывала цѣль;
Ты звалъ Себя Московскимъ уроженцемъ,
Ты жаловалъ родную колыбель,
И на Твои сердечные привѣты
Она Тебѣ несла любви обѣты.

***

И срокъ насталъ. Мгновенія святыя
Сошли съ небесъ! День славы наступилъ!
Здѣсь, въ этотъ день, съ Тобою вся Россія
И съ нею Ты, во имя Бога силъ.
Въ Кремлѣ вѣнецъ, порфира, скиптръ, держава,
И пламенно молящійся народъ,
Да на Царя сойдетъ Господня слава,
Да Богъ Ему отъ горнихъ силъ пошлетъ,
Да облегчитъ Царю державы тягость
И чрезъ Него прольетъ любовь и благость.

***

Великъ былъ часъ, какъ Пастырь нашъ смиренный
Тебѣ вѣнецъ съ молитвою поднесъ,
И Ты пріялъ вѣнецъ Отцевъ священный,
И на главу съ молитвою вознесъ;
Предъ Матерью, молившейся о Сынѣ,
Супругу Ты вѣнцомъ украсилъ Самъ:
О! много благъ покоится въ святынѣ
Минуты сей, лишь зримой небесамъ,
Когда втроемъ, склонивъ смиренно выи,
Молились Вы за счастіе Россіи.

***

Вотъ на Тебѣ, какъ солнышко родное,
Горитъ красой и славою вѣнецъ!
Да свѣтъ его плодитъ въ умахъ живое,
Огнемъ любви крѣпя союзъ сердецъ!
Да возраститъ наукъ златое сѣмя,
Дастъ правдѣ жизнь и путь, труду почетъ;
Да окрилитъ успѣхомъ быстрымъ время,
И въ хижины смиренныя блеснетъ,
Посвѣтитъ тамъ страданію усладой,
Всѣхъ озаритъ надеждой и отрадой!

***

Носить вѣнецъ — святая жертва Богу
И подвигъ Твой — да помнимъ это всѣ
И да летимъ Державному въ подмогу
Блюсти его во славѣ и красѣ:
Пускай любовь, въ преданности свобода,
Ярчей горятъ, чѣмъ камней чистота;
Пусть лучшихъ дѣлъ, дѣлъ Русскаго народа,
Сіяетъ въ немъ святая красота,
Сліянный свѣтъ, союзъ живой, природной,
Души Царя и доблести народной!

***

Духовный чинъ! сюда твои молитвы,
Жизнь на землѣ какъ будто въ небесахъ;
Военный сонмъ! всѣ громы страшной битвы
Во дни войны, въ дни мира честь и страхъ;
Вы — судіи! — гласъ правды неподкупный,
Страхъ совѣсти и чистыя дѣла,
Судъ равный всѣмъ и бѣдному доступный,
Просторъ добру, искорененье зла!
Правители! любовь къ отчизнѣ милой,
Ей — ваша жизнь, ей — имя за могилой!

***

Жрецы наукъ, жрецы роднаго слова!
Сюда плоды возвышенныхъ трудовъ,
Дары ума и генія роднова,
Слова́ на вѣсъ — и менѣй праздныхъ словъ!
Сюда, народъ, души святыя блага,
Дѣянія и вѣры и любви,
Просторъ ума, въ волнахъ морей — отвага,
Великій трудъ надъ нѣдрами земли,
И мысль одна, спасительно-живая:
Будь счастлива, ты наша Русь святая!

С. Шевыревъ.

О СОВРЕМЕННОМЪ НАПРАВЛЕНІИ ФИЗИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ И О ЗНАЧЕНІИ ЗАКОНОВЪ ПРИРОДЫ.

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

31 августа 1856 года,

ПО СЛУЧАЮ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ И МУРОПОМАЗАНІЯ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ,

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА,

И ЕГО АВГУСТѢЙШЕЙ СУПРУГИ,

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ

ДЕКАНОМЪ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ ФИЗИКИ И ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ,

Михаиломъ Спасскимъ.

МM ГГ.

Принимая на себя, вмѣстѣ съ другими представителями нашего ученаго сословія, весьма лестную обязанность занять Ваше вниманіе краткою бесѣдою, при настоящемъ Торжественномъ собраніи Университета, я не нахожу въ себѣ ни силъ ни средствъ, чтобы достойнымъ образомъ выразить предъ Вами, въ краснорѣчивомъ словѣ, тѣ радостныя чувства, которыми въ настоящее время, безъ сомнѣнія, одинаково воодушевлены всѣ вѣрноподданные ново-вѣнчаннаго Всемилостивѣйшаго Государя Нашего Александра Николаевича; равнымъ образомъ, посвятивши свою дѣятельность изученію физическаго міра, я не осмѣливаюсь искать для своего слова такихъ вопросовъ общественной жизни, которые бы имѣли ближайшее отношеніе къ торжествуемому нами многознаменательному событію Священнѣйшаго Коронованія Возлюбленнаго Нашего Монарха.

Позвольте же мнѣ предоставить и то и другое многоуважаемымъ мною моимъ товарищамъ, раздѣляющимъ со мною высокую честь привѣтствовать Васъ нынѣ словомъ науки въ стѣнахъ Московскаго Университета, по обычаю, благоговѣйно принятому нами отъ нашихъ предшественниковъ. Позвольте мнѣ на свою долю избрать такой вопросъ, который тѣсно связанъ съ постоянными моими занятіями и который, смѣю думать, во всякое время и для всякаго просвѣщеннаго человѣка имѣетъ свою занимательную сторону.

Изученіе явленій физическаго міра, изслѣдованіе законовъ природы, никогда не представляло такихъ изумительно-быстрыхъ успѣховъ, какъ въ наше время. Безъ преувеличиванія можно сказать, что теперь каждый годъ ознаменовывается новыми, болѣе или менѣе блистательными открытіями, весьма важными и плодотворными или по тому значенію, какое по-

лучаютъ они въ наукѣ, или по тѣмъ приложеніямъ, къ которымъ подаютъ поводъ въ практической жизни образованныхъ народовъ. Предъ нашими глазами на дѣлѣ осуществляются такія чудесныя событія, какія прежде считались возможными только въ самомъ смѣломъ и самомъ пылкомъ воображеніи. Достаточно упомянуть, какими удивительными орудіями сдѣлались въ рукахъ человѣка пары и электричество (вмѣстѣ съ магнетизмомъ въ послѣднее время. А лучи свѣта? Кто бы прежде могъ подумать, что достаточно только поглядѣть нѣсколько секундъ на небольшое стеклышко, чтобы получить самый вѣрный и самый отчетливый портретъ свой? — Можно ли безъ особеннаго удивленія говорить о недавнихъ чисто ученыхъ открытіяхъ Леверье, Фуко и Физо? Первый, не смотрѣвши на небо, сидя въ своемъ кабинетѣ, указываетъ то мѣсто на небосклонѣ, на которомъ должна находиться ни кѣмъ еще невиданная планета, и при томъ такъ точно и такъ опредѣленно, что стоило только Берлинскому Астроному Галлю навести телескопъ по его указанію, чтобы дѣйствительно удостовѣриться въ ея существованіи; вторый помощію весьма простаго и давно, давно, во всеобщемъ употребленіи находящагося снаряда (маятника) доказываетъ нагляднымъ и для всякаго понятнымъ образомъ обращеніе земли около своей оси; наконецъ третій такъ искусно и такъ остроумно располагаетъ также давно уже извѣстными физическими инструментами, что обнаруживаетъ положительнымъ образомъ разность, представляемую скоростію свѣта, при распространеніи его въ различныхъ прозрачныхъ веществахъ, и наконецъ точнымъ образомъ опредѣляетъ эту скорость для каждаго изъ нихъ, не смотря на то, что она простирается въ среднемъ числѣ до 280 тысячь верстъ въ одну секунду. — По преданію, дошедшему до насъ отъ образованной древности, Пиѳагоръ принесъ богамъ необыкновенно-торжественную жертву (экатомву), когда ему удалось найти строгое доказательство геометрической теоремы, доселѣ сохранившей его имя. Вотъ какое высокое значеніе приписывалъ онъ и его современники открытію, которое дѣлаетъ возможнымъ общій и строго-ученый выводъ такой истины, которая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ была положительно извѣстна и не представляла повода ни къ какимъ спорамъ. — Какое же значеніе въ наукѣ должны приписать мы упомянутымъ мною открытіямъ, изъ которыхъ каждое содержитъ въ себѣ новое и неопровержимое основаніе къ прочному утвержденію теорій, принятыхъ наукою въ наше время, однакоже не для всякаго убѣдительно-ясныхъ и потому встрѣчающихъ по временамъ болѣе или менѣе основательныя возраженія!

Предѣлы моего слова непозволяютъ мнѣ распространяться о тѣхъ безчисленныхъ, хотя не столь рѣзко бросающихся въ глаза, но тѣмъ не менѣе весьма важныхъ открытіяхъ, какими переродившаяся на нашей памяти, можно сказать новая наука — Химія непрерывно обогащаетъ всѣ отрасли промышленности. — Правда, въ громадномъ развитіи промышленности нашего времени многіе не замѣчаютъ того могущественнаго двигателя (Науки) который сообщаетъ первоначальный толчекъ каждой ея новой отрасли, каждому нововведенію, способствующему къ упрощенію и совершенствованію различныхъ ея производствъ, къ скорѣйшему и легчайшему достиженію ея матеріальныхъ выгодъ. Знакомясь въ первый разъ съ физическими и химическими дѣятелями уже въ разнообразныхъ приложеніяхъ ихъ къ техническимъ работамъ, изумляясь той простотѣ и легкости, съ которыми привыкшій къ дѣлу неученый, но ловкій мастеровой управляетъ и располагаетъ ими по своему произволу, эти люди воображаютъ, что, и при первоначальномъ приложеніи новыхъ дѣятелей къ практикѣ, обращеніе съ ними было также нисколько не затруднительно; они не принимаютъ на себя труда и подумать о томъ, съ какими предварительными изслѣдованіями и соображеніями сопряжено было подробное изученіе всѣхъ свойствъ каждаго изъ этихъ дѣятелей, сколько трудностей долженъ былъ устранить или побѣдить ученый въ тишинѣ своего кабинета прежде, чѣмъ какое нибудь нововведеніе получитъ право гражданства въ шумной мастерской какого-либо промышленнаго заведенія. Увлекаясь одними огромными матеріальными выгодами, извлекаемыми промышленностію изъ новыхъ открытій Науки, они приходятъ къ убѣжденію, что одни эти практическія приложенія и составляютъ собою *настоящую* Науку; а поэтому ни о чемъ столько не заботятся, какъ о пріобрѣтеніи и распространеніи *практическихъ свѣдѣній*, о собственной же наукѣ, подготовляющей и скрѣпляющей эти свѣденія, отзываются довольно презрительно, называя ее совершенно безполезною *теоріею*. Въ оправданіе такого ложнаго своего увлеченія они, между прочимъ, весьма простосердечно вѣрятъ сами и увѣряютъ другихъ, что всѣ великія открытія сдѣланы были случайно, и что приложеніе ихъ, въ большомъ размѣрѣ, къ практикѣ большею частію приведено въ исполненіе людьми, не получившими правильнаго, такъ называемаго теоретическаго, образованія и даже вовсе незнакомыми съ Наукою.

Не считая нужнымъ входить въ подробное опроверженіе и объясненіе подобныхъ заблужденій, достаточнымъ нахожу замѣтить слѣдующее: вся-

кое открытіе въ мірѣ физическомъ есть плодъ мысли, есть слѣдствіе разумнаго, долгаго и добросовѣстнаго изслѣдованія опредѣленнаго ряда явленій, есть отвѣтъ, который внѣшняя природа даетъ естествоиспытателю на предлагаемый ей вопросъ. Слѣдовательно всякому открытію предшествуетъ правильное, по предварительно-составленному плану производимое, исканіе. Конечно нерѣдко бываетъ, что естествоиспытатель, при всей настойчивости своихъ изысканій, при всей правильности своихъ работъ, не находитъ того, чего искалъ, т. е. не получаетъ никакого опредѣленнаго отвѣта на предложенный имъ вопросъ; но, слѣдя внимательно за всѣми обстоятельствами, сопровождающими его изысканія, прислушиваясь, такъ сказать, къ каждому отдѣльному звуку, онъ дѣлаетъ иногда такое открытіе, какого вовсе не ожидалъ, — открытіе, не принадлежащее даже къ области тѣхъ явленій, къ которымъ собственно направлены были его изслѣдованія. Но, и при такой обстановкѣ, его открытіе нельзя назвать дѣломъ случая. И оно дѣлается пріобрѣтеніемъ, доставшимся Наукѣ съ боя, хотя бы настоящій виновникъ его, занятый другими вопросами, не вполнѣ или даже и вовсе не оцѣнилъ надлежащимъ образомъ его важности, лишь бы только онъ добросовѣстно упомянулъ объ немъ, какъ объ обстоятельствѣ, выходящемъ изъ круга обыкновенныхъ, извѣстныхъ ему явленій. — Что касается до болѣе или менѣе удачнаго первоначальнаго приложенія физическихъ открытій къ практикѣ, тутъ конечно бываютъ иногда сильными двигателями обстоятельства, неимѣющія ничего общаго съ Наукою: капиталъ, техническая ловкость или навыкъ въ опредѣленномъ промышленномъ производствѣ, особеннаго рода настойчивость, не рѣдко сопряженная съ рискомъ, въ преслѣдованіи той, или другой, практической цѣли и пр. и пр. Однакоже и въ этомъ случаѣ никогда не бываетъ счастливаго успѣха, если принявшійся за дѣло предварительно не ознакомится со всѣми тѣми *данными*, которыя необходимо должны быть принимаемы въ расчетъ для достиженія предположенной цѣли и которыхъ онъ, помимо Науки, нигдѣ найти не можетъ

И такъ даже въ необыкновенномъ развитіи промышленности нельзя не видѣть замѣчательныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ въ наше время Наукою о внѣшней природѣ; потому что всѣ такъ называемыя практическія свѣдѣнія, необходимыя для постепеннаго совершенствованія промышленныхъ производствъ, суть плоды Науки. И потому не могу не привести здѣсь весьма рѣзкаго и остроумнаго выраженія *Біо*, относящагося къ этому предмету: онъ сравниваетъ людей, довольствующихся практическими свѣдѣніями

и съ пренебреженіемъ отзывающихся о теоріи, или Наукѣ, съ дикими, которые срубаютъ дерево, чтобы воспользоваться приносимыми имъ плодами.

Чѣмъ же объяснить такое счастливое преуспѣяніе Физическихъ Наукъ въ наше время? — Безъ всякаго сомнѣнія въ числѣ обстоятельствъ, относящихся къ объясненію такого отраднаго событія, одно изъ важныхъ мѣстъ принадлежитъ тому направленію, которое преобладаетъ теперь во всѣхъ физическихъ изслѣдованіяхъ.

Въ наше время естествоиспытатели, кажется, глубже и тверже, чѣмъ когда-либо, убѣждены въ ограниченности данныхъ человѣку отъ Бога познавательныхъ способностей и на этомъ основаніи не принимаютъ на себя смѣлости рѣшать своимъ умомъ, такъ или иначе, всѣ вопросы, какіе только могутъ родиться въ душѣ любознательнаго человѣка при внимательномъ разсматриваніи внѣшней природы. Сознавая отчетливо, какъ далеко простирается область человѣческаго вѣдѣнія, — область Науки, — и просвѣщенные свѣтомъ Евангелія, — они смиренно уклоняются отъ разрѣшенія тѣхъ изъ нихъ, которые выходятъ за предѣлы этой области. Такое добровольное со стороны нынѣшнихъ естествоиспытателей ограниченіе умственнаго кругозора опредѣленною чертою не только не составляетъ никакого ущерба для науки, какъ съ перваго взгляда могло бы показаться, но напротивъ того сопровождается вѣрнымъ выигрышемъ. Не притупляя своего умственнаго зрѣнія тщетными усиліями проникнуть въ туманную даль, они тѣмъ съ большею ясностію обозрѣваютъ все то, что непосредственно ихъ окружаетъ.

Убѣждаясь и собственнымъ опытомъ и свидѣтельствомъ своихъ предшественниковъ, что по словамъ Премудраго: *что было, тожде есть, еже будетъ: и что было сотворено, тожде имать сотворитися: и ничтоже ново подъ солнцемъ* (книга Екклесіаста 1. 9.), нынѣшніе естествоиспытатели разсматриваютъ внѣшнюю природу, какъ *данное* или сотворенное, какъ одно общее цѣлое, въ которомъ всѣ части гармонически соединены между собою отъ начала вѣковъ, — какъ сомкнутую цѣпь, состоящую изъ безконечно-разнообразныхъ звѣньевъ, непрестанно измѣняющихъ свое положеніе, но неразрывно сохраняющихъ при этомъ взаимную связь. — Въ безконечномъ разнообразіи произведеній всѣхъ царствъ природы они видятъ только непрерывный переходъ *сущаго вещества* изъ одного вида въ другой: то, что̀, съ перваго взгляда кажется новымъ, уже было, только подъ другою формою; то, что̀, повидимому исчезаетъ въ одномъ мѣстѣ, является гдѣ нибудь

въ другомъ, только въ иномъ образѣ. По этому вся пытливость ума ихъ направлена только къ тому, чтобы разгадать, какимъ образомъ устроены повидимому безконечно разнообразныя сочлененія между отдѣльными звѣньями этой удивительной цѣпи, какими обстоятельствами условливаются, или сопровождаются, непрестанныя видоизмѣненія однихъ и тѣхъ же элементовъ. Принимая такимъ образомъ, что въ природѣ нѣтъ ничего случайнаго, но все подчинено постояннымъ и опредѣленнымъ законамъ, они усиливаются открыть эти законы, соображаясь въ постоянными законами человѣческаго мышленія.

Выходя изъ самыхъ простыхъ понятій свойственныхъ уму нашему, они раздѣляютъ всѣ явленія видимаго міра, на отдѣльныя группы, и такимъ образомъ опредѣляютъ въ нихъ съ одной стороны общія, а съ другой частныя — отличительныя свойства, или признаки (*). — Изучая послѣ того во всей подробности каждую изъ этихъ группъ, они не увлекаются одними только ихъ особенностями, но напротивъ того и въ этихъ особенностяхъ, какъ бы они разнообразны ни были, стараются открыть тѣ общія стороны, которыми не только самыя группы, или отдѣлы, но и мельчайшія части ихъ въ дѣйствительности сочленяются въ одно стройное цѣлое.— При такомъ изученіи они не опредѣляютъ, на основаніи какихъ либо предварительныхъ умозаключеній, относительной важности отдѣльныхъ частей его, но напротивъ того всѣмъ имъ приписываютъ одинаковое значеніе. И въ самомъ дѣлѣ, въ наше время, всѣ отрасли Естествовѣденія, идя объ руку впередъ, взаимно помогаютъ одна другой преодолѣвать встрѣчаемыя ими на общемъ пути затрудненія и ни одна изъ нихъ не дѣлаетъ шагу безъ другой. Только, при такомъ дружномъ содѣйствіи, естествоиспытатели достигаютъ до тѣхъ общихъ истинъ, или положеній науки, которыя получили названіе *законовъ природы.*

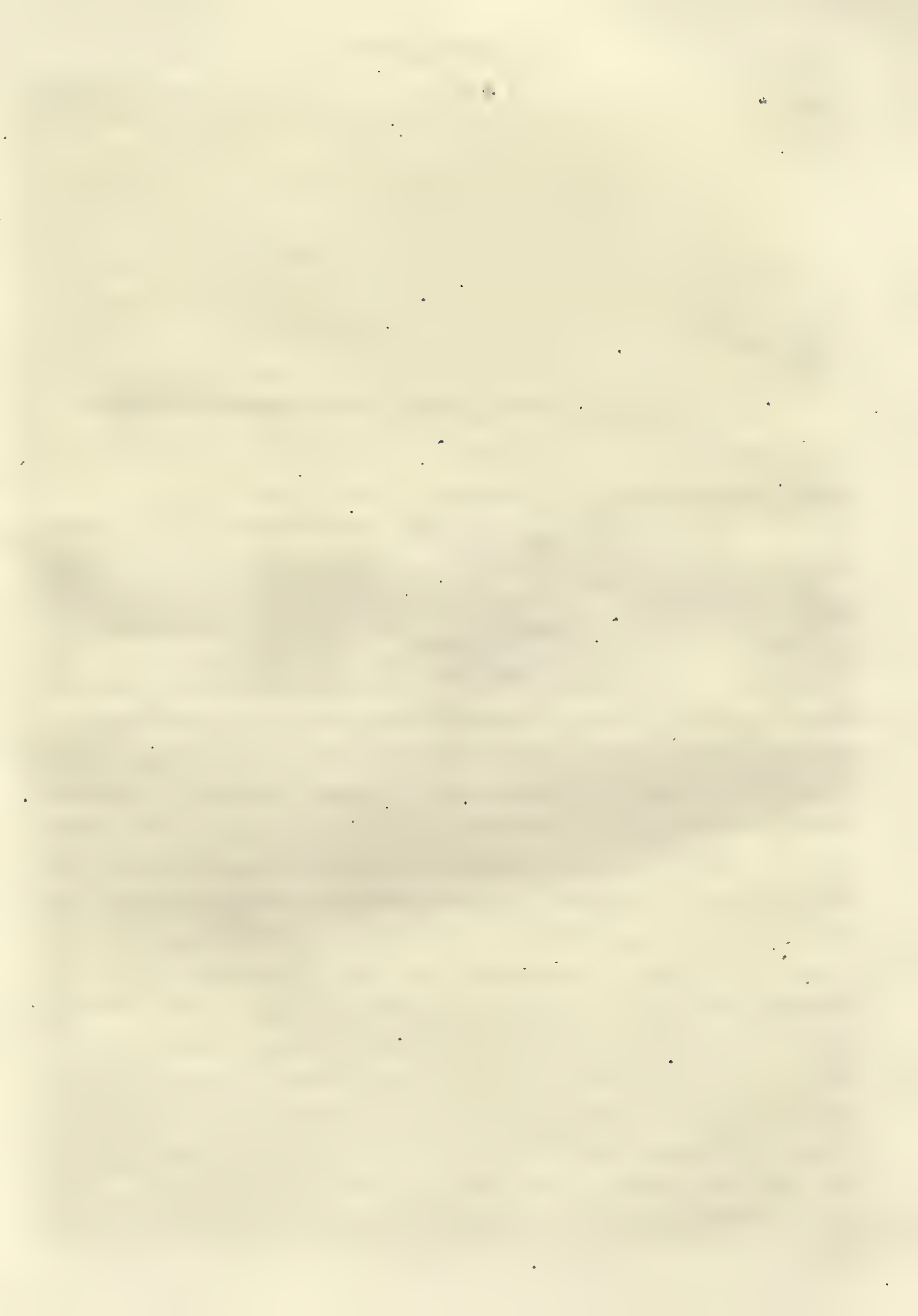
(*) Такое болѣе или менѣе правильное раздѣленіе всѣхъ явленій физическаго міра, безъ всякаго сомнѣнія, не возможно безъ предварительнаго хотя поверхностнаго, но тѣмъ не менѣе продолжительнаго и внимательнаго наблюденія ихъ. Это наблюденіе дѣйствительно и предшествовало; нынѣшніе естествоиспытатели съ благоговѣйною признательностію къ трудамъ своихъ предшественниковъ пользуются умственными сокровищами цѣлыхъ вѣковъ, какъ законнымъ наслѣдіемъ и, если они извлекаютъ теперь изъ этихъ сокровищъ болѣе выгоды, чѣмъ ближайшіе къ нимъ ихъ предки, это доказываетъ, что они разумнѣе распоряжаются этимъ общимъ наслѣдствомъ.

Наконецъ важнѣе всего кажется еще слѣдующее обстоятельство: естествоиспытатели нашего времени убѣдились, что во всѣхъ явленіяхъ физическаго міра самый общій и болѣе всего доступный нашему изученію элементъ заключается въ разнообразномъ *движеніи вещества*, такъ что, по выраженію одного изъ знаменитыхъ нашихъ современниковъ, вся внѣшняя природа, въ отвлеченномъ смыслѣ, ничего не представляетъ намъ, кромѣ *количества* и *движенія* (*). — Какъ то, такъ и другое, подчиняясь вполнѣ мѣрѣ и числу, можетъ быть весьма строго между собою сравниваемо во всѣхъ возможныхъ случаяхъ по правиламъ самой точной науки. И дѣйствительно, измѣряя замѣчаемое нами въ различныхъ случаяхъ движеніе вещества, какъ относительно направленія, которому оно слѣдуетъ, такъ и относительно скорости, съ которою совершается, мы опредѣляемъ точнымъ образомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ законы этого движенія; съ другой же стороны, слѣдуя логическимъ законамъ ума нашего и принимая въ соображеніе выведенные законы движенія, мы составляемъ понятіе о свойствѣ силъ, или причинъ, производящихъ то, или другое, движеніе, т. е. о законахъ дѣйствія этихъ силъ. Вотъ общее начало всѣхъ частныхъ математическихъ теорій, которыя, со временъ Ньютона, обезсмертившаго свое имя *теоріею всеобщаго тяготѣнія*, проливаютъ столь благотворный свѣтъ на всѣ изслѣдованія физическаго міра!

Я увлекся бы слишкомъ далеко, если бы сталъ объяснять здѣсь во всей подробности съ одной стороны важность этихъ математическихъ теорій въ наукѣ и значеніе употребляемыхъ въ нихъ *Гипотезъ*, а съ другой тѣ общіе способы и пріемы, какіе употребляютъ естествоиспытатели при сличеніи своихъ наблюденій и опытовъ съ теоретическими выводами; довольно сказать, что главная цѣль ихъ состоитъ въ отысканіи или опредѣленіи *законовъ природы*. Значеніе же законовъ природы отчасти само собою вытекаетъ изъ предыдущаго: подъ закономъ природы разумѣется общее и краткое выраженіе нашего умозаключенія о тѣхъ соотношеніяхъ, которыя, по нашему понятію, основанному на предшествовавшихъ наблюденіяхъ, существуютъ между опредѣленными явленіями физическаго міра.—Законъ природы, относительно опредѣленнаго ряда физическихъ явленій, есть тоже самое, что алгебраическая формула, относительно заключающихся въ ней количествъ.

(*) Остроградскій — въ изустныхъ лекціяхъ о Механикѣ.

Если естествоиспытатели говорятъ о силахъ природы, изъ этого не слѣдуетъ еще заключать, чтобы сущность разсматриваемыхъ ими силъ была для нихъ самихъ совершенно ясною и понятною. Это условныя, отвлеченныя понятія, служащія къ отчетливому представленію, къ краткому и ясному выраженію законовъ природы, приведенныхъ въ сознаніе посредствомъ продолжительныхъ наблюденій и разнообразныхъ опытовъ. — Метафизическія умозрѣнія о природѣ такъ называемыхъ натуръ-философовъ всегда оставались безплодными, между прочимъ, и потому, что они этимъ условнымъ понятіямъ старались придать абсолютное* значеніе. Кромѣ того, основываясь въ своихъ умозаключеніяхъ на *аналогіи* и *наведеніи* (inductio), единственныхъ пріемахъ ума нашего, приложимыхъ къ изслѣдованію явленій видимаго міра, они не считали и не считаютъ нужнымъ повѣрять эти умозаключенія, сравненіемъ ихъ, при помощи мѣры и числа, со всѣми подробностями дѣйствительно происходящихъ явленій, какъ это дѣлаютъ такъ называемые эмпирики, обогатившіе науку такими удивительными открытіями.

Колебательное движеніе Европейскаго материка, въ историческое, и близкое къ историческому, время.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ,

НАПИСАННОЕ ПО СЛУЧАЮ ТОРЖЕСТВА

СВЯЩЕННАГО МУРОПОМАЗАНІЯ И КОРОНОВАНІЯ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА II

и

АВГУСТѢЙШЕЙ СУПРУГИ ЕГО

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ,

ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ МИНЕРАЛОГІИ И ГЕОГНОЗІИ

Григоріемъ Щуровскимъ.

Земной шаръ, какъ доказываютъ въ геологіи, находился нѣкогда въ огненно-жидкомъ или расплавленномъ состояніи. Въ теченіе времени на поверхности этой жидкой массы, отъ постепеннаго охлажденія, образовалась твердая кора, та самая, на которой мы живемъ, и воображаемъ, что подъ нами находится самое прочное основаніе. Но въ дѣйствительности толщина земной коры, относительно радіуса земли, составляетъ весьма незначительную величину. Ее обыкновенно сравниваютъ съ яичною скорлупою.

Въ прежнія, или такъ называемыя геологическія времена, земная кора была еще тоньше, нежели теперь, и потому подвергалась весьма частымъ измѣненіямъ отъ напора внутренней жидкой массы. Притягиваемая солнцемъ и луною, волнуемая упругими газообразными веществами, эта масса постоянно направлялась къ поверхности, и разрывала тогдашнюю еще неустановившуюся кору. Но и при нынѣшней толщинѣ земной коры, внутреннее жидкое ядро, по тѣмъ же и нѣкоторымъ другимъ причинамъ, не перестаетъ оказывать на нее свое могучее вліяніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно разрываетъ кору, и обнаруживаетъ себя вулканическими изверженіями, а въ другихъ только поднимаетъ и опускаетъ ее. Первыя проявленія внутренняго ядра такъ поразительны, что всегда обращали на себя вниманіе, и были описываемы съ большою подробностію. Напротивъ того, о другихъ ничего не было извѣстно почти до самаго послѣдняго времени. И неудивительно: повышенія и пониженія земной коры или материковъ происходятъ обыкновенно на огромномъ пространствѣ, и чрезвычайно медленно, въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій. Опредѣленіе такихъ явленій требовало многочисленныхъ наблюденій, и того состоянія науки, какое получила она въ наше время. Теперь мы привыкли къ этой мысли

и нисколько не сомнѣваемся въ возможности поднятія или пониженія какой-либо значительной части материка; но съ самаго начала надобно было имѣть очень много смѣлости и неотразимыхъ доказательствъ, чтобы согласиться, что есть силы, которыя въ состояніи *коробить* земную кору.

Какія же въ самомъ дѣлѣ есть на это доказательства? Какъ увѣриться, что материкъ подымается, или понижается въ какой-либо странѣ? Къ рѣшенію этихъ вопросовъ приводятъ весьма различныя соображенія. Мы разсмотримъ ихъ при частномъ описаніи странъ, находящихся въ томъ или другомъ состояніи.

Описаніе наше мы начнемъ съ той страны, которая пользуется особенною извѣстностію въ наукѣ относительно своихъ движеній, и въ которой это явленіе изслѣдовано прежде другихъ. Я разумѣю Швецію и Норвегію, или, однимъ словомъ, Скандинавію.

Съ давняго времени стали замѣчать пониженіе воды въ Балтійскомъ морѣ, и удаленіе ея отъ шведскихъ береговъ. Это особенно замѣтно было въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берега состоятъ изъ выдающихся скалъ, гранитныхъ или гнейсовыхъ, и гдѣ слѣдовательно такое удаленіе воды не можетъ зависѣть отъ песчаныхъ наносовъ. Тоже самое доказывали острова или шкеры, которые сотнями лежатъ передъ гранитными или гнейсовыми берегами, и сами состоятъ изъ такихъ же горныхъ породъ, составляя собою подводное продолженіе берега. Нѣкоторые изъ этихъ острововъ, за нѣсколько десятковъ лѣтъ отдѣлявшіеся отъ материка проливами, въ теченіе времени сдѣлались полуостровами; гранитное или гнейсовое дно проливовъ мало по малу выходило наружу, и превращалось въ перешеекъ, также гранитный или гнейсовый. Въ половинѣ прошлаго столѣтія пониженіе Балтійскаго уровня обратило на себя особенное вниманіе шведскаго физика Цельсіуса. Онъ приписывалъ это явленіе дѣйствительному убыванію воды, и старался отыскивать причины этого убыванія *). Предположеніе Цельсіуса могло бы имѣть свое основаніе, если бы пониженіе воды было замѣчено не въ одномъ Балтійскомъ морѣ, а во всѣхъ, съ которыми оно находится въ сообщеніи. Но положительно извѣстно, что морской уровень никогда не подвергался такому общему измѣненію. По наблюде-

---

*) Въ запискахъ шведской Академіи Наукъ, за 1843 г. F. A, Walchner, Handbuch der Geognosie. 1850. Zweite Aufl. 4-e Lief. 498.

ніямъ Цельсіуса, вода убывала въ Балтійскомъ морѣ на 40 шведскихъ дюймовъ въ каждое столѣтіе *). Желая однако придти къ болѣе вѣрному результату, онъ и знаменитый соотечественникъ его Линнé настаивали на томъ, чтобы устроены были береговые знаки, по которымъ можно было бы судить объ измѣненіи морскаго уровня во многихъ прибрежныхъ мѣстахъ. Этимъ устройствомъ Линнé и Цельсіусъ оказали чрезвычайную услугу для послѣдующихъ наблюдателей. Это самый надежный способъ, какой только можно было употребить для достиженія цѣли.

Что же показали намъ береговые знаки? Показали, что уровень Балтійскаго моря дѣйствительно понижается, и не вездѣ одинаково, въ иныхъ мѣстахъ болѣе, въ другихъ менѣе. Изъ этого ясно было, что пониженіе Балтійскаго моря должно имѣть причиною не убываніе воды, а что-либо другое. Что же можетъ быть другое, какъ не поднятіе земли, или морскаго дна? Первый, рѣшившійся высказать эту мысль, былъ извѣстный шотландскій геологъ, Плейферъ. Въ 1802 году онъ утверждалъ, что всѣ явленія, приписываемыя убыванію воды въ Балтійскомъ морѣ, зависятъ отъ постепеннаго повышенія земли **). Но мысль Плейфера не была замѣчена его современниками, и осталась безъ послѣдствій. Гораздо счастливѣе его въ этомъ отношеніи былъ другой геологъ, Леопольдъ фонъ-Бухъ. Въ 1807 году, во время путешествія по Скандинавіи, онъ лично обозрѣлъ берега Швеціи, и пришелъ къ тому же убѣжденію, которое за пять лѣтъ предъ тѣмъ было высказано Плейферомъ ***) Мнѣніе Буха сильно всколебало тогдашнихъ геологовъ. Они не могли вообразить, чтобы цѣлая страна подымалась бугромъ, тѣмъ болѣе, что Швеція вовсе не принадлежитъ къ вулканическимъ странамъ; тутъ нѣтъ ни кратеровъ, ни горячихъ источниковъ,—однимъ словомъ, ничего, чтó бы доказывало проявленіе внутренней подземной силы.

Послѣ изысканій Буха Швеція сдѣлалась предметомъ особеннаго вниманія. Съ этого времени туземные геологи стали прилежнѣе наблюдать не столько признаки убыванія воды, сколько возвышенія земли. Гельстрёмъ

*) V. D'Archiac, Histoire des progrès de la géologie de 1834 à 1845. T. 1. 1847. p. 645

**) S. Playfair, Explication sur la théorie de la terre par Hutton, trad. de l'angl. par C. Basset. 1815.

***) Leop. von Buch, Reise durch Norwegen und Lappland, Bd. II. *p.* 291.

и Брункрона, провѣривъ въ 1820 году всѣ прибрежные знаки, доказали, что шведскій материкъ въ каждые сто лѣтъ подымается среднимъ числомъ на 4, 26 фута *). Весьма естественно, что нѣкоторые изъ европейскихъ геологовъ пожелали лично удостовѣриться въ дѣйствительности этого физическаго событія, и предпринимали путешествіе въ Швецію. Наибольшимъ успѣхомъ въ этомъ отношеніи увѣнчались наблюденія англійскаго геолога *Ляйеля*, обозрѣвавшаго Швецію въ 1834 году **). Онъ нашелъ много новыхъ доказательствъ въ подтвержденіе того, что говорено было объ этой странѣ Плейферомъ и Бухомъ. Одно изъ такихъ доказательствъ онъ встрѣтилъ въ окрестностяхъ Кальмара, Стокгольма и Упсалы. Въ этихъ мѣстахъ не только вблизи берега, но даже въ большомъ разстояніи отъ него, и на высотѣ 21—27 метровъ лежатъ глинисто-песчаные осадки, заключающіе въ себѣ множество такихъ раковинъ, которыя до нынѣ живутъ въ Балтійскомъ морѣ (Cardium edule, Tellina baltica, Mytilus edulis). Простираясь на большое пространство и параллельно берегу, эти раковинныя скопленія имѣютъ видъ *береговыхъ линій* или *террасъ*, совершенно сходныхъ съ тѣми, какія образуются въ настоящее время при морскихъ берегахъ. Не значитъ ли это, что берега Швеціи, находящіеся нынѣ на такой высотѣ, до которой не досягаютъ самыя огромныя волны, еще въ недавнее время составляли дно моря, и служили обиталищемъ для раковинъ?

Въ окрестностяхъ Стокгольма Ляейль замѣтилъ еще одно обстоятельство, которое могло бы показаться почти невѣроятнымъ, если бы не сопровождалось самыми убѣдительными доказательствами Въ Зёдертельской долинѣ (Södertelie), недалеко отъ Стокгольма, Ляейль нашелъ раковины, совершенно одинаковыя съ нынѣшними Балтійскими; онѣ лежатъ тутъ на высотѣ 90 футовъ надъ моремъ, и относятся къ огромной массѣ осадковъ, имѣющей болѣе 60 фут. толщины. Когда эти осадочныя массы, во время прорытія Зёдертельскаго канала, были разрѣзаны во многихъ мѣстахъ, то посреди ихъ нашлись остатки древнихъ судовъ, одинъ якорь и желѣзные гвозди. Въ нижней части того же канала, на глубинѣ 64 футовъ, открыли еще деревянную хижину, и съ признаками пребыванія въ ней человѣка. Посреди

---

*) Walchner, l. c. p. 499.

**) Въ Transact. phil. Soc. of. London, 1835. Тоже въ Mém. de la soc. d'histoire natur. de Neuchâtel, vol. I. Bullet. bibliographique, p. 1. 1836. V. D'Archiac. l. c. p. 646.

хижины находился каменный очагъ грубаго устройства, и на немъ остатки угольевъ и обгорѣлаго сосноваго дерева *). Какое же можно вывести заключеніе изъ этого? Не то ли, что берега Швеціи, уже со времени поселенія на нихъ человѣка, должны были подвергнуться двумъ противоположнымъ движеніямъ, именно опуститься на весьма большую глубину, и потомъ снова подняться? Дѣйствительно, иначе объяснить этого невозможно. Хижина, о которой мы говоримъ, въ слѣдствіе пониженія земли, должна была опуститься въ море, на глубину 64 фут. Тутъ мало по малу она покрылась весьма толстыми морскими осадками. Потомъ началось поднятіе морскаго дна; вмѣстѣ съ нимъ хижина также должна была подыматься, и наконецъ пришла въ нынѣшнее положеніе; теперь она находится въ одномъ уровнѣ съ Балтійскимъ моремъ. Предполагаемыя нами движенія, быть можетъ, совершались въ продолженіи цѣлыхъ тысячелѣтій, но во всякомъ случаѣ должны были происходить въ то время, когда тутъ обитали народы, умѣвшіе строить суда и обработывать желѣзо.

Дальнѣйшія наблюденія показали, что берега Швеціи подымаются не въ одной только средней ея части, около Стокгольма или Упсалы, но на всемъ протяженіи отъ Сканіи до Торнео, и подымаются, какъ замѣчено выше, не вездѣ одинаково. Самая бóльшая высота, которой достигло это поднятіе, повидимому, простирается до 400 футовъ; по крайней мѣрѣ, это наибóльшая высота, на которой французскій геологъ Роберъ наблюдалъ раковины Балтійскаго моря, около Зёдергама (Söderhamm), подъ 61° 20′ сѣв. ш **).

Западный берегъ Швеціи, особенно между городами Уддевалла и Готенбургомъ, представляетъ столь же значительное поднятіе, какъ восточный. Еще въ прошломъ столѣтіи, подлѣ Уддеваллы, на высотѣ 200 фут. надъ морскою поверхностію Линнé нашелъ такія раковины, которыя свойственны Нѣмецкому, и особенно Ледовитому морю ***). Тутъ же, въ 1824 году, Броньяромъ замѣчены такъ называемые морскіе желуди (Balanus), которые весьма крѣпко пристали къ гнейсовымъ скаламъ, бывшимъ нѣкогда подъ водою ****). Морскія животныя, сходныя съ Уддевальскими, по

*) Walchner, l. c. 499, 500.

**) Eug. Robert, Bull. de la soc. géologique de France, 1842. t. 13.

***) Reise durch Westgothland. Перев. съ швед. 228.

****) Alex. Brongiart, Tableau des terrains qui composent l'écorce du globe. 1829. p. 88—90.

наблюденіямъ Ляйеля, находятся и гораздо далѣе отъ берега, внутри самаго материка, напр. около Tussendalensbæcken, на западномъ берегу озера Венеръ и др. *). Во всѣхъ означенныхъ мѣстахъ раковины лежатъ на открытомъ воздухѣ, и, не смотря на это, сохранили свой цвѣтъ и нѣкоторую свѣжесть. Это послѣднее обстоятельство, повидимому, доказываетъ, что онѣ оставили море въ весьма недавнее время; но, судя по ихъ сѣверному характеру, надобно полагать, что поднятіе ихъ послѣдовало въ ту эпоху, когда воды, омывавшія южную часть Скандинавіи, были гораздо холоднѣе нынѣшнихъ.

Среднее возвышеніе Швеціи, по наблюденіямъ Ляйеля, довольно близко къ тому, какое выведено было Гелльстрёмомъ и Брункроною, именно 3 фута на каждое столѣтіе.

Въ восходящемъ движеніи Швеціи участвуютъ не только ближайшіе къ ней острова или шкеры, о которыхъ мы говорили выше, но и тѣ, которые отстоятъ отъ нея гораздо далѣе, какъ островъ Готландъ. По описанію Мурчисона **), между возвышеніями этого острова вездѣ находятся углубленія, занятыя въ настоящее время торфяными болотами. Нѣкоторыя изъ этихъ углубленій почти пересѣкаютъ островъ, а другія имѣютъ видъ заливовъ, далеко врѣзывающихся внутрь земли. По туземному преданію всѣ означенныя углубленія въ прежне время сообщались съ моремъ, и были наполнены водою. Епископъ Валлинъ, изъ Висби, вполнѣ вѣрилъ этому народному преданію, и включилъ его въ свое сочиненіе *Gothlandiska Samlinga*, Stockholm, 1747. Въ этомъ сочиненіи упоминается имъ о старинной картѣ, изданной въ Даніи 1676 года, и представляющей тогдашнее состояніе острова Готланда. На ней заливы и рукава, о которыхъ мы упоминали выше, изображены гораздо бо́льшими, нежели какими они оказываются въ настоящее время. Соединяя ихъ пунктирными линіями, ученый Епископъ представляетъ Готландъ группою небольшихъ островковъ, слившихся съ послѣдствіи въ одинъ большой. Такое слитіе, безъ всякаго сомнѣнія, могло зависѣть только отъ поднятія морскаго дна. Мурчисонъ нисколько не сомнѣвается въ предположеніяхъ Епископа Валлина относительно значенія

---

*) Loc. cit. То же въ Poggendorf's Annal. 1836. Bd. 38. p. 64. D'Archiac, l. c. p. 647.

**) Р. И. Мурчисонъ, Эд. Вернейль, и Графъ Кейзерлингъ, Геологическое описаніе Европейской Россіи и хребта Уральскаго. Перев. съ Англійск. Полков. Озерскимъ. 1849. Ч. I. 484 и 485.

углубленій острова Готланда. По его замѣчанію, такія же углубленія часто встрѣчаются въ юго-западной части Швеціи. Онѣ находятся большею частію въ значительномъ разстояніи отъ нынѣшняго берега, внутри самаго материка; но достаточно было бы весьма небольшой перемѣны въ положеніи моря, чтобы онѣ наполнились водою, и сдѣлались доступными для небольшихъ судовъ. Мурчисона увѣряли, что на высотахъ, обращенныхъ къ большимъ углубленіямъ острова Готланда, до сихъ поръ сохранились желѣзныя кольца, которыя служили нѣкогда для прикрѣпленія судовъ. Но это принадлежитъ къ народнымъ сагамъ, въ которыхъ большею частію кроется одинъ только намекъ на какое-либо физическое событіе, самое же событіе обыкновенно бываетъ чрезвычайно преувеличено.

Въ слѣдствіе вышеизложенныхъ наблюденій, легко было предположить, что сосѣдняя Финляндія при своихъ берегахъ представляетъ такое же явленіе, какъ Швеція. Но мысль о повышеніи Финляндскихъ береговъ родилась прежде этихъ наблюденій и принадлежитъ Буху. Онъ полагалъ, что весь материкъ на пространствѣ отъ Фридрихсгальда до Або, а можетъ быть и до самаго Петербурга, подымается *). Въ то время это было одно предположеніе, но, какъ предположеніе геніальнаго человѣка, оно должно было рано или поздно подтвердиться наличными доказательствами. Дѣйствительно, Финляндія въ нынѣшній геологическій періодъ значительно поднялась надъ морскою поверхностію, и продолжаетъ подниматься до сихъ поръ. Относительно этого мы имѣемъ весьма точныя наблюденія, которыми обязаны Капитану Казакевичу, участвовавшему подъ главнымъ начальствомъ извѣстнаго гидрографа Контръ-Адмирала Рейнеке при съемкѣ Балтійскихъ береговъ. «Въ доказательство того, что морской уровень при берегахъ Финляндіи въ настоящее время гораздо ниже прежняго, мы приведемъ, говоритъ онъ, во первыхъ то, что имена многихъ тамошнихъ мѣстъ (которыя теперь находятся на материкѣ), оканчивающіяся на *holm* (небольшой островъ), *ö* (островъ), *sund* (проливъ), *wick* (морской заливъ), ясно показываютъ, что эти мѣста прежде принадлежали морю, а не матерой землѣ, и нисколько не соотвѣтствуютъ нынѣшнему ихъ положенію. Сверхъ того, объ измѣненіи морскаго уровня свидѣтельствуютъ большія прибрежныя скалы, которыя теперь стоятъ высоко

*) Leop. von Buch, l. c. p. 291.

надъ водою, а въ прежнее время были часто заливаемы ею, и жители охотились на нихъ за тюленями (*). Тоже самое доказываютъ тѣ темныя горизонтальныя полосы, которыя замѣчаются на крутыхъ береговыхъ скалахъ, и которыя какъ естественные знаки обозначаютъ прежній уровень моря, на такой высотѣ, какой теперь оно болѣе не достигаетъ. Наконецъ мы можемъ указать еще на правильныя, въ видѣ длиннаго вала простирающіяся полосы кристаллическихъ валуновъ, полосы, которыя лежатъ на высокихъ и ровныхъ холмахъ, гранитныхъ или песчаныхъ **).» Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти валы или террасы, состоящіе изъ крупнаго горнаго щебня, по наблюденіямъ же г. Казакевича, бываютъ увѣнчаны большими гранитными глыбами, которыя, какъ онъ справедливо замѣчаетъ, должны были переноситься пловучимъ льдомъ. Но если вода и ледъ, заключаетъ онъ, достигали нѣкогда такой высоты, до которой они теперь не достигаютъ, то нынѣшній морской уровень, очевидно, долженъ быть ниже прежняго.

Кромѣ этихъ весьма убѣдительныхъ доказательствъ, медленное повышеніе Финляндскихъ береговъ подтверждается еще измѣреніями, основанными на береговыхъ знакахъ, которые были устроены еще въ половинѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Эти измѣренія помѣщены Проф. Гелльстрёмомъ въ Acta societatis scientiarum Fennicae. Tom. I., и давали возвышеніе берега при

Або	съ 1750 по 1841 г.	= 1,75	шведск. фут.
Hängö-Udd	— 1754 — 1837 г.	= 1,67	— —
Iussari	— 1800 — 1837 г.	= 0,74	— —
Свеаборгѣ.	— 1800 — 1840 г.	= 0,80	— —

*) Значитъ, берега Финляндіи увеличиваются чрезъ присоединеніе къ нимъ окололежащихъ гранитныхъ островковъ или шкеръ, точно такимъ образомъ, какъ это происходитъ въ Швеціи.

**) Капитанъ Казакевичь сообщилъ свои наблюденія Академику Гельмерсену, который и помѣстилъ ихъ въ своей запискѣ: Ueber das langsame Emporsteigen der Ufer des Baltischen Meeres und die Wirkung der Wellen und des Eises auf dieselben, читанной въ Академіи Наукъ 26 Октяб. 1855 г. Bull. de l'Acad. Impériale des S. Peterb. T. XIV. 1856 p. 193.

Но для того, чтобы на будущее время получить болѣе точную цифру повышенія Финляндіи въ данное время, С.-Петербургская Академія Наукъ въ 1837 году просила Морское Министерство поручить Капитану (нынѣ Контръ-Адмиралу) Рейнеке, по случаю съемки прибалтійскихъ береговъ, нарубить новые знаки на скалахъ, непосредственно выдающихся изъ воды, и опредѣлить ихъ разстояніе отъ средняго уровня моря. Эта работа произведена со всею возможною тщательностію, и отъ Петербурга до Аландскихъ острововъ поставлено 17 знаковъ.

Г-ну Казакевичу мы обязаны также наблюденіями надъ берегами Эстляндіи. «Если мы, говоритъ онъ, обратимся къ южному берегу Финскаго залива, и особенно къ острову Оденсгольму (въ 10 верст. на с. з. отъ мыса Спитама, и въ 38 верстахъ по прямой линіи на з. ю. з. отъ Балтійскаго Порта), то увидимъ здѣсь тоже самое, что́ въ Финляндіи. *) «Сравнивая теперешнюю величину острова Оденсгольма съ прежними его описаніями, г. Казакевичь находитъ, что онъ въ короткое время долженъ былъ испытать большія перемѣны. Тоже самое, по его замѣчанію, произошло съ небольшими островками, лежащими съ юго-восточной и южной стороны Оденсгольма. Г. Казакевичь описываетъ еще тамошнія береговыя террасы, и самыми отличительными изъ нихъ, повидимому, почитаетъ тѣ, которыя находятся при заливѣ Кейби. Онѣ простираются параллельно съ берегомъ на 500 саженъ длины; самая высокая изъ нихъ лежитъ на высотѣ $24\frac{1}{2}$ англійс. футовъ; слѣдующая за нею нѣсколько ниже, и т. д. до самаго моря. Всѣ эти гряды или террасы состоятъ изъ крупнаго известняковаго щебня, и замыкаютъ собою обширную болотистую низменность, поросшую древнимъ сосновымъ лѣсомъ. Правильное и параллельное направленіе этихъ террасъ, округлый видъ известняковаго щебня, и наконецъ повсюду разсѣянные гранитные валуны, — ясно доказываютъ, что островъ поднялся изъ воды.

Впрочемъ, о медленномъ поднятіи Эстляндіи и прилежащихъ острововъ отчасти можно было заключать изъ прежнихъ описаній этой страны

---

*) Loco. cit. p. 199, 200.

Академикомъ Эйхвальдомъ *), Полковникомъ Озерскимъ **), и Дерптскимъ Профессоромъ Шренкомъ ***). Но самымъ спеціальнымъ и недавнимъ изслѣдованіемъ этого предмета мы обязаны Академику Гельмерсену ****). Разсмотрѣвъ критически наблюденія своихъ предшественниковъ и согласивъ ихъ съ своими собственными наблюденіями, Гельмерсенъ составилъ весьма любопытную записку, читанную имъ въ прошломъ году въ засѣданіи Академіи Наукъ. Изъ всѣхъ явленій, доказывающихъ медленное возвышеніе Эстляндіи, преимущественное вниманіе заслуживаютъ песчаные наносы съ остатками нынѣшнихъ Балтійскихъ раковинъ (Cardium edule, Tellina baltica, Mytilus edulis), и прежнія береговыя террасы, состоящія изъ песку, либо горнаго щебня, и увѣнчанныя иногда большими эрратическими глыбами. Песчаные наносы съ раковинами были наблюдаемы въ разныхъ мѣстахъ Эстляндіи, и Эйхвальдомъ, и Озерскимъ и Шренкомъ, но яснѣе всего они описаны Гельмерсеномъ, около Гапсаля, недалеко отъ Кирхгофа, по дорогѣ въ Ревель. Тутъ раковинные остатки лежатъ на высотѣ 20 футовъ надъ моремъ, и въ $\frac{1}{4}$ версты отъ берега, въ грубомъ пескѣ, вмѣстѣ съ валунами известняка и кристаллическихъ породъ. Тамошнія террасы имѣютъ обыкновенно видъ вала, и преимущественно состоятъ изъ известняковаго щебня съ примѣсью Финляндскихъ кристаллическихъ породъ, и небольшаго количества песку, иногда же изъ одного сыпучаго песку, и представляются настоящими дюнами. Такія дюны были наблюдаемы Гельмерсеномъ не далеко отъ Ревеля, также между Ревелемъ и Балтійскимъ Портомъ, около имѣнія Фалль. Они сопровождаются гранитными валунами, отъ самой малой до огромной величины. Послѣдніе большею частію сохранились безъ всякаго измѣненія, и лежатъ то отдѣльными массами, то группами (около Лиліенбаха, не далеко отъ Нарвы), то длинными и широкими полосами. Нѣкоторые изъ этихъ валуновъ такъ огромны, и такъ мало обтерты, что, по всей вѣроятности, занесены сюда

*) О силурійской системѣ пластовъ въ Эстляндіи, 1840.

**) Горный Журналъ, 1844. N. N. 4 и 5. Тоже въ Verhandlungen der Kaiserlich-Russischen Mineralogischen Gesellschaft zu St. Petersburg. Jahr. 1844.

***) Schrenk, Uebersicht des obern Silurischen Schichten-System Liv- und Esthlands etc. въ Archiv f. d. Natur Liv-, Esth- und Kurlands, Erster Band. Dorpat, 1854.

****) Loc. cit.

пловучимъ льдомъ, — въ то время, когда уровень Балтійскаго моря былъ гораздо выше нынѣшняго.

Въ доказательство постояннаго возвышенія береговъ приводятъ иногда такія явленія, которыя зависятъ отъ другихъ причинъ; такъ напр. относительно Финляндіи часто указываютъ на ту часть берега, которую занимаетъ городъ Ваза. Основанный Густавомъ Адольфомъ на берегу моря, близъ Кваркенскаго пролива, онъ имѣлъ пристань, и былъ торговымъ приморскимъ городомъ. Въ теченіе времени, море такъ далеко отошло отъ города, что пристань находилась отъ него уже въ десяти верстахъ. Это было причиной, что жители Вазы, по случаю пожара, истребившаго почти весь городъ въ 1842 году, рѣшились переселиться ближе къ морю, и сдѣлать свой городъ опять приморскимъ *). Нѣкоторыя рыбачьи деревни при берегахъ Финляндіи, въ продолженіе извѣстнаго времени, три раза были переносимы съ одного мѣста на другое, въ слѣдъ за удаляющимся моремъ. Все это, дѣйствительно, могло произойти отъ постояннаго возвышенія берега, но могло быть слѣдствіемъ и нагроможденія морскихъ наносовъ, или даже могло зависѣть отъ той и другой причины вмѣстѣ. Очевидно, подобные случаи должны быть подвергаемы весьма строгому изслѣдованію, дабы видѣть, какое участіе принимаетъ въ нихъ поднятіе земли, и какое морскіе наносы.

Точно такая же осторожность должна быть наблюдаема относительно возвышенія острововъ, разсѣянныхъ во множествѣ по сосѣдству съ Финляндіею и Эстляндіею. Такъ, напримѣръ, острова Даго, Эзель и другіе ближайшіе къ нимъ (Гукра, Гарри, Каддекъ, Вормсъ, Рамсгольмъ, Нукко, Ракгольцъ, Подденъ), обнаруживаютъ постоянное увеличиваніе своихъ береговъ и обмеленіе промежутковъ, ихъ раздѣляющихъ, слѣдовательно какъ бы поднимаются изъ моря, но на самомъ дѣлѣ, какъ доказываютъ наблюденія Эйхвальда, Озерскаго и Гельмерсена, это зависитъ отъ накопленія морскихъ наносовъ. Напротивъ того, островъ Гохландъ обнаруживаетъ дѣйствитель-

*) По извѣстіямъ, сообщеннымъ Московскими Вѣдомостями (1855 г. 2 Іюня. № 66. стр. 554), новый городъ начнется въ $6\frac{1}{2}$ верстахъ отъ стараго, мѣсто котораго займетъ современемъ деревня Ваза. Новостроящійся городъ, по просьбѣ жителей, будетъ называться *Николайштадъ*, въ память покойнаго Государя.

ное поднятіе. По описанію Полковника Гофмана *), въ настоящее время онъ соединяется посредствомъ низменнаго перешейка, съ высокимъ утесомъ, прямо выходящимъ изъ воды, между тѣмъ какъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ тутъ не было перешейка, и утесъ отдѣлялся отъ острова довольно глубокимъ проливомъ. Какъ же уничтожился этотъ проливъ: песчаными наносами, или поднятіемъ земли? Очевидно, поднятіемъ земли, потому что соединяющій перешеекъ состоитъ изъ такой же твердой породы, какая образуетъ утесъ и ту часть острова, къ которой примыкаетъ перешеекъ. Тутъ происходитъ тоже самое, что представляютъ намъ гранитные и гнейсовые шкеры при шведскихъ берегахъ. Приведемъ еще одинъ примѣръ. Южная часть острова Эзель оканчивается, какъ извѣстно, небольшимъ полуостровомъ, который называется Шворбе и который еще за 50 лѣтъ предъ симъ, былъ отдѣленъ отъ острова проливомъ; мелкія суда могли свободно проходить этимъ каналомъ изъ Рижскаго залива въ море **); но теперь его затянуло наносами, и онъ превратился въ перешеекъ. По наблюденіямъ Шренка,—Шворбе и Эзель состоятъ изъ верхне-силурскаго известняка, самый же перешеекъ изъ песку и щебня. Шренкъ упоминаетъ еще о террасахъ, которыя, подобно Оденсгольскимъ, простираются параллельно съ берегомъ, и занимаютъ въ одномъ мѣстѣ цѣлый скатъ, въ 30 футовъ высотою. Этотъ послѣдній признакъ, по мнѣнію Гельмерсена, неоспоримо доказываетъ, что оба острова, Шворбе и Эзель, подняты въ нынѣшній геологическій періодъ, но не доказываетъ, чтобы это поднятіе произошло въ историческое время; напротивъ, самое соединеніе ихъ между собою, или уничтоженіе пролива, есть событіе историческое. Еслибы соединяющій перешеекъ состоялъ изъ такого же силурскаго известняка, изъ какого образовались оба острова, то не было бы никакого сомнѣнія, что соединеніе ихъ произошло въ слѣдствіе вѣковаго поднятія земли. Но низменный, и теперь еще не вездѣ сухой перешеекъ, состоитъ только изъ песку и щебня, и потому можно полагать, что въ образованіи его участвовало не столько поднятіе земли, сколько морскіе наносы. ***)

---

*) Hofmann, Geognostische Beobachtungen auf einer Reise von Dorpat nach Abo, 1837 p. 30.

**) Ed. Eichwald, Bull. de la Soc. des natural. de Mosou, 1854. N. 1. pag. 45.

***) G. v. Helmersen, loc. cit. p. 208.

Дабы выдти изъ всѣхъ означенныхъ недоразумѣній, Гельмерсенъ весьма справедливо предлагаетъ опредѣлить средній уровень моря по берегамъ Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи, подобно тому, какъ это сдѣлано при берегахъ Финляндіи и Швеціи. Тамъ, какъ извѣстно, служатъ для этого знаки, вырѣзанные на выдающихся гранитныхъ скалахъ. При берегахъ Остзейскихъ губерній такихъ твердыхъ скалъ нѣтъ, слѣд. для достиженія той же цѣли надобно придумать другое средство. Само собою разумѣется, что естественныя скалы можно было бы замѣнить искусственными гранитными столбами, но такое устройство, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ неудобствъ, потребовало бы значительныхъ издержекъ. Въ замѣнъ этого Гельмерсенъ предлагаетъ слѣдующее средство: опредѣлить со всею точностію посредствомъ употребляемыхъ теперь свай нормальное стояніе моря; потомъ выбрать на сосѣднихъ берегахъ твердый пунктъ, всего лучше основаніе каменныхъ церквей; обозначить этотъ пунктъ гранитнымъ валуномъ на весьма прочномъ фундаментѣ; снабдить его надписью, показывающею его назначеніе; и наконецъ опредѣлить абсолютную высоту его посредствомъ нивелированія геодезическимъ способомъ. На протяженіи отъ Кронштадта до Полангена, или до прусской границы, Гельмерсенъ насчитываетъ болѣе 20 пунктовъ, удобныхъ для предполагаемыхъ имъ измѣреній. Но потомъ, принявъ въ расчетъ точность, съ какою производится нивелированіе посредствомъ нынѣшнихъ инструментовъ, онъ полагаетъ, что можно ограничиться только пятью пунктами, именно: Кронштатомъ, Ревелемъ, островомъ Эзелемъ, Ригою и Полангеномъ. Эти пять пунктовъ, по мнѣнію Гельмерсена, совершенно достаточны для того, чтобы лѣтъ черезъ 50 получить опредѣленую мѣру поднятія Остзейскихъ береговъ *).

Въ ожиданіи этого результата, мы сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе относительно возвышенія сѣверной части Россіи. Повидимому, оно не ограничивается одними Балтійскими берегами, но простирается внутрь Россіи, по направленію большихъ озеръ, Ладожскаго и Онежскаго, до устья рѣки Ваги, впадающей въ Сѣверную Двину. Эта послѣдняя мѣстность, по изслѣдованіямъ Мурчисоновской экспедиціи, поднята болѣе нежели на 150 футовъ

---

*) Loco cit. p. 210 — 212.

надъ морскою поверхностію, и отстоитъ почти на 250 верстъ отъ Архангельска; но, не смотря на это, тутъ находятся раковины, принадлежащія Бѣлому и Ледовитому морю *). Поднятіе этой части Россіи, вѣроятно, послѣдовало въ одно время съ поднятіемъ западной части Швеціи, которую мы описали выше. Между раковинами этой мѣстности и Уддевальскими есть много сходнаго, а нѣкоторыя изъ нихъ совершенно одинаковы.

Итакъ все Балтійское поморье, со стороны Швеціи и со стороны Россіи, находится въ вѣковомъ восходящемъ движеніи. Но, поднимаясь въ одномъ мѣстѣ, земная кора необходимо должна опускаться въ другомъ. Гдѣ же, въ какихъ странахъ происходитъ то пониженіе, которое, по своей обширности, могло бы соотвѣтствовать повышенію Швеціи и прибалтійской Россіи? Къ удивленію, оно начинается въ самой Швеціи, именно въ южной части Сканіи, а продолженіе его составляютъ Данія, сѣверная Германія, Нидерланды и сѣверная Франція.

Сканія въ этомъ отношеніи весьма подробно изслѣдована Лундскимъ Профессоромъ Нильсономъ **). Южный и юго-восточный берегъ ея, по свидѣтельству этого ученаго, заключаетъ очень много торфяниковъ, которые лежатъ гораздо ниже моря, и защищены отъ него только береговымъ валомъ изъ намытаго морскаго песку. По своему низменному положенію, они должны были бы образоваться въ морѣ, и заключать въ себѣ морскія произведенія, а на самомъ дѣлѣ они состоятъ изъ наземныхъ растеній, и, сверхъ того, заключаютъ прѣсноводныя раковины, остатки звѣрей (Bos priscus s. primigenius, Bos urus s. Aurochs, Ursus spaeleus) и человѣческія кости, сопровождаемыя охотничьими орудіями ***). Въ самомъ морѣ, на 50—100 шаговъ отъ берега находится торфяникъ, также состоящій изъ наземныхъ и прѣсноводныхъ произведеній, слѣд. первоначально образовавшійся внѣ моря, и потомъ уже въ него погрузившійся. Погруженіе это, безъ всякаго сомнѣнія, могло быть слѣдствіемъ только пониженія земли. Въ Сканіи есть случаи, которые доказываютъ, что она и теперь продолжаетъ понижаться. Мѣстечко Statsten, находящееся въ самой южной части этой страны, въ продолженіи 87

*) Р. И. Мурчисонъ, Эд. Вернейль, и Графъ Ал. Кейзерлингъ, l. c. Ч. I. 1127—1139.

**) D'Archiac, l. c. T. I. 1847. p. 647. 648. Walchner, l. c. 502. 503.

***) D'Archiac, l. c. 651.

лѣтъ, именно со времени посѣщенія его Линнеемъ, приблизилось къ морю на 380 футовъ.

Мурчисонъ въ рѣчи своей, говоренной 1845 года въ Лондонскомъ географическомъ Обществѣ, указываетъ на существованіе въ Швеціи такой линіи, которою разграничиваются ея противоположныя движенія, восходящее и нисходящее *). Эта неподвижная линія проходитъ отъ запада къ востоку параллельно Солвитсборгу. Къ сѣверу отъ этой параллели Швеція поднимается, а къ югу, или въ Сканіи, понижается; такимъ образомъ движеніе ея походитъ на движеніе рычага, у котораго одинъ конецъ поднимается, а другой въ тоже время опускается, между тѣмъ какъ средина между этими движущимися концами остается въ покоѣ.

Въ Даніи, именно при западныхъ берегахъ Ютландіи, Шлезвига и Голштиніи, мы находимъ столь же ясные признаки пониженія материка, какъ и въ Сканіи. При островѣ Ромое, и къ сѣверу отъ него по берегамъ Ютландіи до самаго Лимфіорда, пониженіе материка доказываютъ лѣса, или деревенистые торфяники, погрузившіеся на 10 или 12 футовъ ниже обыкновеннаго морскаго уровня **). Такіе же торфяники, и почти на такой же глубинѣ находятся при западныхъ берегахъ острова Сильта, около Гуссумъ, между островомъ Феръ и твердою землею. Берега южной части Шлезвига и Голштиніи съ своими деревенистыми торфяниками, или лѣсами, также опустились ниже морскаго уровня, и вездѣ покрыты глинисто-илистыми наносами, или такъ называемыми маршами (marsch). Самое большее пониженіе въ Даніи представляетъ островъ Борнгольмъ: тамошніе подводные лѣса находятся на глубинѣ 27 футовъ.

Растенія, изъ которыхъ состоятъ описываемые нами торфяники или подводные лѣса, нисколько не отличаются отъ тѣхъ, какія свойственны Даніи въ настоящее время; но нельзя сказать, чтобы онѣ принадлежали къ числу господствующихъ ея растеній. Въ торфяникахъ находятъ обыкновенно березу и сосну (Pinus sylvestris), — деревья, которыя вообще не такъ часто встрѣчаются въ Даніи. Въ настоящее время сосна не растетъ тамъ цѣлыми лѣсами, какими растетъ дубъ и особенно букъ, составляющій украшеніе всего южнаго Балтійскаго поморья. Въ подводныхъ лѣсахъ

*) Adress to the roy. geogn. Soc. of London. 1845. D'Archiae, l. c. 650.

**) Walchner, l. c.

ни дуба, ни бука не находили; но въ торфяникахъ наземныхъ и доселѣ образующихся они находятся, и занимаютъ обыкновенно верхній слой, сравнительно съ тѣми, которые заключаютъ сосну и осину. Это вполнѣ подтверждается наблюденіями Профессора Штинструпа надъ торфяниками въ окрестностяхъ Копенгагена. Изъ этого видно, что пониженіе Даніи послѣдовало въ то время, когда ея лѣса преимущественно состояли изъ березы и сосны, или, другими словами, когда она имѣла болѣе холодный климатъ, нежели нынѣ. Дѣйствительно, это событіе должно относиться къ весьма отдаленному времени, но не должно выходить изъ нынѣшняго геологическаго періода. Доказательствомъ этому служитъ то, что около Гуссума, въ Шлезвигѣ, подъ деревенистымъ торфяникомъ, о которомъ мы упоминали выше, былъ открытъ песчаный холмъ, имѣющій сходство съ древними курганами или могилами, и въ этомъ холму нашли ножъ, сдѣланный изъ кремня *). Такая же могила была открыта на островѣ Сильтѣ. Форгаммеръ нашелъ въ ней остатки дубоваго угля, лежавшіе на каменномъ полу; тутъ же, въ небольшихъ углубленіяхъ, стояли разбитые глиняные сосуды со жжеными костями. Никакихъ металлическихъ вещей не замѣчено **). Значитъ, пониженіе материка послѣдовало въ то время, когда уже обиталъ на немъ какой-то народъ весьма древній и незнакомый еще съ употребленіемъ металловъ.

Пониженіе Даніи, какъ видно изъ предыдущаго, не вездѣ одинаково; самое большое, простирающееся до 27 футовъ, замѣчено на западномъ берегу острова Борнгольма. Но эти измѣренія нельзя принимать за точную мѣру пониженія материка; потому что нѣкоторыя части Даніи, послѣ пониженія, снова были подняты. Примѣры такого обратнаго движенія мы находимъ и въ Ютландіи, и въ Шлезвигѣ, и въ Голштиніи, но болѣе точныя наблюденія относительно этого сдѣланы на островѣ Борнгольмѣ. По изслѣдованіямъ Форхгаммера, онъ въ каждыя сто лѣтъ поднимается на одинъ футъ ***).

Германская прибалтійская равнина, повидимому, подвергается такому же вѣковому пониженію, какое представляетъ Данія; по крайней мѣрѣ,

---

*) Walchner l. c. 530.

**) Ibidem.

***) Въ трудахъ Общества Скандин. натур. и Медиковъ въ Готенбургѣ. 1840. Письмо Форхгаммера къ Ляйелю. въ Transact. geol. Soc. of London. Vol. VI. 1841. p. 157. D'Archiac, l. c. p. 649.

это положительно извѣстно относительно Помераніи, той части берега, которая противолежитъ Сканіи *). Что же касается до пониженія береговъ Ганновера, Голландіи и Бельгіи, или, однимъ словомъ, Нидерландовъ, то это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Море, омывающее какую-либо плоскую страну, всегда стремится къ тому, чтобы изъ песку и валуновъ образовать длинную насыпь, и тѣмъ какъ бы оградить свои владѣнія. Такія насыпи Эли-де-Бомонъ называетъ *береговымъ валомъ* (cordon littoral). Дѣйствительно, онѣ имѣютъ видъ вала, который тянется вдоль морскаго берега непрерывною, или прерывающеюся линіею. Замыкая собою рѣчные заливы, онѣ превращаютъ ихъ во внутреннія озера или лагуны, которыя отъ постепеннаго наполненія рѣчными наносами въ теченіе времени превращаются въ торфяныя болота, или въ твердую землю. Ни одна дельта передъ устьями рѣкъ, впадающихъ въ море, не можетъ образоваться безъ береговаго вала. Почти каждая изъ нихъ первоначально была рѣчнымъ заливомъ, который, подобно нынѣшнему Куришъ-Гафу или Фришъ-Гафу, былъ огражденъ отъ моря песчаною косою, или береговымъ валомъ, но въ теченіе времени отъ накопленія рѣчныхъ наносовъ превратился въ дельту. Нидерланды также представляютъ собою дельту, или, точнѣе сказать, нѣсколько дельтъ, огражденныхъ чрезвычайно длиннымъ береговымъ валомъ. Протягиваясь отъ пролива Калѐ до устья Эльбы, онъ образуетъ довольно правильную кривую линію, кой-гдѣ прерывающуюся разрѣзами, посредствомъ которыхъ море находится въ сообщеніи съ внутренними озерами или лагунами, каковы Зюйдерзее, съ бывшимъ Гарлемскимъ моремъ, Доллартомъ, Ягдомъ и др. Различные острова, направляющіеся отъ Зюйдерзее къ устью Везера, не иное что какъ части разорваннаго береговаго вала.

Въ Нидерландахъ, этой обширнѣйшей дельтѣ многихъ рѣкъ, Шельды, Мааса, Эмса, Везера, и особенно Рейна, мы должны встрѣтить точно такія же явленія, какія представляютъ намъ другія дельты. И дѣйствитетельно, они тѣже, но естественный ходъ ихъ измѣняется тутъ двумя совершенно мѣстными обстоятельствами: во первыхъ, механическими устройствами или плотинами, воздвигаемыми для огражденія прибрежныхъ наносовъ (полдеры и марши, polder, marsch) отъ морскихъ наводненій,—наносовъ, которые чрезвычайно плодородны и составляютъ тамошнее богатство; во

*) Elie de Beaumont, Rapport sur un mémoire de M. Bravais, въ Comptes rendus, 1842.

вторыхъ, пониженіемъ материка, которое было причиною весьма многихъ наводненій, затоплявшихъ мѣста, лежащія внутри вала, и разрушавшія отчасти самый валъ.

Самое замѣчательное изъ такихъ наводненій произошло въ XIII столѣтіи, и образовало нынѣшній заливъ Зюйдерзее. Эта обширная внутренняя лагуна не всегда имѣла ту форму, какую представляетъ теперь. Сначала все пространство, имъ занимаемое, было твердою землею, исключая самой южной части, въ которой находилось прѣсноводное озеро. У Помпонія Мелы оно извѣстно подъ названіемъ Flevo *). Рукавъ Рейна, называемый Исселемъ, впадалъ въ это озеро, и потомъ, пройдя чрезъ него, снова продолжалъ свое теченіе до нынѣшнихъ острововъ Vlieland и ter Schelling. Затопленіе страны, лежащей къ сѣверу отъ озера Флево, началось въ первые годы XIII столѣтія, и, медленно подаваясь къ югу, въ концѣ того же столѣтія, достигло озера, и всю страну превратило въ одинъ обширный заливъ **). Доллартъ, Ягдъ и нѣкоторые рукава Зеландіи образовались также въ слѣдствіе медленнаго, но постояннаго затопленія моремъ. Во времена Римлянъ, залива Доллартъ не было; рѣка Эмсъ вливалась въ море двумя или тремя устьями. Доллартъ занимаетъ то самое мѣсто, которое у Римлянъ называлось *terra reidensium*. Образованіе его началось съ 1277 года, и въ 1539 году было уже такъ велико, что должны были воздвигать плотины, дабы воспрепятствовать дальнѣйшему вторженію моря ***). Образованіе залива Ягдъ окончательно произошло въ 1218 году. Послѣ этого оно еще расширилось двумя извѣстными наводненіями, въ 1511 и 1651 годахъ ****). При вторженіяхъ моря на твердую землю, береговой валъ, защищающій Нидерланды, всякой разъ былъ разрываемъ на части, и потому въ настоящее время представляетъ рядъ продолговатыхъ острововъ, расположенныхъ по одной кривой линіи.

Спрашивается: какъ объяснить эти явленія? Что заставляло море такъ настойчиво заливать свои берега, и уничтожать отъ времени до времени

---

*) Not. orb. lib. III. cap. 2.

**) K. E. A. von Hoff, Geschichte der durch Ueberlieferung nachgewiesenen natürlichen Veränderungen der Erdoberflaeche, 1822—1840, t. I. 355. Elie de Beaumont, Leçons de géologie pratique, 1845, t. I. p. 301 — 306.

***) Ibidem.

****) Von Hoff. l. c. 361. Elie de Beaumont, l. c. 307.

всѣ преграды, противопоставляемыя ему и естественными и искусственными плотинами? Эти вопросы легко разрѣшатся, если мы допустимъ пониженіе материка,—пониженіе, дѣйствующее чрезвычайно медленно, но постоянно. Предположеніе это оправдывается и тѣми явленіями, которыя замѣчены за чертою береговаго вала. Тутъ многія селенія (Шевингенъ, Вальхеренъ, Катвикъ), нѣкогда построенныя въ извѣстномъ разстояніи отъ моря, ясно показываютъ, что это разстояніе значительно уменьшилось противъ прежняго. Селеніе Катвикъ, близь Лейдена, находится теперь около самаго берега; съ 1719 года, по свидѣтельству Бергмана (въ его физической географіи), море подвинулось къ нему болѣе нежели на 200 метровъ, и оторвало отъ него двѣ улицы. Подлѣ селенія находилась нѣкогда Римская крѣпость, называемая *Arx britannica*, построеніе которой относятъ къ царствованію императора Клавдія; развалины этой крѣпости въ настоящее время лежатъ въ самомъ морѣ, на 600 шаговъ отъ селенія Катвикъ *).

Отъ Нидерландовъ пониженіе материка простирается къ сѣвернымъ берегамъ Франціи, именно къ Нормандіи и Бретани. Тутъ находятся такіе же подводные лѣса, какіе мы видѣли при берегахъ Даніи. Они состоятъ изъ дуба, березы, орѣшника и сосны; нѣкоторыя изъ этихъ деревьевъ до сихъ поръ удержали свое первоначальное положеніе; при нихъ листья, и даже насѣкомыя, которыя на нихъ обитали **). Въ Бретани такіе лѣса находятся около Морлé, а въ Нормандіи — въ Сентъ-Оноринъ, Башъ-Нуоръ, и особенно въ заливѣ Сенъ-Мишель ***). Во времена Римлянъ, пространство, занимаемое этимъ заливомъ, было покрыто лѣсомъ, и со стороны моря замыкалось береговымъ валомъ, проходившимъ, вѣроятно, къ сѣверу отъ острова Chosey. Около 709 года послѣдовалъ, какъ полагаютъ, разрывъ береговаго вала, открывшій прямое сообщеніе между моремъ и тѣмъ пространствомъ, которое находилось внутри вала, и было покрыто лѣсомъ, произраставшимъ на торфяной почвѣ. По мѣрѣ пониженія берега, торфяная почва съ лѣсомъ должна была также понижаться, а море заливать ихъ болѣе и болѣе. Окончательное погруженіе лѣса и образованіе залива Сенъ-Мишель относятъ къ 1400 году ****).

---

*) Elie de Beaumont, Leçons de géologie pratique, p. 308, 309.

**) Elie de Beaumont, Rapport sur un mémoire de M. Bravais, въ Comt. rendus 1842.

***) A. Burat, De la houille.

****) Walchner, l. c. p. 504.

Западный берегъ Франціи отъ Бретани очень круто поворачиваетъ къ югу, и этимъ поворотомъ какъ бы отрѣзываетъ полосу пониженія материка; къ югу отъ Бретани, берега Франціи находятся уже въ обратномъ движеніи, т. е. повышаются. Это доказывается слѣдующими извѣстными наблюденіями: не далеко отъ Ла-Рошель, около селенія Бурнёвъ, посреди обработаннаго поля лежатъ остатки корабля, претерпѣвшаго крушеніе въ 1752 году на раковинныхъ прибрежныхъ банкахъ. Самое селеніе находится на высотѣ 15 футовъ надъ морскою поверхностію, и въ теченіи 25 лѣтъ пріобрѣло отъ моря болѣе нежели 500 десятинъ земли. Мѣстность, гдѣ нѣкогда Голландскіе корабли нагружались солью, теперь лежитъ на разстояніи 9000 футовъ отъ моря. Все это показываетъ, что западные берега Франціи въ короткое время поднялись на весьма значительную высоту.

Итакъ земная кора, начиная отъ самыхъ сѣверныхъ предѣловъ Швеціи и Россіи до южныхъ предѣловъ Франціи, въ той полосѣ, которую мы обозначили, находится въ непрерывномъ колебательномъ состояніи, то подымается, то опускается. Но что дѣлается съ другими материками, которые находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этими движеніями? Что дѣлается съ Норвегіею и Британскими островами? Подвергаются ли они такому же колебательному движенію?

И въ Норвегіи, и на Британскихъ островахъ наблюденіе открываетъ множество признаковъ, доказывающихъ движеніе материка, но такого движенія, которое происходило большею частію въ самомъ началѣ нынѣшняго геологическаго періода, и слѣдовательно предшествовало историческимъ памятникамъ. Та и другая страна въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Норвегія, къ удивленію, нисколько не участвуетъ въ нынѣшнихъ движеніяхъ Швеціи. Нѣтъ никакихъ явленій, которыя доказывали бы, что она повысилась, или понизилась въ настоящее время; она какъ бы отдыхаетъ отъ многихъ прежнихъ движеній. Дѣйствительно, тутъ ихъ было много. Профессоръ Кейльгау, въ Христіаніи, совершивъ путешествіе въ разныя части Норвегіи, въ 1837 году выдалъ сочиненіе, въ которомъ очень подробно изложилъ, какъ свои собственные, такъ наблюденія своихъ предшественниковъ *). Изъ этого труда весьма ясно, что Нор-

*) Keilhau, Reise i Iemtland og nordre Trondheims amt. Nyt magazin for natur videns-

вегія нѣсколько разъ подымалась изъ моря, и что эти поднятія не ограничивались какою-либо небольшою или узкою частію берега, а простирались на весь материкъ, отъ мыса Линденесъ до Нордкапа, крѣпости Вардегусъ и острова Шпицбергена; потому что на всемъ этомъ протяженіи замѣчены раковины и береговыя линіи или террасы, принадлежащія древнѣйшему времени. Тамошнія раковинныя скопленія находятся на различныхъ высотахъ, болѣе или менѣе значительныхъ. Такъ на островѣ Шпицбергенѣ, около Бель-зунда, онѣ были наблюдаемы Роберомъ, однимъ изъ членовъ сѣверной ученой экспедиціи, на высотѣ 39 метровъ; такія же раковины (Mya, Saxicava) въ юго-западной части Норвегіи, въ провинціи Trondheim, находятся на высотѣ 158 метровъ. Но террасы въ той же странѣ подымаются гораздо выше, до 200 метровъ.

Изъ всѣхъ Норвежскихъ террасъ преимущественно изслѣдованы тѣ, которыя находятся въ Финмаркѣ, въ окрестностяхъ Алтенъ-фіорда. Начало этому изслѣдованію положено Профессоромъ Кейлгау, а окончательно ихъ изслѣдовалъ французскій ученый Браве́, составлявшій, вмѣстѣ съ Роберомъ, сѣверную экспедицію *). Заливъ Алтенъ-фіордъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ въ Финмаркѣ. Общее направленіе его отъ сѣверо-сѣверо-запада къ юго-юго-востоку. Въ этомъ заливѣ находятся двѣ весьма явственныя террасы, лежащія одна надъ другою,—террасы, которыя можно преслѣдовать отъ начала или задней части фіорда до Гаммерфеста, или до соединенія его съ моремъ. Въ задней части залива верхняя терраса лежитъ на высотѣ 67,4 метровъ надъ моремъ, а нижняя на высотѣ 28,6 метровъ. Отсюда обѣ террасы, направляясь къ Гаммерфесту, слѣдуютъ за всѣми изгибами фіорда, и, повидимому, совершенно горизонтальны и параллельны между собою. Но Браве́ доказалъ, что онѣ параллельны только для глаза, обнимающаго небольшое пространство, но непараллельны для точныхъ геодезическихъ измѣреній. Точки, гдѣ эти террасы достигаютъ наибольшей высоты, и отстоятъ наиболѣе одна отъ другой, находятся въ задней части фіорда; напротивъ, въ передней части, или ближе къ Гаммерфесту, онѣ лежатъ очень низко, и въ ближайшемъ

---

kaberne. vol. II. 1832. D'Archiac, l. c. Elie de Beaumont, Rapport sur un mémoire de M. Bravais, 1842.

*) Elie de Beaumont, Rapport sur un mémoire de M. Bravais 1842.

разстояніи между собою *). Изъ этого, Эли де-Бомонъ, выводитъ слѣдующія заключенія: во первыхъ, что поднятіе земли въ различныхъ частяхъ Алтенфіорда было неодинаково; во вторыхъ, что это поднятіе происходило по крайней мѣрѣ два раза, и оба раза въ одномъ и томъ же направленіи (ось поднятія почти совпадаетъ съ осью большой Норвежской цѣпи); наконецъ, что при этихъ поднятіяхъ земная кора была сгибаема или разрываема, поелику террасы не только наклоняются въ одну сторону, но и сближаются одна съ другою, тамъ, гдѣ онѣ сходятся съ нынѣшнимъ моремъ.

Британскіе острова представляютъ столь же явные слѣды недавняго пребыванія тамъ моря. Морскія раковины, свидѣтельствующія объ этомъ пребываніи, замѣчены во многихъ мѣстахъ Шотландіи, Ирландіи и Англіи; но нигдѣ не достигаютъ онѣ такой высоты, какъ въ Валлисѣ, не далеко отъ канала Manay. Въ Moel-Faban, подлѣ Bethesda, въ долинѣ Ogwyn, нынѣшнія морскія раковины были наблюдаемы Англичаниномъ Триммеромъ на высотѣ 305 метровъ надъ уровнемъ моря, а въ Moel-Tryfane, близъ Карнарфона, по его же наблюденіямъ, онѣ лежатъ еще выше, именно на высотѣ 422 метровъ **). Такіе же виды раковинъ найдены вдоль береговъ Карнарфоншира, Денбишира и Флинтшира, и въ долинахъ Чешира, Стафордшира и Шропшира ***).

Береговыя линіи или террасы на Британскихъ островахъ извѣстны съ давняго времени. Въ Корнваллисѣ и Девоншилѣ онѣ находятся на различныхъ, но вообще незначительныхъ высотахъ. Гораздо выше лежатъ онѣ по берегамъ Шотландіи и острововъ, опоясывающихъ ее съ западной стороны, каковы Юра и Исла ****). Въ Графствѣ Банфъ многія террасы нахо-

---

*) По измѣреніямъ Браве́,

	Высота верхней тер.	Высота ниж. т.	Разстояніе.
Въ задней части фіорда. . . .	67,4 метра . . .	27,7 метр. . .	39,7 метр.
Около Гаммерфеста.	28,6 —	14,1 — . .	14,5 —

**) Elie de Beaumont, Rapport sur un mémoire de M. Bravais, 1842. Walchner, 1. c.

***) Buckland, Athaeneum, N° 741 p. 43.

****) Cap. Vetch, въ Trans. of the geog. Soc. of London, Seond Series t. I. p. 416. D'Archiac, l. c.

дятся на высотѣ 3 или 4 метровъ надъ линіею самыхъ высокихъ приливовъ *). Но знаменитѣйшими изъ древнихъ береговыхъ террасъ почитаются террасы Glen-glay, Glen-gluoy и Glen-spean, находящіяся въ округѣ Лохаберъ, въ графствѣ Инвернесъ, по сосѣдству съ Каледонскимъ каналомъ. Это узкія террасы, сходныя по наружному виду съ дорогами, горизонтально проведенными по склонамъ горъ. Жители, поражаемые съ незапамятныхъ временъ чрезвычайною ихъ правильностію, приписали имъ сверхъестественное происхожденіе, и назвали *дорогами Фингала* (Fingalan roads). Въ настоящее время называютъ ихъ просто *параллельными дорогами* (parallel roads). Загадочность ихъ происхожденія подстрекала любопытство весьма многихъ геологовъ; но самыми точными изслѣдованіями этаго явленія наука обязана Профессору Маккюллоху **) Сиру Ландеръ-Дику ***) и Дарвину ****). Террасы, которыя мы описываемъ, занимаютъ гористую мѣстность въ 14 англійск. миль длиною (22 или 23 версты). Онѣ довольно многочисленны, но четыре изъ нихъ особенно ясно обозначились. Самая нижняя терраса, по свидѣтельству Маккюлоха, лежитъ на высотѣ 296,20 метровъ надъ уровнемъ моря; слѣдующая 661 метрами выше первой (360^m, 81); третья 24^m,99 выше второй (385^m 80); четвертая 3,66 метрами выше третьей (389^m,46). Дарвинъ почитаетъ эти показанія преувеличенными, и приводитъ ихъ къ слѣдующимъ: 266, 331,355 и 359 метровъ.

Лохаберскія террасы, по мнѣнію Маккюлоха и Ландеръ-Дика, суть террасы древняго озера, которое въ теченіи очень долгаго времени отъ какихъ-то неизвѣстныхъ причинъ усыхало, и измѣняло свой уровень; Дарвинъ, напротивъ, весьма убѣдительно доказалъ, что это древнія морскія террасы. Но, расходясь въ своихъ мнѣніяхъ относительно происхожденія террасъ, англійскіе ученые совершенно согласны въ томъ, что онѣ простираются горизонтальными и параллельными линіями. Браве и Эли-де-Бомонъ сомнѣваются въ этомъ, и полагаютъ, что при геодезическомъ способѣ из-

*) J. Prestwich, въ Bull. de la Soc. géolog. de France t. IX p. 97. D'Archiac l. c.

**) Elie de Beaumont, Rapport etc. 1842. D'Archiac, l. c.

***) Ibidem.

****) Ibidem.

мѣренія, эти линіи, подобно Алтенфіордскимъ, могутъ оказаться сходящимися *).

Такимъ образомъ береговыя террасы находятся на всемъ протяженіи прибрежной сѣверо-западной Европы, отъ Русской Лапландіи и Шпицбергена до южной части Великобританіи. Въ Алтенфіордѣ онѣ восходятъ до 68 метровъ, въ юго-западной Норвегіи почти до 200, въ Шотландіи по крайней мѣрѣ до 359, въ Валлійскомъ Княжествѣ до 424, а въ Корнваллисѣ нисходятъ до 2 метровъ и ниже. Сверхъ того, въ Алтенфіордѣ онѣ наклоняются одна къ другой, наконецъ сгибаются или разрываются. Безъ всякаго сомнѣнія, если бы всѣ означенныя явленія были извѣстны прежнимъ геологамъ, то они никогда не рѣшились бы объяснять ихъ убываніемъ воды или пониженіемъ моря. Вода могла измѣнять свой уровень, но слѣды, оставленные ею на материкахъ, во всякомъ случаѣ должны быть правильными и непрерывными; здѣсь же мы находимъ совершенно противное. Въ недостаточности прежняго объясненія мы еще болѣе убѣждаемся тѣмъ, что береговыя линіи на нѣкоторомъ пространствѣ показываютъ восходящее движеніе, между тѣмъ какъ въ другихъ, и очень близкихъ мѣстахъ, нисходящее и принадлежащее почти къ той же эпохѣ. Въ то время, когда берега Ланкашира и Валлиса показываютъ несомнѣнные признаки морскаго дна, поднявшагося на большую высоту, въ тоже время противоположные берега Англіи, именно берега Ленколшира, представляютъ намъ подводные лѣса, признакъ пониженія земли. Такіе же лѣса были наблюдаемы при восточныхъ берегахъ Шотландіи, т. е. съ противоположной стороны Лохаберскихъ террасъ. Въ заливѣ Penzance, при берегахъ Корнваллиса, подводный лѣсъ также находится въ близкомъ сосѣдствѣ съ террасами, и, повидимому, два раза былъ то поднимаемъ, то опускаемъ **).

Вотъ тѣ колебательныя движенія материка, которыя происходили въ сѣверной части Европы въ нынѣшній геологическій періодъ. Наблюденія показываютъ, что такія же колебанія происходили и въ южной Евро-

*) Elie de Beaumont, Rapport etc. 1842.

**) Ibidem.

пѣ. Но прежде нежели перейдемъ къ описанію этихъ явленій, мы сперва бросимъ общій взглядъ на тѣ измѣненія въ сѣверной Европѣ, которыя были слѣдствіемъ колебательныхъ ея движеній.

Роберъ, обозрѣвавшій Скандинавію болѣе нежели на пространствѣ 100 миріаметровъ (направляясь отъ Алтена къ Стокгольму), говоритъ, что было время, когда эта страна вся находилась подъ водою, исключая самыхъ высокихъ горъ *). Онъ полагаетъ, согласно съ нѣкоторыми изъ шведскихъ историковъ, особенно же съ Далиномъ, что Скандинавія была нѣкогда обширнымъ островомъ, въ видѣ полумѣсяца, — островомъ, который первоначально былъ отдѣленъ отъ Финляндіи, и что онъ образовалъ съ этою страною (отдѣлявшеюся отъ остальной Россіи по линіи озеръ, Онежскаго и Ладожскаго) большой архипелагъ, выдававшійся изъ моря высокими горами **). Послѣднія изслѣдованія Мурчисона надъ сѣверными эрратическими явленіями еще болѣе подтверждаютъ эту мысль. Однимъ словомъ, древнее погруженіе Скандинавіи въ море до извѣстной высоты, простиравшейся мѣстами до 200 метровъ, и почти совершенное погруженіе сѣверной Россіи не подлежатъ никакому сомнѣнію. Появленіе того и другаго материка послѣдовало въ нынѣшній геологическій періодъ: они выдвинуты тѣмъ медленнымъ поднятіемъ, о которомъ мы говорили выше.

Въ западной Европѣ отъ движенія материковъ произошли не менѣе замѣчательныя явленія. Изъ геологіи извѣстно, что образованіе южной Англіи совершенно одинаково съ образованіемъ сѣверной Франціи. Граниты и сланцы Корнвалиса противолежатъ гранитамъ и сланцамъ Бретани; вторичныя формаціи Англіи соотвѣтствуютъ такимъ же формаціямъ сѣверной Франціи; мѣловыя скалы Дувра и Кале́ стоятъ однѣ противъ другихъ. Слѣдовательно, нельзя сомнѣваться, что оба материка нѣкогда соединялись между собою значительнымъ перешейкомъ. Разрывъ этого перешейка послѣдовалъ въ нынѣшній геологическій періодъ, и былъ слѣдствіемъ колебательнаго движенія материковъ. Западная часть Британскихъ острововъ,

---

*) Eng. Robert. Bull. de la Société géologique de France, t. XIII. p. 34.

**) Ibidem.

***) Мурчисонъ, l. c. Част II. стр. 370—537.

*

какъ мы видѣли, въ теченіе этого періода постоянно подымалась изъ моря, и наконецъ въ Валлійскомъ Княжествѣ поднялась болѣе нежели вдвое противъ самой высокой точки въ Скандинавіи; между тѣмъ какъ восточная, и особенно юговосточная часть того же материка, вмѣстѣ съ Франціею, Нидерландами и Даніею, погружались въ море, и топили свои лѣсистые берега. Эти противоположныя движенія, т. е. поднятіе съ одной стороны и погруженіе съ другой, были причиною, что связь между Франціею и Англіею мало по малу слабѣла; море болѣе и болѣе разрушало перешеекъ, соединявшій эти части материка, и наконецъ совершенно разорвало его.

Такія существенныя перемѣны въ физическомъ образованіи сѣверной Европы необходимо должны были произвести столь же существенное измѣненіе въ ея климатѣ. Извѣстно, что западные берега Европы и Исландія въ настоящее время омываются теплымъ морскимъ потокомъ или такъ называемымъ гольфштремомъ (Gulf-stream). Теплыя воды гольфштрема входятъ чрезъ проливъ Калé въ Нѣмецкое море, и значительно повышаютъ температуру всѣхъ странъ, примыкающихъ къ этому морю. Южная часть Англіи преимущественно ему обязана своимъ теплымъ климатомъ. Если въ Корнваллисѣ, и мирты, и апельсины, во все продолженіе года растутъ на открытомъ воздухѣ, между тѣмъ какъ въ Парижѣ эти растенія должны быть тщательно укрываемы отъ зимняго холода; если на западномъ берегу Норвегіи до самаго Нордкапа зимою не замерзаетъ ни одна гавань; то причиною этого гольфштремъ, приносящій сюда тропическую теплоту. Менѣе выгодное дѣйствіе этого теплаго потока составляютъ туманы, распространяющіеся по всѣмъ западнымъ берегамъ Европы. Это объясняется легко: тамошнее море, въ теченіе большей части года, бываетъ теплѣе омываемыхъ имъ береговъ: отъ того водяные пары, подымаясь съ моря, и распространяясь надъ твердою землею, необходимо должны сгущаться и переходить въ туманы. Въ слѣдствіе той же причины, въ тамошнихъ прибрежныхъ мѣстахъ выпадаетъ гораздо болѣе дождей, нежели внутри материка, и на противоположной сторонѣ. Такъ около города Бергена, въ Норвегіи, ежегодное количество дождя равняется 83 дюймамъ, а въ Стокгольмѣ только 19. Сверхъ того, туманы причиною зимнихъ грозъ, какія бываютъ при берегахъ Норвегіи, на Фероерскихъ островахъ и въ Исландіи, чтó зависитъ собственно отъ чрезвычайно большой разницы въ температурѣ морскаго и континентальнаго воздуха.

Кромѣ гольфштрема, европейскому климату благопріятствуетъ еще одно обстоятельство, именно то, что онъ совершенно устраненъ отъ вліянія холоднаго полярнаго потока. Въ слѣдствіе обращенія земли около оси и другихъ обстоятельствъ, этотъ потокъ отбрасывается въ Сѣверо-Атлантическій Океанъ, къ восточнымъ берегамъ Америки. Оттого и плавающія ледяныя горы, получающія начало въ полярныхъ странахъ, никогда не приближаются въ берегамъ Европы. Такое распредѣленіе морскихъ потоковъ составляетъ одно изъ самыхъ главныхъ обстоятельствъ, по которымъ климатъ Европы гораздо благопріятнѣе климата другихъ частей свѣта *).

Но таковъ ли онъ былъ въ началѣ нынѣшняго геологическаго періода, или въ ту эпоху, когда Англія и Франція соединялись между собою широкимъ перешейкомъ, и когда бо́льшая часть Скандинавіи и сѣверной Россіи находилась подъ водою? Безъ сомнѣнія, другой. Представимъ себѣ, что проливъ Калé или Ламаншъ запертъ? Что́ должно произойти въ такомъ случаѣ? Гольфстремъ, проходящій чрезъ него въ Нѣмецкое море, и этимъ путемъ достигающій береговъ Норвегіи, отодвинется въ сторону, и долженъ будетъ огибать всю Шотландію, чтобы достигнуть только самой сѣверной части Нѣмецкаго моря. При этихъ условіяхъ, берега его омывались бы болѣе холодною водою; тутъ не было бы ни тумановъ, ни зимнихъ грозъ, но климатъ былъ бы гораздо суровѣе нынѣшняго. Предположимъ еще, что сѣверная Россія понизилась на нѣсколько сотъ футовъ, и Бѣлое море пришло въ сообщеніе съ Балтійскимъ, съ этимъ вмѣстѣ направилось туда и полярное теченіе съ своими ледяными массами. Слѣдствіемъ такой перемѣны необходимо долженъ быть большой холодъ.

Надобно полагать, что сѣверная Европа, въ началѣ нынѣшняго геологичоскаго періода, дѣйствительно находилась въ такихъ климатическихъ условіяхъ. Это доказываютъ намъ тѣ раковины и растенія, которыя принадлежали къ тому времени. Тогдашнія раковины Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, при всемъ сходствѣ съ нынѣшними, имѣютъ, какъ мы видѣли, сѣверный характеръ,—характеръ, свойственный только раковинамъ полярнаго моря. Подводные лѣса, покрывавшіе нѣкогда Данію, Нидерланды, сѣверную

---

*) G. Forchammer, Ueber die Bestandtheile des Meerwassers, seine Strömungen und deren Einfluss auf das Klima des Küsten von Nord-Europa, въ Versammlung deutscher Naturf. und Aerzte zu Kiel. 1846.

Францію и южную Англію, также имѣютъ сѣверный характеръ: они почти единственно состоятъ изъ сосны, осины и березы, такихъ деревьевъ, которыя въ настоящее время въ этихъ странахъ цѣлыми лѣсами почти не встрѣчаются.

Въ эпоху физическихъ переворотовъ, нами описываемыхъ, въ Европѣ жили многіе звѣри, принадлежавшіе вообще къ дилювіальному періоду, въ особенности же мамонты (Elephas mamonteus), носороги (Rhinoceros tichorhinus), первобытные быки (Bos priscus s. primigenius), зубры (Bos urus s. aurochs), наконецъ жилъ тутъ и мыслящій свидѣтель этихъ переворотовъ,—человѣкъ. Слѣды его существованія мы видѣли въ подводныхъ деревенистыхъ торфяникахъ, или даже ниже ихъ. Въ такихъ же торфяникахъ, въ Сканіи, въ окрестностяхъ города Иштадта, человѣческія кости найдены Профессоромъ Нильсономъ вмѣстѣ съ скелетами первобытнаго быка, зубра, пещернаго медвѣдя, собакъ и др. звѣрей. Весьма замѣчательно, что скелетъ быка, тутъ найденный, былъ раненъ: три отростка позвоночнаго столба имѣли сквозное отверстіе. По мнѣнію Нильсона, эти отверстія произведены стрѣлою, или дротикомъ съ каменною головкою, — охотничьимъ орудіемъ, употреблявшимся у древнихъ жителей Скандинавіи. Одинъ изъ такихъ дротиковъ, найденный въ той же мѣстности, по свидѣтельству Нильсона, столь хорошо замѣщалъ отверстія, о которыхъ мы говоримъ, что не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что эти раны нанесены рукою человѣка *). Мы не знаемъ, къ какому племени принадлежалъ народъ, обитавшій тогда въ Сканіи; но, судя по нѣкоторымъ вещамъ, бывшимъ у него въ употребленіи, и по формѣ черепа, короткаго, широкаго и съ плоскимъ затылкомъ, этотъ народъ долженъ былъ походить, по мнѣнію Нильсона, на Иберовъ, Басковъ, Лопарей, Самоѣдовъ, и древнихъ Пелазговъ, имѣвшихъ такое же образованіе черепа **).

Окончательный разрывъ англо-французскаго перешейка, вѣроятно, послѣдовалъ въ то время, когда Нидерланды и Ютландію или такъ назы-

*) Мурчиссонъ, l. c. Ч. II. стр. 469.

**) Это древнѣйшее Скандинавское племя, по изслѣдованіямъ Нильсона, смѣнилось тамъ Готскимъ племенемъ. За нимъ пришло съ востока или съ сѣвера третье, Кельтическаго происхожденія; наконецъ, послѣ Кельтическаго явилось еще племя, отъ котораго произошли нынѣшніе обитатели Скандинавіи.

ваемый Киммерійскій полуостровъ занимали Кимвры. Они были свидѣтелями того опустошительнаго наводненія, которое было слѣдствіемъ разрыва, и извѣстно въ исторіи подъ именемъ Киммерійскаго потока. Это наводненіе заставило Кимвровъ, какъ пишетъ Флоръ, переселиться въ другія мѣста *). Въ тамошнихъ странахъ сохранилось преданіе, прямо указывающее на этотъ переворотъ. Разсказываютъ, что одна англійская королева, раздраженная отказомъ датскаго короля сочетаться съ нею бракомъ, затопила его земли **).

Разрывъ англо-французскаго перешейка имѣлъ вліяніе на берега Нидерландовъ и Киммерійскаго полуострова, и произвелъ въ нихъ значительныя измѣненія. Самое замѣчательное произошло въ направленіи устьевъ рѣкъ, и особенно Рейна: оно изъ прежняго сѣвернаго превратилось въ нынѣшнее сѣверо-западное. Это измѣненіе весьма подробно описано Вандъ-деръ-Викомъ ***), и зависѣло, какъ онъ доказываетъ, отъ того, что въ прежнее время, т. е. когда не было еще сообщенія съ Атлантическимъ Океаномъ, приливъ и отливъ Нѣмецкаго моря совершался въ направленіи отъ сѣвера къ югу, и наоборотъ; но со времени образованія пролива Kалé отливъ происходитъ въ сѣверо-западномъ направленіи, и въ томъ же направленіи увлекаетъ наносы, приносимые рѣками къ своимъ устьямъ.

Теперь обратимся къ колебательному движенію материка въ южной части Европы. Берега Средиземнаго моря, и острова, въ немъ находящіеся, представляютъ очень много доказательствъ этого движенія: мы будемъ преслѣдовать ихъ отъ Гибралтарскаго пролива до Греціи.

Самый Гибралтаръ, или скала, на которой построена крѣпость, носитъ на себѣ признаки поднятія или восходящаго движенія. По наблюденіямъ Джемсъ-Смита ****), на сѣверной сторонѣ этой скалы, на высотѣ 12 фут. находится цѣлый раковинный банкъ, состоящій изъ раковинъ, совершенно одинаковыхъ съ тѣми, которыя живутъ въ тамошнемъ морѣ. Точно такой же банкъ покрываетъ нынѣшнее морское дно, на глубинѣ 12 футовъ. На южной

*) «Cimbri Theutoni atque Tigurini ab extremis Galliae profugi, cum terras eorum inundasset oceanus, novas sedes toto orbe querebant.» Florus, lib. 3. cap. 3.

**) Walchner, l. c.

***) Van der Wick, Ueber die Mündungen des Rheinstroms. Walchner, l. c.

****) Quartely Journal of the geog. soc. 1846. Vol. II. Walchner, l. c. 515, 516.

сторонѣ Гибралтарской скалы раковинные банки лежатъ на различныхъ высотахъ, именно на высотѣ 50, 70, 170, 264 и 600 футовъ. Ясно, что эта скала должна была испытать столько же различныхъ поднятій.

На полуостровѣ Госписъ, около Ниццы, давно замѣчена древняя береговая линія; она состоитъ изъ нынѣшнихъ раковинъ, и очень подробно описана извѣстными учеными, Риссо *) и Де-ля-Бешемъ **).

При берегахъ Сициліи, около Палермо, Гофманъ наблюдалъ весьма обширную береговую линію ***). Почти на всемъ пути, отъ Термини до Палермо, повсюду, гдѣ море омываетъ известняковыя скалы, стѣны ихъ до высоты 200 футовъ надъ моремъ просверлены множествомъ раковинъ (Lithophaga). Сверхъ того, тѣ части скалъ, которыя болѣе прочихъ выдаются впередъ, изрыты и сглажены, какъ это обыкновенно бываетъ, когда волны ударяютъ въ скалу, и омываютъ ее своею пѣною. Множество нынѣшнихъ морскихъ раковинъ, еще хорошо сохранившихся, разсѣяно тутъ на высокихъ равнинахъ, въ прибрежныхъ разсѣлинахъ и другихъ мѣстахъ. Grotta di Mardolce, лежащая недалеко отъ Палермо, также представляетъ ясные признаки весьма продолжительнаго пребыванія тутъ моря: на днѣ этой пещеры морскій песокъ, а на стѣнахъ, въ видѣ пояса, рядъ сверлящихъ раковинъ.

На островѣ Сардиніи, около Каліари, натуралистомъ Де-ля-Мармора была наблюдаема весьма любопытная береговая терраса, въ образованіи которой нѣкоторое участіе принимали озерныя воды, находившіяся въ сообщеніи съ моремъ ****). Въ той части этой террасы, которая далѣе отстоитъ отъ моря, озерныя, рѣчныя и наземныя раковины перемѣшаны съ черепками грубой глиняной посуды. Раковины всѣ принадлежатъ къ нынѣшнимъ видамъ, и лежатъ довольно высоко надъ морскою поверхностію. Очевидно, тутъ былъ прежде населенный берегъ. Въ другой части террасы, ближайшей къ морю, и, вѣроятно, составлявшей нѣкогда дно

*) Histoire naturelle des principales productions de l'Europe méridionale. Walchner l. c. p. 514.

**) Geog. transact. Vol. III. 2 serie.

***) J. Hoffman, Geognostische Beobachtungen gesammelt auf einer Reise durch Italien und Sicilien 1830 bis 1832, въ Karsten's Archiv. Bd. XIII. 131.

****) Journal de géologie, t. III. 1839. p. 309.

его, остатковъ посуды не замѣтно, раковины всѣ морскія. На сѣверо-западъ отъ Каліари терраса лежитъ гораздо выше, почти на высотѣ 150 футовъ надъ моремъ; тутъ, въ разстояніи $\frac{1}{4}$—1 мили отъ нынѣшняго берега находятся устричныя раковины (Ostrea edulis), приставшія къ скаламъ и, безъ всякаго сомнѣнія, вмѣстѣ съ ними поднявшіяся изъ воды.

Въ окрестностяхъ Неаполя, Италія представляетъ такое же колебательное движеніе, какое замѣчено нами выше около Стокгольма или Зёдертелье. Близъ Пуццоло находился нѣкогда храмъ Сераписа, почитавшагося богомъ врачебнаго искусства. Въ настоящее время отъ него уцѣлѣли три мраморныя колонны, источенныя до высоты 17 футовъ фолядами (Pholas), и еще нѣсколько мраморныхъ частей храма. Объ этихъ остаткахъ было очень много различныхъ мнѣній. По соображеніямъ французскаго ученаго Баббажа, посѣщавшаго Пуццоло въ 1834 году *), храмъ первоначально былъ построенъ наравнѣ, или почти наравнѣ съ поверхностью моря, для того чтобы можно было удобнѣе пользоваться морскими ваннами, и горячими ключами, находившимися около самаго храма. Но отъ постепеннаго пониженія берега основаніе храма опустилось по крайней мѣрѣ на 19 футовъ ниже морской поверхности. Въ этомъ положеніи онъ оставался нѣсколько времени безъ всякого движенія; потомъ началъ повышаться. Помостъ его въ настоящее время находится на одной высотѣ съ морскою поверхностію. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Баббажъ приводитъ еще нѣсколько подобныхъ случаевъ, происшедшихъ по сосѣдству съ храмомъ Сераписа. Такъ, полуразрушенныя колонны храма Нимфъ и Нептуна залиты моремъ; столбы моста Калигулы также имѣютъ слѣды прежняго пребыванія ихъ подъ водою: сверлящія раковины находятся тутъ на высотѣ 4 и 10 футовъ. Знаки подобнаго рода замѣчены еще на скалѣ противъ острова Низиды, на высотѣ 32 футовъ надъ моремъ **).

---

*) Proced. geol. Soc. of the London. Vol II. 1834. p. 72. Neues Jahrbuch für Mineralogie etc. Heft. 5. 1835.

**) Основываясь на опытахъ Тоттена, (помѣщенныхъ въ журналѣ Силлимана), Баббажъ вычислилъ расширеніе гранита, мрамора и песчаника, при различной толщинѣ ихъ массъ (отъ 1 до 500 англ. миль) и при данномъ измѣненіи температуры (отъ 1° до 2°, 5°, 10С°, 500°, по Ф.), и нашелъ, что еслибы слой земной коры подъ храмомъ Сераписа расширялся одинаково съ песчаникомъ, то при толщинѣ его въ 5 миль, и при возвышеніи температуры на 100° Ф. (56 Ц.), храмъ

Ант. Никколини, въ изданныхъ имъ изслѣдованіяхъ надъ храмомъ Сераписа *), описываетъ, что подъ мраморнымъ поломъ этого храма находится еще мозаическій, лежащій 16 пальмами ниже уровня воды, и заключаетъ изъ этого, что море должно было подняться на такую же высоту со времени его построенія. М. Капоци возражалъ ему, и доказывалъ, что все то, что̀ онъ приписываетъ морю, зависѣло отъ пониженія земли. Сверхъ того замѣтилъ, что мѣстность храма до изверженія Monte-Nuovo понизилась на 22 пальмы, а послѣ изверженія поднялась почти на такую же высоту **).

Въ послѣдствіи Никколини тотъ же предметъ подвергнулъ болѣе обширному изслѣдованію, и пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ ***): перемѣны, происшедшія въ уровнѣ моря въ теченіи 19 столѣтій, на пространствѣ отъ г. Амальфи до мыса Гаэта, можно раздѣлить на три періода: Первый, положительно начавшійся за 80 лѣтъ до Р. Х., со времени построенія мозаическаго пола въ храмѣ Сераписа, оканчивается между IX и X вѣкомъ; въ продолженіе этихъ неполныхъ девяти столѣтій вода поднялась на $9^m,60$; поелику за 80 лѣтъ до Р. Х. уровень былъ $3^m,80$ ниже, а въ IX и X вѣкахъ $5^m,80$ выше нынѣшняго. Второй періодъ простирался отъ X вѣка до конца XVII (1696 г.) Въ продолженіи этихъ шести вѣковъ съ половиною уровень понизился на $6^m,70$. Наконецъ третій періодъ есть тотъ самый, въ которомъ мы живемъ, и въ которомъ море, повидимому, подымается на $0^m,65$ въ каждое столѣтіе. Взявши за основаніе наблюденія морскихъ высотъ отъ 1822 по 1838 годъ, среднее годовое измѣненіе мор-

---

поднялся бы на 25 фут. слѣд. гораздо болѣе того, сколько нужно для объясненія описываемаго явленія (Observation onthe Temple of Serapis at Pozzaoli near Naples. 1834 Тоже въ D'Archiac, l. c.). Тотъ же способъ, но гораздо послѣ, былъ употребленъ Бишофомъ для объясненія медленнаго поднятія Швеціи, и доказано, что при возвышеніи температуры въ среднемъ числѣ на 2°,9 по Р. и при толщинѣ земной коры въ 140,000 футовъ, Швеція, въ продолженіе 100 лѣтъ, должна подниматься на 4, 26 футовъ, что̀ совершенно согласно съ выводами Гелльстрема изъ береговыхъ знаковъ (Wärmelehre des Innern unsers Erdkörpers. 302. 303 Pogg, An. Bd. II. 308 Walchner, l. c. 501, 502).

*) D'Archiac, l. c.

**) Ibidem.

***) D'Archiac, l. c.

скаго уровня, по одному способу, употребленному Пикколини, будетъ $7,\frac{2}{4}\frac{3}{8},^{mm}$ а по другому $6\frac{1}{5}^{mm}$. Но если примемъ во вниманіе поднятіе, которое было наблюдаемо въ теченіе 142 лѣтъ при Фюзаро, то для послѣдняго средняго вывода получится $6\frac{1}{2}^{mm}$. Это движеніе не такъ быстро, какъ въ первыхъ двухъ періодахъ, когда оно равнялось 8—$9\frac{4}{5}^{mm}$ на каждый годъ.

По изслѣдованіямъ Ем. Кампо-Лонзе, такія же перемѣны происходили на берегахъ Адріатическаго моря. *) Такъ въ Венеціи, мостовыя, построенныя еще во времена Римлянъ, и во времена республики, залиты моремъ на равную высоту съ храмомъ Сераписа. Многія изъ тамошнихъ береговыхъ линій также согласны съ тѣми, которыя опредѣлены Пикколини. Сверхъ того, весьма продолжительными наблюденіями доказано, что въ Венеціи морской уровень поднимается на 155 миллиметровъ въ каждое столѣтіе; съ этимъ результатомъ въ настоящее время соображаются при возведеніи зданій, устройствѣ дорогъ и т. п. Въ сочиненіи Паоли **) мы находимъ не менѣе замѣчательныя указанія въ подтвержденіе тѣхъ же явленій. По его изысканіямъ, мѣстность Пезаро, въ продолженіе 17, а быть можетъ и 20 столѣтій, не подвергалась никакимъ движеніямъ, и кажущееся удаленіе моря отъ ея береговъ есть слѣдствіе нагроможденія песчаныхъ-наносовъ. Дѣйствительное же движеніе произошло въ Римини, въ древнемъ городѣ Сопса, и въ Венеціи. По соображеніямъ Пикколини, это движеніе не ограничивается однимъ берегомъ, но должно занимать весьма обширную площадь ***).

Противоположные берега Адріатическаго моря, или берега Далмаціи подвергаются такому же нисходящему движенію, какое происходитъ на всемъ протяженіи отъ Римини до Венеціи. Во многихъ мѣстахъ около Пола, Фіуме, Зара и др. основанія древнихъ зданій залиты моремъ. На островѣ Врагница цѣлый рядъ каменныхъ саркофаговъ, правильно расположенныхъ одинъ подлѣ другаго, также лежитъ въ морѣ ****). Напротивъ, Греція, какъ показываютъ наблюденія Бобле *****), представляетъ обратное движеніе.

---

*) D'Archiac, l. c. p. 658, 659.

**) Del sollevamento e dell' avvalamento etc 1838. Isis 1841 p. 557, D'Archiac, l. c. 661.

***) D'Archiac, l. c. 659.

****) Klöden, въ Pagg. Annal. 1838. Bd. 43 Walchner. l. c. 506.

*****) Journal de géologie, t. III. Walchner, l. c. 516.

Тамошнія береговыя линіи, обыкновенно узкія, горизонтальныя, и лежащія однѣ надъ другими, свидѣтельствуютъ, что эта страна нѣсколько разъ, въ различныя времена, была поднимаема внутренними силами.

Но въ самомъ обширномъ размѣрѣ колебательное движеніе материка происходило въ южной части Россіи, или въ той огромной котловинѣ, которую Гумбольдтъ и Мурчисонъ называютъ *Арало-Каспійскою.* Подъ этимъ названіемъ въ настоящее время разумѣютъ все пространство, которое, начавшись отъ западныхъ береговъ Чернаго моря, простирается чрезъ южную Россію до Арала, Хивы, и быть можетъ далѣе; но восточныя границы этой котловины намъ мало извѣстны. Очевидно, это такая котловина, которая, по своей огромности, не имѣетъ себѣ подобной. По выраженію Гумбольдта, она представляетъ собою *страну-кратеръ* (pays-cratère), каковы на лунной поверхности Гиппархъ, Архимедъ и Птоломей. Въ образованіи ея, по мнѣнію того же ученаго, наибольшее участіе принимало возстаніе Кавказа и параллельныхъ ему азійскихъ хребтовъ: Гиммалайскаго, Куенлунскаго (Гиндуко) и Тіанханскаго (Мустагъ). Съ подъемомъ столь огромныхъ хребтовъ, при подошвѣ ихъ, необходимо должны были образоваться и огромныя впадины или углубленія. Одну изъ такихъ впадинъ, и самую огромную, составляетъ Арало-Каспійская котловина *).

Въ началѣ нынѣшняго геологическаго періода эта котловина была чрезвычайно обширнымъ моремъ, которое величиною своею превосходило нынѣшнее Средиземное, и которое въ послѣдствіи раздѣлилось на три различныя моря, Черное, Каспійское и Аральское. Остальное пространство, бывшее дномъ Арало-Каспійскаго моря, превратилось въ необозримыя степи южной Россіи. Раковины, разсѣянныя по этимъ степямъ, сходны съ нынѣшними Каспійскаго моря, и представляютъ такой же смѣшенный характеръ; тутъ настоящія прѣсноводныя раковины находятся вмѣстѣ съ раковинами солоноватой воды *(Cardiaceae, Mytilus)* **). Такой особенный характеръ, господствующій на всемъ протяженіи Арало-Каспійской котловины, доказываетъ, что въ прежнее время, вся южная степная Россія и значительная часть Азіи составляли средиматериковое море, наполненное солоноватою водою, подобно нынѣшнему Каспійскому.

---

*) A. Humboldt, Asie centrale.

**) Мурчисонъ, 1. c. Часть I. стр. 1102 Ed. Eichwald, Fauna Caspio-Caucasia, cum tab. XL. Petropoli MDCCCXLI.

Какимъ же образомъ это обширнѣйшее море превратилось въ нынѣшнія степи, и вода собралась въ три меньшія моря? Превращеніе это, по мнѣнію Мурчисона, было слѣдствіемъ по крайней мѣрѣ двухъ главныхъ поднятій. При первомъ поднятіи вышли наружу известняки, составляющіе нынѣ высокіе и обрывистые берега Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей, и часть той возвышенности, которою Каспійское море отдѣляется отъ Аральскаго (Усть-Уртъ). Переворотъ, бывшій причиною поднятія этого известняка, по мнѣнію Мурчисона, содѣйствовалъ начальному раздѣленію Арало-Каспійскаго моря на двѣ части, западную и восточную; первая образовала нынѣшнее Черное море съ Азовскимъ, а вторая, отдѣленная отъ нихъ, заняла все остальное пространство. Эта послѣдняя, очевидно, была весьма обширна: кромѣ пространства, занимаемаго нынѣ морями Каспійскимъ и Аральскимъ, она заключала нынѣшнія степи Астраханскую, Калмыцкую, и далѣе. Поднятіе, о которомъ мы говоримъ, по всѣмъ геологическимъ признакамъ, должно было происходить чрезвычайно медленно. Точно также медленно совершилось и второе поднятіе, обнажившее нынѣшнія степи, и бывшее причиною отдѣленія Каспійскаго моря отъ Аральскаго.

Нельзя предполагать, чтобы на всемъ пространствѣ Арало-Каспійской котловины повышеніе материка происходило равномѣрно. Припомнимъ себѣ то разнообразіе, какое представляютъ въ этомъ отношеніи берега Скандинавіи и Британскихъ острововъ. Дѣйствительно, если сдѣлать идеальный разрѣзъ отъ Таганрога до Аральскаго моря, то, основываясь на извѣстныхъ измѣреніяхъ, увидимъ, какъ различны горизонты, занимаемые съ одной стороны выше описанными известняками, а съ другой Каспійскимъ и Аральскимъ морями. Каспійское море, по недавнимъ измѣреніямъ астрономовъ Фусса, Савича и Саблера, 83,67 англ. футами ниже Азовскаго, напротивъ, Аральское, по измѣреніямъ экспедиціи Генерала Берга, обозрѣвавшей Усть-Уртъ въ концѣ 1825 и въ началѣ 1826 года, почти 36 футами выше Азовскаго *).

*) Споры о разности уровней Каспійскаго и Чернаго моря продолжались очень долгое время, и наконецъ пришли къ странному недоразумѣнію, когда Дерптскій Профессоръ Парротъ (сынъ), два раза барометрически измѣрявшій высоту означенныхъ морей, получилъ два совершенно различные результата; въ первый разъ онъ нашелъ, что Каспійское море ниже Чернаго на 300 футовъ, а во второй разъ, — ниже на нуль футовъ. Для уничтоженія этого недоразумѣнія, по ходатайству С.-Петербургской Академіи, снаряжена была экспедиція изъ трехъ

Мы видѣли, что во всей западной Европѣ пребываніе древняго моря оставляло на прилежащихъ берегахъ весьма явственные слѣды: береговыя линіи или террасы, которыми мы и руководствовались въ опредѣленіи колебательныхъ движеній. Но находятся ли такія линіи, или что-либо похожее въ Арало-Каспійской котловинѣ? До сихъ поръ, повидимому, можно указать только на одну мѣстность, въ которой остались подобные слѣды.

Астраханская степь, лежащая къ сѣверу отъ Каспійскаго моря, видимо представляетъ высохшее морское дно; повсюду видны пески, изрѣдка перемѣшанные съ глиною и рухлякомъ; повсюду разсѣяны раковины, изъ которыхъ иныя донынѣ живутъ въ Каспійскомъ морѣ (Mytilus polymorphus, Adacna edentula Eichw. Didacna trigonoides), а другія нынѣ уже не встрѣчаются въ числѣ живыхъ (Mytilus rostriformis, Adacna protracta, Monodacna catillus). Средняя высота этой степи надъ уровнемъ Каспійскаго моря не превышаетъ 50 футовъ. Посреди этой обширной низменности находятся только возвышенныя точки: горы Большой и Малый Богдо, Азлагара и нѣк. д. Въ сѣверной части она ограничивается Общимъ Сыртомъ, западная окраина весьма рѣзко обозначена правымъ высокимъ берегомъ

выше означенныхъ лицъ, для того чтобы они уже не барометромъ, а тригонометрическою нивелировкою опредѣлили относительную высоту морей Каспійскаго и Азовскаго. Между этими крайними пунктами экспедиціею были произведены четыре ряда наблюденій, независимыхъ одна отъ другаго, и результаты каждаго изъ нихъ были весьма близки между собою. Средній результатъ показалъ, что Каспійское море дѣйствительно ниже Чернаго на 83,67 футовъ. — Послѣ этой экспедиціи, французскій путешественникъ Омеръ-де-Гель (Hommaire de Hell), съ тою же цѣлію, производилъ нивелировку отъ устья Кумы до устья Маныча, вдоль низменныхъ береговъ этихъ двухъ рѣкъ, и нашелъ, что Каспійское море ниже Азовскаго только на 60,04 англ. футовъ. (Bull. de la societ. géolog. de France, vol. XIV. Les steppes de la mer Caspienne). Безъ сомнѣнія, этотъ результатъ, выведенный изъ одного ряда наблюденій, никакъ не можетъ сравниться въ вѣрности съ тѣмъ результатомъ, который выведенъ русскими астрономами изъ четырехъ рядовъ наблюденій, и весьма близкихъ между собою. Гумбольдтъ и Мурчисонъ полагаютъ, что онъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что черезъ 11 лѣтъ онъ подтвержденъ нивелировкою Полковника Ходзько.

Волги, продолжающимся до Царицына и Сарепты. Постоянно бо́льшая высота праваго берега Волги надъ лѣвымъ или луговымъ начинается собственно отъ Казани, и продолжается, какъ мы сказали, до Сарепты, или до Калмыцкихъ степей. Мурчисонъ полагаетъ, что этотъ высокій берегъ составлялъ нѣкогда окраину материка, и былъ омываемъ непосредственно Арало-Каспійскимъ моремъ *). Когда въ слѣдствіе поднятія материка, дно этого моря высохло на большое пространство, то Волга, прежде вливавшаяся въ море, быть можетъ, около нынѣшней Казани, должна была проложить себѣ дорогу къ Каспійскому морю по линіи соприкосновенія вновь образовавшейся суши и древняго берега. Вотъ мѣстность, гдѣ море, постепенно убывая, могло бы на крутомъ берегу оставить слѣды своего пребыванія, если бы этотъ берегъ состоялъ изъ твердыхъ породъ. Въ самомъ дѣлѣ мы находимъ ихъ въ тѣхъ немногихъ и отдѣльныхъ горахъ, которыя возвышаются посреди степи, особенно въ Большомъ Богдо. Онъ состоитъ изъ твердаго песчаника, известняка и другихъ породъ, и повидимому, составлялъ нѣкогда островъ посреди древняго моря. Восточная сторона этой горы, почти вертикальная, и состоящая изъ песчаника, размыта самымъ страннымъ образомъ. По описанію Мурчисона **), тутъ находится цѣлый рядъ полостей или углубленій, имѣющихъ видъ конуса; широкимъ концомъ или основаніемъ, обыкновенно чрезвычайно обтертымъ, онѣ обращены къ наружи, а внутренній узкій конецъ косвенно подымается вверхъ, и даетъ отъ себя вѣтви. Эти углубленія, по мнѣнію Мурчисона, могли быть произведены только прибоемъ морскихъ волнъ, или приливомъ и отливомъ. Заключеніе это отчасти подтверждается тѣмъ, что нѣсколькими футами ниже описанныхъ нами вымоинъ лежитъ песчаный наносъ, заключающій раковины Арало-Каспійскаго моря, и представляетъ совершенное подобіе морскаго берега. — На той же восточной сторонѣ, но въ другой части Богдо, и на нисшемъ горизонтѣ, находится еще рядъ вымоинъ, одинаковыхъ съ первыми, и также сопровождающихся песчанымъ наносомъ. Этотъ второй рядъ вымоинъ, повидимому, указываетъ на то, что удаленіе Арало-Каспійскаго моря дѣйствительно было слѣдствіемъ по крайней мѣрѣ двухъ главныхъ поднятій. Весьма замѣчателвно, что всѣ вымоины находятся на восточной сторонѣ Богдо, именно той, которая обращена къ сильнымъ вѣтрамъ, тамъ господствующимъ.

---

*) Мурчисонъ, 1. с. Ч. I. 1102—1103. Палласъ былъ того же мнѣнія.

**) Мурчисонъ, 1. с. 1106, 1107.

Измѣненія Каспійской котловины, о которыхъ мы говорили выше, должны были произойти въ самомъ началѣ нынѣшняго геологическаго періода. Но продолжала ли она измѣняться въ историческое время? У Геродота, Птоломея и другихъ древнихъ историковъ, есть нѣкоторыя указанія на постепенное убываніе воды въ Каспійскомъ и Аральскомъ моряхъ, на усыханіе рѣкъ, въ нихъ впадающихъ и т. д. Подробности этого явленія можно найти въ сочиненіяхъ Риттера, Гумбольдта, Эйхвальда и другихъ. Мы остановимся только на тѣхъ признакахъ колебательнаго движенія, которыя произошли въ Каспійской котловинѣ во времена не слишкомъ отдаленныя.

Въ послѣднее время сильно стали жаловаться на обмеленіе Волжскихъ устій, и приписывать это вѣковому повышенію Каспійской котловины. Быть можетъ, повышеніе материка дѣйствительно имѣетъ въ этомъ нѣкоторое участіе; но главнѣйшей причины обмеленія надобно искать, во первыхъ, въ обнаженіи береговъ Волги, увеличивающемуся каждогодно отъ вырубки лѣсовъ, а во вторыхъ, въ стремленіи Волги все болѣе и болѣе подаваться къ западу, какъ доказано это недавними изслѣдованіями Академика Бера. Основываясь на нѣкоторыхъ данныхъ, обыкновенно думаютъ, что нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ устьяхъ Волги не существовало еще никакихъ препятствій. Но несправедливость этого мнѣнія Академикъ доказываетъ примѣрами изъ прежнихъ путешествій Эйхвальда, Соймонова, Олеарія и друг. *).

Не смотря на общее поднятіе Каспійской котловины, въ ней замѣчаются и такія явленія, которыя доказываютъ ея пониженіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Такъ около Баку, и нѣсколько далѣе отъ него, на днѣ моря видны каменныя стѣны, которыя почитаютъ остатками Каравансераевъ, или гостинныхъ дворовъ, прежде стоявшихъ на твердой землѣ **). Есть преданіе, что берега Каспійскаго моря, восточный и западный, въ параллели Бакинской крѣпости нѣкогда соединялись между собою перешейкомъ, и что нынѣшній Апшеронскій полуостровъ съ островками Святымъ, Живымъ и Наргинымъ съ одной стороны, и длинный полуостровъ Красноводскій съ другой, составляютъ остатки этого перешейка, погрузившагося въ море. Преданіе

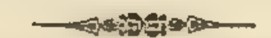
*) Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ, 1856. N 7. стр. 221—224.

**) Э. Эйхальдъ, Reise auf dem Kaspischen Meere, 1834. Геогнозія преимущественно въ отношеніи къ Россіи. 1846. ч. II. 66, 67.

это, по замѣчанію Ак. Эйхвальда, отчасти подтверждается, во первыхъ, историческими свидѣтельствами Страбона и Помпонія Мелы, о Каспійскомъ и Гирканскомъ моряхъ, какъ о двухъ отдѣльныхъ; во вторыхъ, свидѣтельствомъ г. Колоткина, который составилъ лучшую карту Каспійскаго моря, и который видѣлъ изображеніе вышеозначеннаго перешейка на одной изъ старыхъ Персидскихъ картъ. Впрочемъ, такія измѣненія на западныхъ берегахъ Каспійскаго моря и на ближайшихъ къ нимъ островахъ нисколько не удивительны; въ нихъ до сихъ поръ обнаруживаются признаки вулканическаго дѣйствія.

Этимъ я заключаю описаніе колебательнаго движенія европейскаго материка. Всякой видитъ, что это явленіе, какъ ни удивительно съ перваго взгляда, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но вопросъ этимъ не рѣшается. Тутъ можно предположить много еще другихъ вопросовъ: какъ происходило колебательное движеніе странъ, быстро или медленно, въ одинъ пріемъ или въ нѣсколько? Сколько времени море оставалось неизмѣннымъ при каждой изъ береговыхъ линій, или, другими словами, скоро ли оно переходило отъ одного уровня къ другому? Мы видѣли выше, что по берегамъ Алтенфіорда находятся двѣ главныя террасы, но эти линіи, по свидѣтельству Бравѐ, не суть единственныя; между ними есть еще другія, не такъ рѣзко начерченныя, и, вѣроятно, означающія не столь продолжительное пребываніе моря. Въ другихъ мѣстахъ, число береговыхъ террасъ также болѣе или менѣе велико. Въ Лохаберѣ, въ Шотландіи, кромѣ главныхъ четырехъ, замѣчены еще другія, какъ бы прибавочныя. На островѣ Юра Капитанъ Вечь насчитываетъ 6 или 7. На островѣ Рольфзое, не далеко отъ Гаммерфеста, въ Финмаркѣ, Роберъ также насчиталъ 7 или 8 террасъ на различныхъ высотахъ. По этому можно сказать, что число уровней, на которыхъ пребывало море, въ настоящее время неопредѣлено, и, быть можетъ, для каждой мѣстности различно. Но въ каждой мѣстности переходъ отъ одного уровня къ другому совершался-ли мгновенно, или медленнымъ движеніемъ? Были ли тутъ однѣ восходящія движенія, или иногда и противоположныя? Береговыя линіи, менѣе рѣзкія, не были ли такими линіями, на которыхъ море останавливалось въ промежутки между противоположными движеніями? Недавнія наблюденія Антуана Абади надъ уровнемъ въ Бразиліи, Абассиніи, Гондарѣ, и наконецъ близъ Наварре въ департаментѣ Нижнихъ Пиреней даютъ этому послѣднему предположенію большое вѣроятіе. Онъ становилъ очень вѣрной и чувствительный уровень.

или на каменной почвѣ или на такомъ же фундаментѣ, и находилъ, что уровень чрезъ нѣсколько времени всегда показывалъ наклоненіе почвы въ которую нибудь сторону, и потомъ колебаніе ея въ противоположную *). Изъ этого видно, что земная кора, подобно магнитной стрѣлкѣ, находится въ непрерывномъ колебательномъ состояніи, и чрезъ то необходимо должно осложнять, какъ восходящее, такъ и нисходящее движеніе всякой страны. Однимъ словомъ, объясненіе этихъ явленій требуетъ еще болѣе подробныхъ данныхъ. Безъ сомнѣнія, при нынѣшнемъ состояніи науки, когда все подвергается самому точному анализу, колебательное движеніе материковъ со всѣми зависящими отъ него явленіями, не останется безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

*) Вѣстникъ Естеств. Наукъ. 1854. N 3. стр. 38.

О ПРАВѢ ПОМИЛОВАНІЯ.

РѢЧЬ

НАПИСАННАЯ ДЛЯ ПРОИЗНЕСЕНІЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПО СЛУЧАЮ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ И МУРОПОМАЗАНІЯ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ,

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА,

И ЕГО АВГУСТѢЙШЕЙ СУПРУГИ,

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ

ДЕКАНОМЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА, ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ ПОЛИЦЕЙСКИХЪ И УГОЛОВНЫХЪ ЗАКОНОВЪ

ДОКТОРОМЪ ПРАВЪ

Сергіемъ Баршевымъ.

О ПРАВѢ ПОМИЛОВАНІЯ.

Собравшись вмѣстѣ, чтобы достойно почтить великій всероссійскій праздникъ торжественнаго вѣнчанія и помазанія на царство нашего Возлюбленнаго Монарха и Его Августѣйшей Супруги, какъ люди мысли, не можемъ не остановиться мыслію на томъ, что̀ совершается въ это время. Между многими другими, болѣе или менѣе знаменательными дѣйствіями, въ силу обычая, существующаго съ незапамятныхъ временъ, дни торжественные, подобные настоящему, у всѣхъ народовъ освящаются разными милостями, которыя отъ щедротъ Монаршихъ изливаются на всѣ государственныя сословія, но что особенно поразительно,—милостей удостоиваются въ эти дни и тѣ, которые уже не принадлежатъ болѣе ни къ какому сословію и по своимъ дѣламъ повидимому потеряли всякое право на милость. Въ то время какъ добрымъ гражданамъ, которые своими отличными заслугами Престолу и Отечеству и вообще полезною дѣятельностію обращаютъ на себя особенное Монаршее вниманіе, даруются болѣе или менѣе значительныя награды и предоставляются разныя льготы, не забываются и отверженные члены общества: одни изъ нихъ удостоиваются полнаго прощенія въ совершенныхъ ими преступленіяхъ, а другимъ смягчается заслуженное ими наказаніе, чтобы и они могли принять участіе въ общей радости и вмѣстѣ съ другими молить Царя царствующихъ о ниспосланіи долгоденствія и благоденствія на Царя и царство. — Обычай, священный уже и потому что онъ въ теченіи многихъ вѣковъ постоянно оставался неприкосновеннымъ, и при всѣхъ измѣненіяхъ въ формѣ государственнаго устройства всегда былъ уважаемъ.

И неудивительно. Право помилованія есть такое преимущество верховной власти, безъ котораго она не можетъ быть представлена ни въ какомъ

видѣ, и ничто такъ и не украшаетъ и не возвышаетъ Вѣнценосцевъ и не привлекаетъ къ нимъ сердца подданныхъ, какъ милосердіе къ несчастнымъ, впавшимъ въ преступленія, особенно если они удостоиваютъ ихъ своихъ милостей въ такіе дни, когда имъ, казалось бы, ничто не могло и не должно было напоминать о преступникахъ.

Но составляя наилучшее украшеніе Государей и удовлетворяя вполнѣ потребности сердца, помилованіе преступниковъ не можетъ ли вести къ умноженію числа преступленій, ослабляя силу законовъ и уменьшая спасительный страхъ наказанія, и не противорѣчитъ ли оно другой, не менѣе высокой и священной обязанности Вѣнценосцевъ, творить судъ и правду на землѣ?

Ни въ какомъ случаѣ. Если Монархъ милуетъ преступниковъ; то онъ никогда, ни въ обыкновенные, ни въ торжественные дни, не дѣлаетъ этого, слѣдуя лишь влеченію своего сердца, но всегда руководствуется притомъ или началами справедливости, или высшими политическими соображеніями, или видами человѣколюбія, основаннаго на началахъ чистой нравственности, и ни въ какомъ случаѣ не расточаетъ своихъ милостей на совершенно недостойныхъ, отъ чего Монаршее помилованіе бываетъ всегда въ высшей степени благотворно для общества и частныхъ лицъ.

Какъ бы ни было глубоко обдумано и хорошо составлено Уголовное Законодательство, всегда могутъ встрѣтиться случаи, въ которыхъ наказаніе, опредѣленное въ законѣ за преступленіе, оказывается неприложимымъ къ дѣлу, по причинѣ совершенно особенныхъ обстоятельствъ, которыхъ законодатель не предвидѣлъ, издавая законъ. Случаи этого рода возможны и дѣйствительно встрѣчаются не только тамъ, гдѣ еще дѣйствуютъ старые законы, но и тамъ, гдѣ устарѣвшіе законы уже замѣнены новыми, вполнѣ приспособленными къ новымъ понятіямъ и потребностямъ общества: жизнь такъ разнообразна, и явленія ея такъ не похожи однѣ на другія, что никакое законодательство никогда не въ состояніи исчерпать ихъ всѣ совершенно. Отмѣнить законное наказаніе и замѣнить его другимъ, собственной властію, судья ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права. Власть его какъ истекаетъ изъ закона, такъ и ограничивается закономъ, и далѣе предѣловъ его не простирается и простираться не можетъ. Право это принадлежитъ лишь Монарху, отъ котораго исходитъ законъ. На его милостивое воззрѣніе и представляются всѣ уголовныя дѣла въ подобныхъ случаяхъ. И Государь, если находитъ нужнымъ, замѣняетъ законное наказаніе другимъ, болѣе легкимъ или болѣе тяжкимъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла.

Впрочемъ всегда необходимы особенно важныя причины, для того чтобы Государь рѣшился назначить за преступленіе болѣе строгое наказаніе; какъ чадолюбивый отецъ, онъ гораздо охотнѣе смягчаетъ его. — И этотъ актъ Монаршей воли обыкновенно называютъ помилованіемъ въ обширномъ смыслѣ. И точно, не только въ послѣднемъ, но и въ первомъ случаѣ Монархъ милуетъ. Въ первомъ случаѣ онъ оказываетъ благодѣяніе обществу, ограждая его отъ злодѣя, противъ котораго законное наказаніе оказалось недостаточнымъ, а въ послѣднемъ ему самому, смягчая его участь.

Что помилованіе въ подобныхъ случаяхъ вполнѣ справедливо,—въ этомъ нельзя сомнѣваться. Отмѣняя законное, неприложимое къ дѣлу наказаніе и замѣняя его другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ преступленію, Государь лишь поправляетъ законъ, справедливый вообще, но несправедливый въ данномъ случаѣ, и такимъ образомъ воздаетъ обществу и преступнику только должное.

Но Монархъ можетъ миловать и тогда, когда преступникъ не имѣетъ никакого законнаго права на помилованіе. Онъ можетъ смягчать наказаніе и даже совсѣмъ освобождать отъ него виновныхъ въ преступленіи, и по причинамъ политическимъ, и въ видахъ человѣколюбія.

Руководствуясь высшими политическими соображеніями, Государь милуетъ, когда на пр. по окончаніи междоусобной войны, по усмиреніи бунта, по открытіи обширнаго заговора, наказавши главныхъ виновниковъ, онъ всѣмъ прочимъ преступникамъ даруетъ прощеніе, и предаетъ вѣчному забвенію всѣ вины ихъ. Въ подобныхъ случаяхъ безпощадное преслѣдованіе всѣхъ виновныхъ, вмѣсто того чтобы принести какую-либо пользу, лишь еще болѣе увеличило бы зло, а иногда и подало бы поводъ къ новому возстанію или заговору, раздувъ вражду, еще не совсѣмъ угасшую. Между тѣмъ кроткія мѣры всегда оказываются болѣе или менѣе благодѣтельными: онѣ тотчасъ успокоиваютъ умы и обезоруживаютъ недовольныхъ. Въ междоусобіяхъ, бунтахъ, заговорахъ сознательно и злонамѣренно по большей части участвуютъ нѣкоторые немногіе, главнымъ образомъ зачинщики, руководители и распорядители, а всѣ другіе вовлекаются въ преступленіе разными внѣшними, болѣе или менѣе извинительными обстоятельствами: — родственными, дружескими и другими подобными связями и отношеніями; или же обольщеніемъ, заблужденіемъ, обманомъ, подкупомъ, угрозами и даже насиліемъ. Только первыхъ не всегда можно обезоружить милосердіемъ: на послѣднихъ оно всегда дѣйствуетъ благотворно. Но тогда въ особенности оказываются чрезвычайно благодѣтельными кроткія мѣры противъ винов-

ныхъ въ политическихъ преступленіяхъ, когда источникъ ихъ заключается не столько въ развращеніи сердца, сколько въ превратныхъ понятіяхъ и ложныхъ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ. Перемѣнять понятія и давать направленіе мнѣніямъ и убѣжденіямъ всегда можно лишь кроткимъ и человѣколюбивымъ обхожденіемъ съ разномыслящими; казни и наказанія обыкновенно еще болѣе укрѣпляютъ въ нихъ.

И такъ, чтобы не причинить обществу новаго, совершенно безполезнаго вреда, преслѣдуя и карая всѣхъ виновныхъ, Государь, по окончаніи политическихъ смутъ, возвѣщаетъ заблуждшимся слово милости и прощенія. И всякій, кто отзывается сердцемъ на этотъ призывъ сердца, тотчасъ удостоивается помилованія: только на упорныхъ и нераскаянныхъ оно не распространяется.—И вражды какъ будто не бывало, и вся земля, еще недавно разъединенная, вдругъ сливается въ одну семью, чтобы одними устами и однимъ сердцемъ славить милосердаго Монарха, однимъ словомъ своимъ, словомъ любви умирившаго ее, и гдѣ раздавался плачь и стонъ, тамъ слышатся лишь благословенія помазаннику Божію. Не даромъ же живутъ вѣчно въ памяти благодарнаго потомства Государи милосердые. Они созидаютъ себѣ памятники не на мраморѣ и не на мѣди, а въ сердцахъ управляемыхъ ими народовъ, которые переживаютъ и самые народы!

Но законъ неумолимъ, не знаетъ пощады, и наказаніе, которое не исполняется, теряетъ свою устрашающую силу; а справедливость сильно страдаетъ, когда виновные въ преступленіи не наказываются.

Справедливо, но не всегда и вообще.

Законы пишутся не для того, чтобы производить, а чтобы истреблять зло, и всегда должны быть оставляемы въ бездѣйствіи, какъ скоро выполненіемъ ихъ можно причинить обществу болѣе зла, чѣмъ добра. И не по нимъ, и дѣйствительно, судятся и наказываются виновные въ междоусобіяхъ, бунтахъ и заговорахъ; для этого обыкновенно составляются особенныя правила, и наряжаются особенные суды.—А устрашающая сила наказанія отъ невыполненія его ослабляется лишь тогда, когда невыполненіе дѣлается часто. Съ случаевъ необыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, въ которыхъ, въ видѣ рѣдкаго изъятія изъ общаго правила, по особому Монаршему милосердію, виновные освобождаются отъ наказанія, брать примѣръ для себя и потому не бояться наказанія, можетъ развѣ безумецъ. Да и устрашеніе совсѣмъ не такая цѣль наказанія, изъ-за которой бы, при сужденіи преступленій, должно было пренебрегать всѣми другими расчетами и отношеніями.—Справедливость же, которую призванъ водворять на землѣ

Монархъ, не есть справедливость мертвая и безплодная, которая разитъ, не взирая ни на что и не стѣсняясь ничѣмъ, хотя бы отъ этого погибъ міръ. Напротивъ это справедливость живая и плодотворная, которая, какъ Божія правда, долготерпитъ и караетъ не прежде, какъ испытавъ мѣры кротости и милосердія; она все направляетъ къ благимъ цѣлямъ и изъ самаго зла изводитъ добро. Salus publica:—вотъ ея suprema lex.

Въ видахъ человѣколюбія, основаннаго на началахъ чистой нравственности, Монархъ милуетъ, когда напр. избавляетъ отъ позорнаго наказанія неопытнаго и легкомысленнаго юношу; прощаетъ искренно раскаявающагося; словомъ прощенія и забвенія смываетъ пятно съ жизни въ продолженіи многихъ лѣтъ постоянно честной и безукоризненной; отпущаетъ вину чиновнику, впадшему въ преступленіе отъ ревности не по разуму, и вообще, главнымъ образомъ въ торжественные дни, покрываетъ покровомъ милосердія преступленія и проступки съ тою цѣлію, чтобы поощрить тѣмъ виновныхъ къ исправленію.

Молодой человѣкъ, неопытный и легкомысленный, который бы, по своему происхожденію, способностямъ и образованію, могъ быть украшеніемъ общества, впадаетъ въ преступленіе, бывъ увлеченъ къ нему вреднымъ вліяніемъ лицъ его окружающихъ, или и своими страстями. По закону онъ долженъ подвергнуться за совершенное имъ преступленіе позорному наказанію, которое бы осрамило его на всю жизнь, и такимъ образомъ убило ее въ самомъ началѣ. Судъ соболѣзнуетъ о немъ, но самъ сдѣлать для него ничего не можетъ, и предаетъ его Монаршему милосердію. Монархъ смотритъ на дѣло юноши, не какъ строгій Судья, а какъ чадолюбивый отецъ, очами милосердія видитъ въ немъ не преступленіе, а заблужденіе молодости, которое заслуживаетъ не наказанія, а отеческаго исправленія, и освобождаетъ виновнаго отъ наказанія.—И жизнь, едва не поблекшая въ самомъ началѣ, снова разцвѣтаетъ, и юноша, памятуя о благодѣяніи, ему оказанномъ, посвящаетъ ее всю на служеніе престолу и отечеству.

Человѣкъ скромный, тихаго и спокойнаго характера, въ состояніи раздраженія или и другаго какого сильнаго сердечнаго движенія, совершаетъ преступленіе. Пришедши въ себя, онъ самъ осуждаетъ свой поступокъ, и искренно, глубоко раскаявается въ немъ. Предъ престоломъ небеснаго, неумытнаго и нелицепріятнаго Судіи чистосердечное раскаяніе очищаетъ всякую, самую тяжкую вину, и слагаетъ съ виновнаго всякую отвѣтственность за нее. Не можетъ оно не имѣть никакого значенія и для земнаго судьи; — и обыкновенные судьи со всею строгостію караютъ лишь

упорныхъ и нераскаянныхъ злодѣевъ; а Верховный Судья раскаявающихся преступниковъ иногда совершенно прощаетъ. И какъ благотворно бываетъ слово Монаршаго милосердія въ подобныхъ случаяхъ! Самыхъ злонамѣренныхъ и закоренѣлыхъ злодѣевъ, которыхъ сердце раскрывается для раскаянія уже въ мѣстѣ наказанія, оно не рѣдко совершенно перерождаетъ, а случайно падшаго возстановляетъ всегда.

Въ теченіи многихъ лѣтъ безукоризненно течетъ жизнь, исполненная подвиговъ добра, а иногда и украшенная особенными государственными заслугами; но вдругъ стеченіемъ несчастныхъ обстоятельствъ, которыхъ ни предвидѣть, ни предотвратить не было полной возможности, она омрачается. Человѣкъ честный, котораго до сего времени нельзя было упрекнуть ни въ какомъ предосудительномъ поступкѣ, внезапно впадаетъ въ преступленіе. Было бы крайне жестоко и безчеловѣчно, если бы одно порочное дѣло, совершенное въ несчастную минуту самозабвенья, могло уничтожать всю предшествующую добрую жизнь человѣка. И если предшествующая, юридически доказанная, порочная жизнь всегда служитъ во вредъ преступнику при опредѣленіи наказанія за совершенное имъ преступленіе; то тѣмъ большее вліяніе на него должна имѣть добрая жизнь и особенно ознаменованная замѣчательно полезною дѣятельностію для престола и отечества. А каждый уголовный процессъ ясно показываетъ, что никакое преступленіе не можетъ быть оцѣнено по достоинству, когда оно разсматривается внѣ всякой связи со всею жизнію преступника.—Въ случаяхъ, когда преступленіе совершается человѣкомъ постоянно безукоризненной жизни, самъ законъ уполномочиваетъ судей представлять дѣло на милостивое воззрѣніе Монарха. Монархъ кладетъ на вѣсы своего правосудія, съ одной стороны, добрую жизнь преступника, а съ другой совершенное имъ преступленіе, видитъ очами милосердія, что оно не можетъ перевѣсить ея, и отпущаетъ ему вину его. Пятно, наброшенное на жизнь постоянно честную болѣе несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, чѣмъ собственной виной преступника, и смытое съ нея всесильнымъ словомъ Монарха, уже не ставится ему ни въ какое предосужденіе.—И жизнь, исполненная подвиговъ добра и полезныхъ дѣлъ для престола и отечества, опять течетъ также безукоризненно и не пропадаетъ даромъ.

Чиновникъ думаетъ принести особенную пользу службѣ или отечеству и совершаетъ дѣло, которое превышаетъ предѣлы предоставленной ему власти по закону. Если онъ не совершаетъ притомъ никакого другаго преступленія, то его дѣло, какъ всякое другое нравственное излишество,

заслуживаетъ лишь вразумленія, и рѣдко можетъ быть поводомъ къ наказанію. Но и преступленіе, совершенное по такому благородному побужденію, не можетъ быть поставлено въ большую вину совершившему его; а Государь, смотря по обстоятельствамъ, иногда и вовсе прощаетъ его.—Чиновникъ, вразумленный опытомъ, дѣлается осторожнѣе, и уже приноситъ своей службой лишь пользу Государю и государству.

Судъ Государя не есть судъ обыкновенный. Онъ есть не только Судья, праведный воздаятель злымъ за зло, какъ всѣ другіе обыкновенные, ему подчиненные судьи, но и Вождь Богомъ ввѣреннаго ему народа къ нравственному усовершенствованію, которое есть конечная цѣль всей земной дѣятельности человѣка и достигается лишь въ государствѣ. А и Верховный Правитель міра ведетъ родъ человѣческій къ совершенству разными путями: однихъ возвращаетъ на путь истинный казнями, а другихъ зоветъ къ себѣ милостями: такъ и Государь исправляетъ заблуждшихся то строгостію, то милосердіемъ. И какъ отъ Всевидящаго ока всеправеднаго и всеблагаго Судіи не укрывается никакое доброе дѣйствіе, и самое маловажное и незначительное всегда имѣетъ надлежащую оцѣнку на вѣсахъ Его правосудія: такъ и земной представитель его, при обсужденіи достоинства дѣйствій человѣческихъ, не можетъ быть равнодушенъ ни къ какому добру, и всякая полезная мысль, всякое похвальное чувство, и всякое доброе дѣло, гдѣ бы онъ ни открывалъ ихъ, хотя бы въ тинѣ человѣческаго общества, и среди отверженныхъ членовъ его, всегда должны имѣть вѣсъ на судѣ его.

И ни законы, ни наказаніе, ни справедливость, ни въ какомъ случаѣ ничего не терпятъ и не могутъ терпѣть отъ этого.

Законы сами не могутъ быть только глашатаями кары, но должны быть вмѣстѣ и средствомъ народнаго воспитанія, и потому, они вездѣ, гдѣ можно и должно, отдаютъ должную дань нравственнымъ началамъ и требованіямъ человѣколюбія. Но ихъ дѣйствіе ограничивается извѣстными предѣлами. Гдѣ законы молчатъ, тамъ говоритъ вмѣсто ихъ Монархъ и тѣмъ свободнѣе, чѣмъ менѣе онъ подчиняется какимъ либо ограниченіямъ въ этомъ отношеніи. — А наказаніе, безчеловѣчное и безнравственное, не есть наказаніе, а безсмысленное бичеванье, которое, и по отношенію къ животнымъ, можетъ позволять себѣ развѣ только безразсудная и безотчетная жестокость. Уже древніе видѣли въ наказаніи не только удовлетвореніе, но и врачеваніе и примиреніе: въ государствахъ христіанскихъ другаго значенія оно и имѣть не можетъ. Что же, какъ не лѣчебницы тѣ благотворительныя заведенія, созданныя духомъ христіанской любви, въ кото-

рыхъ, у народовъ Запада, несчастные осужденные расплачиваются съ оскорбленнымъ ими обществомъ почти за всѣ преступленія? Въ нихъ они врачуются отъ своихъ душевныхъ недуговъ такими средствами, которыя уничтожаютъ болѣзнь въ самомъ корнѣ, очищая душу отъ проказы, и чрезъ то успокоиваютъ и примиряютъ ее. Справедливость же, въ ея истинномъ, высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи, не только не противоположна милосердію, но и совершенно совпадаетъ съ нимъ. Истинная справедливость, караетъ преступника, не для того чтобы воздать зломъ за зло, а для того чтобы снять съ души тяжкое бремя преступленія, которое гнететъ и тревожитъ ее, и такимъ образомъ воздастъ за зло добромъ, отъ чего и самъ преступникъ, когда совѣсть его пробуждается, не избѣгаетъ отъ мести правосудія, а благословляетъ карающую его десницу. Милосердіе дѣлаетъ тоже самое. Различны лишь средства, которыми достигается эта цѣль въ томъ и другомъ случаѣ.

Избирая дни торжественные для помилованія преступниковъ, Государь, съ одной стороны, выполняетъ тѣмъ одну изъ важнѣйшихъ христіанскихъ обязанностей, освящать дни праздничные дѣлами милосердія, а съ другой онъ связуетъ такимъ образомъ въ памяти облагодѣтельствованныхъ благодарное воспоминаніе объ оказанной милости съ воспоминаніемъ о самомъ днѣ, въ который она оказана, и научаетъ ихъ чрезъ то тѣмъ болѣе чтить эти дни.

Помилованіе есть чисто личное право; оно принадлежитъ Монарху eo ipso, потому что онъ Монархъ, и вслѣдствіе того всецѣло зависитъ отъ его воли, и не можетъ подчиняться никакимъ условіямъ и ограниченіямъ. Не только существо и пространство помилованія, но и самые случаи и поводы къ нему никогда не могутъ быть опредѣляемы никакими положительными правилами. Даже истолкованіе акта, которымъ даруется помилованіе, въ случаѣ сомнѣнія, дѣлается лишь самимъ Монархомъ. Милость тогда только и бываетъ милостію, когда она раздается совершенно свободно, безъ всякаго внѣшняго принужденія, nullo jure cogente, какъ говорятъ цивилисты. Какъ Царь небесный раздаетъ свои милости по своему благому произволенію: такъ и Цари земные милуютъ единственно по своему личному усмотрѣнію.

Въ государствахъ, гдѣ дѣйствуетъ исправительная система, есть законъ, что преступникъ, который, въ продолженіе извѣстнаго, закономъ же опредѣленнаго срока, ведетъ себя хорошо въ мѣстѣ наказанія, можетъ, чрезъ посредство судебныхъ мѣстъ, просить Монарха о помилованіи. Хотя въ мотивахъ къ Баварскому законодательству, изъ котораго этотъ законъ перешелъ во всѣ другія законодательства, говорится, что въ немъ не содер-

жится никакого ограниченія неограниченнаго права въ самомъ себѣ монаршаго помилованія, но на самомъ дѣлѣ, оно имъ, въ этомъ случаѣ, почти что совершенно уничтожается. Доказанное доброе поведеніе арестанта и дѣйствительно послѣдовавшее исправленіе его, и само по себѣ, безъ всякаго особеннаго закона и вмѣшательства судебныхъ мѣстъ, всегда можетъ расположить Монарха къ помилованію его. Но какъ скоро оно упрочивается за нимъ закономъ; то уже становится законной мѣрой, и перестаетъ быть дѣломъ свободнаго монаршаго произволенія. Если всѣ условія, которыхъ требуетъ законъ, существуютъ, то Монархъ находитъ или не находитъ нужнымъ, но долженъ помиловать преступника.

Но если законъ говоритъ вообще, что доброе поведеніе арестанта можетъ обратить на него милостивое вниманіе Монарха и сократить срокъ его заключенія, съ тою цѣлію, чтобы поощрить его къ исправленію; то онъ нисколько не ограничиваетъ Монарха въ его священномъ правѣ миловать преступниковъ, а хочетъ только ихъ поднять нравственно. Осужденный никогда не долженъ быть лишаемъ великой надежды на помилованіе. Мысль, что добрымъ поведеніемъ онъ можетъ загладить свою вину и заслужить прощеніе, всегда имѣетъ крайне благотворное вліяніе на него. Обыкновенно она только и успокоиваетъ несчастнаго осужденнаго при поступленіи въ мѣсто заключенія и заставляетъ его съ покорностію переносить заслуженное имъ наказаніе; но она же впослѣдствіи даетъ ему силы подавлять свои порочныя наклонности и такимъ образомъ совершать дѣло своего нравственнаго перерожденія. Когда же потомъ, исправившись, онъ дѣйствительно удостоивается помилованія; то это благотворно дѣйствуетъ и на другихъ арестантовъ, возбуждая въ нихъ соревнованіе.

Въ силу вѣковаго обычая, въ нѣкоторые торжественные дни, извѣстныя преступленія всегда прощаются. Не могутъ ли пользоваться этимъ люди злонамѣренные для совершенія подобныхъ преступленій? Увѣряютъ, что въ опытѣ дѣйствительно встрѣчаются случаи, въ которыхъ, предъ наступленіемъ означенныхъ дней, именно въ надеждѣ на помилованіе, нарушаются законы. Не служитъ ли и это въ предосужденіе упомянутаго обычая?

Но есть ли какой нибудь обычай, самый похвальный и священный, котораго бы ухищренная злоба человѣческая не могла обращать во вредъ себѣ и другимъ? — Кто же, въ надеждѣ на помилованіе, нарушаетъ законы, тотъ тѣмъ самымъ доказываетъ, что онъ не стоитъ помилованія, и потому прямая обязанность тѣхъ, которые приводятъ въ исполненіе Монаршую волю о помилованіи, не распространять дѣйствія его на подоб-

ныхъ преступниковъ, хотя бы они, по роду совершенныхъ ими преступлений, не могли быть наказаны. Если же они тѣмъ не менѣе освобождаются отъ наказанія, то уже не помилованіе винить должно въ томъ, что оно служитъ источникомъ злоупотребленія.

И всегда Монархъ бываетъ не человѣчески великъ, когда милуетъ преступниковъ; но тогда въ особенности онъ является во всемъ блескѣ своего неземнаго величія, когда въ дни торжественные, во время всеобщаго ликованія, съ высоты своего трона снисускается въ тѣ мрачныя жилища, въ которыхъ стенаютъ несчастные осужденные за преступленія, чтобы возвѣстить имъ слово милости и прощенія. Подобное памятованіе о злодѣяхъ въ дни праздничные, которые обыкновенно посвящаются на удовольствія, и въ частныхъ людяхъ считается необыкновеннымъ христіанскимъ дѣломъ; въ особѣ Государя оно есть дѣло свыше-человѣческое. А и семейная радость его тогда только бываетъ полна, когда онъ дѣлитъ ее со всѣми подданными, не исключая заблуждшихся дѣтей его.

И такъ да хвалится милость на судѣ Монарха, какъ на судѣ Божіемъ; да украшаетъ она, какъ самый драгоцѣннѣйшій камень, короны владыкъ земныхъ для счастія управляемыхъ ими народовъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ и да служитъ она для тѣхъ, которые еще мало научены опытомъ, непререкаемымъ свидѣтельствомъ Божескаго происхожденія ихъ власти! И въ самомъ дѣлѣ, однимъ словомъ возвращать жизнь, честь, свободу, имущество, спасать погибшаго, возстановлять падшаго, претворять плачь и стонъ въ радость, — дѣлать совершенное не совершеннымъ, — и не нарушать притомъ ни законовъ, ни справедливости, можетъ ли простой человѣкъ, не облеченный властію свыше?

О внѣшнихъ отличительныхъ знакахъ Верховной Власти, и торжественномъ облеченіи ими Государей при началѣ царствованія.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ,

НАПИСАННОЕ ПО СЛУЧАЮ ТОРЖЕСТВА

СВЯЩЕННАГО МУРОПОМАЗАНІЯ И КОРОНОВАНІЯ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА II

И

АВГУСТѢЙШЕЙ СУПРУГИ ЕГО

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ,

ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ ЭНЦИКЛОПЕДІИ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ

И РОССІЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗАКОНОВЪ,

ДОКТОРОМЪ ПРАВЪ,

Сергіемъ Орнатскимъ.

Въ торжественномъ собраніи одного изъ высшихъ ученыхъ сословій въ Россійской имперіи, къ которому подало поводъ величественное и многознаменательное для нашего Отечества событіе, совершившееся нынѣ въ древней столицѣ Царей Русскихъ, я не нахожу предмета, болѣе приличнаго занять вниманіе Ваше, Почтеннѣйшіе Посѣтители! какъ то высокое и священное дѣйствіе, которое привлекло въ этотъ первопрестольный городъ Русскаго Царства и Августѣйшихъ Членовъ Всероссійскаго Императорскаго Дома, и высшихъ сановниковъ государственнаго управленія, вмѣстѣ съ цѣлыми Правительственными сословіями, изъ нашей сѣверной столицы, и отличенныхъ своимъ общественнымъ положеніемъ и своими заслугами представителей народныхъ сословій изъ многочисленныхъ странъ обширнаго Русскаго государства, и знаменитыхъ своею породою и достоинствомъ представителей разныхъ Государей и государствъ Европы и другихъ частей Свѣта. Но, какъ значеніе всякаго событія, и однократно совершающагося въ исторіи какого-либо народа, и, тѣмъ болѣе, повторяющагося многократно въ извѣстныя эпохи бытія государствъ, не можетъ быть вполнѣ постигнуто безъ изслѣдованія первыхъ его началъ: то и для объясненія всей важности священнаго коронованія и мvропомазанія Государей, совершающагося въ нашемъ Отечествѣ при началѣ каждаго новаго царствованія, я считаю необходимымъ прежде всего коснуться, сколько то дозволитъ кратковременность на-

стоящей бесѣды, самыхъ первыхъ началъ употребленія внѣшнихъ отличительныхъ знаковъ Верховной Власти и торжественнаго облеченія ими Государей, какія могутъ быть усмотрѣны во всемірной Исторіи народовъ, и указавъ на постепенное распространеніе этого торжественнаго обряда въ разныхъ государствахъ древняго и новаго міра, за тѣмъ уже перейти къ объясненію первоначальнаго введенія его въ наше Отечество, и утвержденія въ немъ чрезъ постоянное совершеніе его въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ существовало болѣе или менѣе ясное сознаніе необходимости, отличить лице, облеченное высшею, правительственною властію въ человѣческомъ обществѣ, особыми внѣшними знаками, состоящими частію въ извѣстныхъ принадлежностяхъ одежды, частію же въ другихъ вещахъ, или присвоенныхъ ему въ исключительное употребленіе, или, по крайней мѣрѣ, только въ его употребленіи получающихъ то особое знаменованіе, котораго они не имѣютъ въ обыкновенномъ и повседневномъ употребленіи другихъ членовъ общества.

Такъ, уже въ самомъ простомъ, патріархальномъ бытѣ отдаленнѣйшей древности, глава семейства и рода употребляетъ жезлъ, гривну и перстень, какъ отличительные знаки своей власти. Быт. XXXVIII. 18, 25. Ср. Евр. XI. 21. Ежели изъ этихъ временъ, отъ которыхъ отдѣляютъ насъ цѣлыя тысячелѣтія, перенесемся въ современный намъ бытъ другихъ людей, стоящихъ на самой низшей ступени человѣчества и называемыхъ дикими, — и здѣсь найдемъ жезлъ, или въ самомъ простомъ и безъискуственномъ его видѣ, или съ нѣкоторыми украшеніями, или въ видѣ воинскаго орудія, употребляемый какъ знакъ власти наслѣдственнаго или избирательнаго начальника ихъ общественныхъ союзовъ. По отдѣленіи, въ болѣе обширныхъ, развитыхъ и

благоустроенныхъ человѣческихъ обществахъ, разныхъ правительственныхъ дѣйствій, соединявшихся прежде въ лицѣ одного и того же высшаго правителя, и распредѣленіи ихъ между разными властями, подчиненными одной верховной общественной власти, мы видимъ разнообразные жезлы, опять какъ отличительные знаки извѣстнаго вида и извѣстной степени власти и достоинства, съ одной стороны, въ рукахъ высшихъ служителей Вѣры и пастыреначальниковъ Церкви, а съ другой, въ рукахъ главныхъ военачальниковъ. А между тѣмъ, жезлъ верховнаго правителя, устроеннаго такимъ образомъ человѣческаго общества, принимаетъ и особый, соотвѣтственный высшему его значенію, внѣшній видъ, и особое названіе державнаго или правительственнаго скипетра. Въ той части стараго свѣта, которая, и по общему свидѣтельству древнихъ бытописателей, и по единогласному признанію позднѣйшихъ изслѣдователей всемірныхъ событій, считается колыбелію рода человѣческаго и мѣстомъ образованія первыхъ общественныхъ союзовъ, и гдѣ, между прочими видами этихъ союзовъ, мы усматриваемъ и первыя, достовѣрно извѣстныя по исторіи, обширныя и могущественныя государства, управляемыя съ особымъ, свойственнымъ тому времени, и тѣмъ народамъ и странамъ, самовластіемъ, этотъ правительственный жезлъ или скипетръ въ рукахъ Царя имѣетъ уже такую силу, что отъ одного мановенія его зависитъ жизнь или смерть не только низшихъ его подданныхъ, но и самыхъ приближенныхъ, или по естеству близкихъ къ нему лицъ , не исключая изъ числа ихъ даже тѣхъ , которыя раздѣляютъ съ нимъ внѣшнія почести царскаго сана. Есо. IV. 11. V. 2. Впрочемъ , и въ государствахъ меньшаго объема, и гдѣ Царская власть не ознаменовывала себя столь поразительными явленіями силы, скипетръ составлялъ такой важный знакъ верховной власти, который даже въ рукахъ не самаго Царя, а другаго лица, дѣйствовавшаго его именемъ, придавалъ его распоряженіямъ

особую дѣйствительность. [1] Само собою разумѣется, что, въ соотвѣтственность съ такимъ особеннымъ значеніемъ и дѣйствіемъ, Царскій скипетръ долженъ былъ отличаться отъ прочихъ жезловъ самымъ внѣшнимъ, ему исключительно присвоеннымъ видомъ, равно какъ веществомъ, изъ котораго онъ сдѣланъ.

И дѣйствительно, одни изъ древнихъ царей употребляли скипетры золотые, другіе — сдѣланные изъ слоновой кости; нѣкоторые изъ чернаго дерева; у иныхъ хотя скипетры сдѣланы изъ вещества менѣе дорогаго, или рѣдкаго, однакожъ покрыты украшеніями или изъ того же благороднѣйшаго, или изъ другаго металла, съ присовокупленіемъ къ нимъ иногда драгоцѣнныхъ камней. [2] Для удобнѣйшаго обращенія и направленія въ разныя стороны, въ качествѣ повелительныхъ и указательныхъ орудій, Царскіе скипетры большею частію имѣли размѣры, уменьшенные въ длинѣ, въ сравненіи съ общеупотребительными жезлами. Обыкновенно на верхнемъ ихъ концѣ, а иногда, сверхъ того, и на нижнемъ, помѣщаются изваянныя фигуры цвѣтовъ, плодовъ, птицъ или другихъ животныхъ, которымъ усвоется какое либо символическое значеніе, и между которыми преимуществуетъ изображеніе орла, царя пернатыхъ и одного изъ символическихъ знаковъ верховной власти самаго царя языческихъ боговъ, Зевса-громовержца, котораго перуны орелъ держитъ въ своихъ когтяхъ [3]; такъ какъ это-

---

[1] Гомеровой Иліады пѣснь II. стихи 182 — 210.

[2] Ср. привед. мѣста изъ кн. Есоирь и изъ Иліады, и сверхъ того, въ послѣдней пѣснь I. ст. 15, 246. Ксенофонт. Киропедіи кн. VIII. гл. 7. Римскихъ Древностей (Ῥωμαικῆς Ἀρχαιολογίας) Діонисія Галикарнасскаго, кн. III. гл. 61.

[3] Διὸς αἴσιος ὄρνις Ζηνὸς που τόδε σῆμα, у Ѳеокрита; ζῶον βασιλικὸν, у Схоліаста на Эсхиловы творенія. Ср. Isidori, Hispal. Episc., Originum s. Etymologiarum, l. XVIII. c. 3.

му верховному божеству языческаго міра приписывается и врученіе скипетра царямъ, — очевидно, для выраженія того, всѣмъ народамъ древнихъ, равно какъ и послѣдующихъ временъ, общаго убѣжденія, что Царская власть происходитъ отъ Бога.[1] Составляя такимъ образомъ своего рода драгоцѣнность, и имѣя особое значеніе правительственнаго или державнаго жезла, скипетры, вмѣстѣ съ другими знаками Царскаго достоинства, передавались отъ прежде царствовавшихъ Государей преемникамъ ихъ власти, и переходили наслѣдственно изъ рода въ родъ.[2] Таково качество и значеніе скипетровъ, съ которыми являются въ Гомеровой Иліадѣ Греческіе цари, вожди силъ, собранныхъ подъ стѣнами Трои, для ея разрушенія, и особенно, первый между ними, вождь самихъ царей, Агамемнонъ.[3] Равнымъ образомъ, въ Виргиліевой Энеидѣ мы находимъ скипетры въ числѣ тѣхъ отличительныхъ знаковъ достоинства Троянскихъ Царей, которые, бывъ похищены изъ развалинъ пылающей Трои, поднесены Энеемъ въ даръ Царицѣ Кароагена, а потомъ, Царю Авзоніи или Лаціума, Латину; а также видимъ ихъ въ употребленіи у древнѣйшихъ Царей разныхъ Италійскихъ народовъ.[4] Хотя же ни первый основатель Римскаго государства, ни ближайшіе преемники Царской его власти

---

[1] Иліады, пѣснь II. ст. 204 — 206:

Οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη· εἷς κοίρανος ἔςω,
Εἷς βαςιλεὺς ᾧ ἔδωκε Κρόνου παῖς ἀγκυλομήτεω
Σκῆπτρόν τ' ἠδὲ θέμιςας, ἵνα σφίσιν εμβαςιλεύη.

[2] *Σκῆπτρον πατρώϊον*, Иліады п. II. ст. 46, 186.

[3] Ср. привед. мѣста Иліады, и сверхъ того: I. 279. X. 321, и др.

[4] Virgil. Aeneid. lib. I. v. 647 — 655. VII. 173, 247, 252. XI. 238. XII. 206; и др.

не употребляли скипетра: [1] однакожъ, нѣсколько времени спустя, вмѣстѣ съ другими отличительными знаками царскаго достоинства, и скипетръ вошелъ въ употребленіе въ Римѣ при Тарквиніѣ старшемъ, которому принесли эти знаки въ даръ побѣжденные имъ жители разныхъ городовъ Этруріи, гдѣ подобные знаки верховной власти издавна были въ употребленіи, и который, испросивъ на то предварительно согласіе Сената и народа, употреблялъ за тѣмъ эти знаки постоянно до своей смерти, равно какъ и послѣ него, другіе Цари, преемники его престола. [2] Не входя за тѣмъ въ особенное объясненіе употребленія скипетра Царями разныхъ другихъ древнихъ народовъ, и, по ихъ примѣру, даже нѣкоторыми властителями, не носившими Царскаго титула, можно вообще сказать, что во всѣхъ древнихъ государствахъ, и притомъ почти всегда съ самыхъ первыхъ временъ образованія ихъ, скипетръ составлялъ непремѣнный и неотъемлемый символъ Царскаго достоинства; и обычай употребленія Царями скипетровъ пріобрѣлъ такую всеобщность, что самыя названія Царей и Скиптродержцевъ сдѣлались словами однозначащими, и что слово «скипетръ» какъ у свѣтскихъ авторовъ, такъ и въ книгахъ Священнаго Писанія, обыкновенно и весьма

---

[1] Что Ромулъ, соединяя въ своемъ лицѣ, подобно Царямъ другихъ древнихъ народовъ, достоинство верховнаго жреца съ прочими преимуществами верховной власти, носилъ жезлъ Авгурскій: на это указываетъ выраженіе: «Quirinalis lituus, въ 187 стихѣ VII кн. Энеиды.

[2] Обстоятельныя извѣстія объ этомъ находятся у Діонисія Галикарнасскаго, въ привед. выше 61 главѣ III книги его Римскихъ Древностей, гдѣ между прочимъ сказано: *φέροντες... σύμβολα τῆς ἡγεμονίας, οἷς ἐκόσμουν αὐτοὶ τοὺς σφετέρους βασιλεῖς, κομίζοντες στέφανόν τε χρύσεον καὶ θρόνον ἐλεφάντινον, καὶ σκῆπτρον ἀετὸν ἔχον ἐπὶ τῆς κεφαλῆς, χιτῶνά τε πορφυροῦν χρυσόσημον, καὶ περιβόλαιον πορφυροῦν ποικίλον, οἷα Λυδῶν τε καὶ Περσῶν ἐφόρουν οἱ βασιλεῖς*.... и пр.

часто означаетъ и Царскую власть, и ея дѣйствіе—вообще, верховное правленіе государствомъ, или въ особенности, отправленіе правосудія, и тому подобное, а также самое царство или область государственную.[1] Изъ древнихъ государствъ обычай употребленія Государями скипетра перешелъ въ новыя чрезъ посредство Восточной Римской Имперіи, гдѣ, — послѣ того, какъ уже нѣкоторые языческіе Императоры древняго Рима начали мало по малу возобновлять употребленіе царскихъ знаковъ, прекратившееся тамъ вмѣстѣ съ отмѣною древняго Царскаго правленія, и конечно бывшее не совмѣстнымъ со введеннымъ въ то время новымъ устройствомъ правительственныхъ властей, — Христіанскіе Императоры придали этому знаку верховной власти новое освященіе, замѣнивъ помѣщавшееся на немъ дотолѣ изображеніе орла крестомъ, какъ священнѣйшимъ и побѣдоноснымъ знаменіемъ Царей и царствъ Христіанскихъ. Скипетръ, осѣненный крестомъ, символомъ любви и спасенія, сталъ уже не только орудіемъ страха, но орудіемъ любви и милосердія.

Другой, и притомъ важнѣйшій изъ всѣхъ внѣшнихъ знаковъ, которыми отличается отъ своихъ подданныхъ лице, облеченное верховною властію въ государствѣ, есть величественное и блистатель-

---

[1] Ср. слова и выраженія: *σκηπτοῦχοι* въ Гомер. Иліадѣ I. 279; *ἐπὶ σκήπτροις ἔχων τὴν ἐλπίδα*, въ Орестѣ, Еврипида; *τὸ χρυσοῦν σκῆπτρον τὸ τὴν βασιλείαν διασῶζον*, въ Ксеноф. Кироп. кн. VIII. гл. 7; Sic nos in sceptra reponis?—въ Виргил. Енеидѣ, кн. I. ст. 253; i. e. restituis in regna, quae amisimus: Servii comment. in Virgil. Aeneid. ad h. vers. и мн. др. Жезлъ правости, жезлъ царствія, въ псалмахъ Давидовыхъ XLIV. 7. Жезлъ крѣпости, въ книгѣ Прор. Іезекіиля XIX. 11 — 14; и т. д. Другое, отличное отъ изъясненнаго здѣсь, значеніе имѣетъ слово *σκηπτοῦχος* въ Ксеноф. Кироп. кн. VIII. гл. 3, гдѣ оно относится къ ближайшимъ слугамъ Царя и исполнителямъ его повелѣній.

ное украшеніе, возлагаемое на главу Царя, — какъ на благородное вмѣстилище духовной силы, возвышающей человѣка, какъ царя, надъ всѣми другими существами видимаго міра, освѣщающей мыслію, какъ лучемъ Божественнаго свѣта, всякое доброе его начинаніе и дѣйствіе, словомъ, его разума, — силы божественнѣйшей, какъ сказалъ одинъ изъ величайшихъ мудрецовъ древности, и правительствующей надъ всѣмъ существомъ человѣка [1]. Это внѣшнее отличіе верховной власти есть Царскій вѣнецъ или корона. Всѣмъ вообще людямъ прирождено сознаніе необходимости, отличить особеннымъ внѣшнимъ знакомъ голову того, кто по справедливости называется высшею или верховною главою всякаго человѣческаго общества, образуя собою живительную его силу и разумную душу, — кто олицетворяетъ собою идею единства въ этой совокупности множества недѣлимыхъ членовъ общественнаго союза или соединенія людей въ одно цѣлое, — кто направляетъ разнообразную дѣятельность отдѣльныхъ членовъ общества къ одной высшей цѣли, и безъ кого это стройное, гармоническое цѣлое обратилось бы въ безобразный, нестройный хаосъ силъ, взаимно стремящихся уничтожить одна другую. Даже начальники дикихъ племенъ отличаются отъ прочихъ особымъ уборомъ волосъ на головѣ, представляющимъ слабое и отдаленное подобіе вѣнца. Впрочемъ и въ древнихъ человѣческихъ обществахъ наиболѣе образованныхъ, этотъ знакъ Царскаго достоинства много различался отъ нынѣ употребительныхъ вѣнцевъ или коронъ. Въ большей части древнихъ государствъ, мѣсто нынѣшнихъ Царскихъ вѣнцевъ занимали діадимы, или головныя повязки: дорогая ткань и пріятная краска служили имъ внѣшнимъ отличіемъ. Вскорѣ вошло въ обычай, украшать діадимы золотомъ, а въ слѣдъ за тѣмъ и — драгоцѣнными камнями. Часто, золото составляло не украшеніе, а главный

---

[1] *Θειότατον καὶ τῶν ἐν ἡμῖν πάντων δεσποτοῦν.* Платонъ, въ Тимеѣ.

и почти единственный матеріалъ, изъ котораго дѣлались діадимы; присоединялись украшенія изъ жемчуга и дорогихъ камней. Чтобы уподобить царскія діадимы солнцу, начали къ прежней повязкѣ присовокуплять остроконечные зубцы или лучи, болѣе или менѣе продолговатые. Между тѣмъ какъ, при томъ и другомъ внѣшнемъ видѣ діадимы, верхняя часть головы оставалась обыкновенно открытою: нѣкоторые изъ древнихъ Персидскихъ Царей, а потомъ и Государи разныхъ другихъ странъ Азіи, и отчасти — Африки, носили такой головной уборъ, который, составляясь изъ соединенія діадимы, частію простой, частію лучистой, съ тіарою, митрою, или кидаромъ, закрывалъ собою голову, и возвышался надъ нею или въ полусферической формѣ, болѣе или менѣе продолженной и съуженной къ верху, или въ видѣ конуса, только не правильнаго и не полнаго, а сведеннаго къ верху тупымъ угломъ, или же усѣченнаго и оканчивавшагося продолговатыми зубцами, сходными съ лучами діадимы.

Изъ Римскихъ Императоровъ первый Юлій Цесарь постоянно, хотя скрытно, устремлялъ свои виды къ Царскому вѣнцу, какъ высшему и самому величественому украшенію Государей. Впрочемъ, разнорѣчіе древнихъ историковъ и несогласіе новѣйшихъ изслѣдователей древности дѣлаетъ весьма затруднительнымъ опредѣлительное рѣшеніе вопроса: который изъ Императоровъ началъ употреблять діадиму, какъ отличительный знакъ своей верховной власти. Болѣе опредѣленныя свидѣтельства указываютъ на Авреліана и разныхъ слѣдующихъ за нимъ Императоровъ. Что касается до изображеній на медаляхъ, монетахъ и другихъ, дошедшихъ до насъ, памятникахъ древности: то въ нихъ усматриваются діадимы, сдѣланныя частію изъ одного жемчуга, частію изъ золота съ драгоцѣнными камнями, частію же изъ соединенія всѣхъ этихъ матеріаловъ, а по формѣ своей, однѣ, имѣющія видъ простой повязки, другія же лучистыя; но тѣ и другія пре-

имущественно — на головахъ Императоровъ, правившихъ цѣлымъ государствомъ, или нѣкоторыми его частями, уже съ половины третьяго столѣтія по Р. Хр. Между тѣмъ и здѣсь, съ одной стороны, встрѣчаемъ такое разнообразіе, что одни и тѣ же Императоры представляются то въ діадимѣ одного, то другаго рода, какъ по матеріи, такъ и по формѣ, то въ лавровомъ вѣнкѣ, то безъ всякаго головнаго покрова, или украшенія, то съ шлемомъ на головѣ, а иногда съ покрываломъ на ней, похожимъ на обыкновенное женское; при чемъ на покрывалѣ видемъ иногда лавровый вѣнокъ, а на шлемѣ, или такой же вѣнокъ, или жемчужная діадима. Съ другой стороны, и такіе изъ числа предшествовавшихъ означенныхъ здѣсь Императоровъ, о которыхъ по исторіи вовсе не видно, чтобъ они носили діадиму, и даже нѣкоторыя лица, не бывшія ни Императорами, ни Цесарями, хотя принадлежавшія къ семейству Императоровъ, и могшія быть преемниками ихъ власти, если бы тому не воспрепятствовала преждевременная ихъ смерть, изображаются иногда на медаляхъ и монетахъ съ лучистою діадимою на головѣ.[1] За такимъ разнообразіемъ и историческихъ свидѣтельствъ, и указаній заимствуемыхъ изъ разныхъ памятниковъ древности, а также выводовъ, сдѣланныхъ, по сооб-

[1] См. *Caroli Du Fresne, d-ni Du Cange*, de Imperatorum Constantinopolitanorum.... numismatibus, dissert., въ 3-мъ томѣ его Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis. Lut. Par. 1678 fol. Historia Byzantina duplici commentario illustrata; prior familias ac stemmata Imperatorum Constantinopolitanorum.... complectitur.... auctore *Carolo du Fresne, d-no du Cange*. Lutet. Paris. 1680 fol. *Anselmi Banduri*, Numismata Imperatorum Romanorum a Trajano Decio ad Paleologos Augustos, etc. Lutet. Paris. 1718. tom. I. et II. fol. *Ezech. Spanhemii*, dissertationes de praestantia et usu numismatum antiquorum. Ed. nova. Lond. 1717. tom. I. et II.. fol. *I. Malliot*, Recherches sur les costumes, les moeurs, les usages religieux, civiles et militaires des anciens peuples, d'après les auteurs célebres et les monuments antiques et c. A Paris. 1809. tom. 1. 4-to.

раженію тѣхъ и другихъ, позднѣйшими писателями, касавшимися этого предмета,[1] остается ограничиться общимъ заключеніемъ, что обычай употребленія діадимы, какъ отличительнаго знака верховной власти, началъ утверждаться въ Римской Имперіи около половины третьяго столѣтія, и ни въ какомъ случаѣ не позже царствованія Имп. Авреліана, а со времени И. Константина Великаго сдѣлался постояннымъ и неизмѣннымъ.[2] Что касается до формы діадимъ и ихъ матеріи: то хотя на нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма немногихъ, медаляхъ Константина В. и ближайшихъ его преемниковъ, видна еще лучистая діадима, однакожъ, безъ сомнѣнія, по Христіанскому смиренію какъ этихъ, такъ и послѣдующихъ Императоровъ, она вскорѣ вовсе выходитъ изъ употребленія, замѣняясь діадимою, имѣющею видъ простой повязки, и сдѣланною изъ жемчуга, или украшенною драгоцѣнными камнями. Въ дальнѣйшее за тѣмъ время, съ діадимою почти всегда соединяется тіара.

---

[1] На прим., *Alexandri ab Alexandro*, Genialium dierum libri sex. Lugd. Batav. 1673. 8. tom. 1. *Caroli Paschalii*, Coronae. Lugd. Batav. 1601. 8. *Mart. Schmeizel*, Comment. histor. de coronis etc. Ienae. 1713. 4-to. И др.

[2] С. Авр. Викторъ, въ XXXV главѣ соч. De vita et mor. Imper. Roman. говоритъ объ Авреліанѣ: Iste primus apud Romanos diadema capiti innexuit, gemmisque et aurata omni veste, quod adhuc incognitum Romanis moribus videbatur, usus est; а въ XLI главѣ о Константинѣ В:.... Habitum regium gemmis et caput exornans perpetuo diademate. Между тѣмъ уже Діоклеціанъ, избравъ для своего постояннаго пребыванія одинъ изъ городовъ Малой Азіи, Никомидію, и введши при своемъ дворѣ всѣ обряды внѣшняго великолѣпія, окружавшаго могущественнѣйшихъ изъ прежнихъ Азіатскихъ Государей, вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ и Царскую діадиму для всегдашняго употребленія. Въ приведенныхъ же выше нумизматическихъ сочиненіяхъ не видно почти ни одного Императора, со времени Траяна Декія, носившаго это званіе съ 249 до 251 года, который бы не былъ изображенъ, на нѣсколькихъ медаляхъ или монетахъ, или покрайней мѣрѣ на одной изъ нихъ, съ лучистою діадимою на головѣ.

чтобы сообщить и этому важнѣйшему украшенію Царскаго сана высшее освященіе, заимствованное отъ Божественной Христіанской Религіи, преемники Константина Великаго начали присовокуплять къ прежнимъ составнымъ частямъ его крестъ, который помѣщался или надъ переднею, лицевою стороною діадимы; что и не могло быть иначе въ томъ случаѣ, когда съ діадимою не соединилась тіара [1], или же на самой вершинѣ тіары, возвышаясь въ этомъ случаѣ надъ срединою головы, и осѣняя собою царскій вѣнецъ, составленный изъ сложенія діадимы съ тіарою [2]. Впрочемъ иногда и при соединеніи тіары съ діадимою крестъ утверждался въ передней или лицевой ея части. Кто первый изъ Императоровъ водрузилъ изображеніе креста на своей діадимѣ или тіарѣ, за недостаткомъ историческихъ свидѣтельствъ опредѣлить не возможно; на древнихъ же медаляхъ и монетахъ, въ первый разъ видимъ это изображеніе у знаменитаго своими законодательными трудами И. Юстиніана, и притомъ въ обоихъ описанныхъ положеніяхъ: на передней сторонѣ діадимы, надъ челомъ и лицемъ, въ одной медали, и на тіарѣ, надъ вершиною головы, въ другой. Но что Юстиніанъ далеко не первый изъ Императоровъ началъ украшать свою діадиму и тіару крестомъ: это должно заключать изъ изображенія, на другихъ медаляхъ, Императрицъ: Эліи Евдокіи, супруги И. Өеодосія Младшаго съ 414 года по Р. Х., и Лициніи Евдокіи, супруги Плацидія Валентиніана III, съ крестомъ надъ лучистыми діадимами, украшающими ихъ головы; такъ какъ нѣтъ основанія допускать, чтобы супруги Императоровъ начали прежде ихъ

---

[1] См. въ рисункахъ, у Дюканжа, и Бандури, нѣкоторыя изображенія Имп. Юстиніана, Фоки, Ираклія.

[2] Это можно видѣть въ нѣкоторыхъ изображеніяхъ Императоровъ, царствовавшихъ въ VI столѣтіи, чаще въ VII, и въ самой большей части изображеній, начиная съ VIII столѣтія, до конца Имперіи.

самихъ присоединять крестъ къ своей діадимѣ, а скорѣе можно предполагать противное. Если, сверхъ этого, примемъ въ соображеніе еще то обстоятельство, что уже съ самыхъ временъ Константина В., частію крестъ, частію же монограмма имени Іисуса Христа, усматриваются то на шлемѣ Императора (самаго Константина), то на военныхъ знаменахъ или хоругвяхъ, держимыхъ или самими Императорами, или воинами, изображенными на оборотахъ ихъ медалей, то въ рукахъ Императоровъ, или на щитахъ, держимыхъ ихъ рукою, и такъ далѣе: то можемъ съ вѣроятностію отнести начало украшенія крестомъ Императорскихъ діадимъ или коронъ къ тому же вѣку (IV-му по Р. Хр.), въ которомъ Христіанская Вѣра явно, и въ лицѣ самихъ Императоровъ, восторжествовала надъ язычествомъ. Наконецъ въ числѣ составныхъ частей Императорскихъ вѣнцевъ можно замѣтить небольшой цѣлый шаръ, или же полушаріе, на которомъ утверждался иногда осѣняющій ихъ крестъ; такъ какъ и въ діадимахъ, украшенныхъ этимъ Христіанскимъ знаменіемъ, подъ нимъ изображалось иногда подобіе шара, сдѣланное изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней.

Впрочемъ, независимо отъ этого помѣщенія въ діадимѣ или надъ тіарою, подъ крестомъ, шаръ занимаетъ несравненно болѣе видное мѣсто въ числѣ внѣшнихъ принадлежностей царскаго достоинства, и имѣетъ гораздо важнѣйшее значеніе, какъ особый самостоятельный знакъ верховной власти. Изъ числа древнихъ Государей, этотъ знакъ обыкновенно усвояется однимъ Римскимъ Императорамъ; — хотя, сколько можно судить по нѣкоторымъ указаніямъ позднѣйшихъ временъ, онъ могъ быть употребляемъ, въ числѣ другихъ знаковъ верховной власти, уже древними Персидскими Царями.[1] Во всякомъ случаѣ, первоначальное зна-

---

[1] Исидоръ, Еписк. Испалійскій, въ привед. выше соч., въ той же 3-й главѣ 18-й книги, относитъ первое употребленіе шара, какъ знака верховной

ченіе его, какъ символа владычества надъ цѣлымъ свѣтомъ, или земнымъ шаромъ (orbis terrarum), приличествуетъ Римскимъ Императорамъ болѣе, нежели какимъ либо другимъ Государямъ древняго міра; такъ какъ и въ надписяхъ на медаляхъ и другихъ изображеніяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ читаются выраженія: Rector orbis; или, Dominus mundi; — хотя во всѣхъ этихъ словахъ видно болѣе гордости и надменности такъ называемыхъ повелителей цѣлаго свѣта, нежели дѣйствительной правды и положительной точности. Августу приписывается и первое распоряженіе о томъ, чтобы шаръ, какъ знакъ обладанія надъ цѣлымъ свѣтомъ, былъ помѣщаемъ на монетахъ, въ числѣ другихъ символовъ Императорской власти; и дѣйствительно онъ усматривается уже въ изображеніяхъ нѣкоторыхъ Императоровъ I и II столѣтія по Р. Хр., — хотя чаще видимъ его въ рукахъ Императоровъ, владычествовавшихъ во 2-й половинѣ третьяго столѣтія, и въ дальнѣйшее за тѣмъ время. Часто на этомъ шарѣ помѣщается статуя Побѣды, въ видѣ крылатой женщины, обращенной лицемъ къ Императору, и простирающей къ нему обѣ руки съ держимымъ въ нихъ лавровымъ вѣнкомъ, или только одну, тогда какъ въ другой она держитъ пальмовую вѣтвь. При одномъ изъ первыхъ Христіанскихъ Императоровъ, и на этомъ символѣ верховной власти водруженъ побѣдоносный Крестъ, въ замѣнъ языческаго изображенія Викторіи; но кому принадлежитъ первое о томъ распоряженіе, на то историческихъ свидѣтельствъ также не встрѣчается; а если судить по однимъ изображеніямъ на медаляхъ, то первый изъ Императоровъ, на оборотѣ одной медали котораго видѣнъ

власти, къ Августу Цесарю: pilam in signo (по друг. чтенію: in signa) constituisse fertur Augustus, propter nationes sibi in cuncto orbe subjectas, ut magis figuram orbis ostenderet. Но въ описаніи нѣкоторыхъ путешествій по Азіи, предпринятыхъ въ XVII столѣтіи, упоминается о видѣнныхъ путешественниками въ развалинахъ Персеполя изображеніяхъ древнихъ Персидскихъ Царей съ скипетромъ въ одной, и шаромъ въ другой рукѣ.

воинъ, держащій въ рукѣ шаръ съ поставленнымъ на верху его крестомъ, есть Ѳеодосій Великій, ознаменовавшій свое царствованіе, сверхъ другихъ, полезныхъ Христіанской Церкви и государству подвиговъ, устраненіемъ многихъ, существовавшихъ еще до того времени, предметовъ идолопоклонства. [1] Впрочемъ, и при этомъ Государѣ, и въ продолженіи долгаго времени послѣ него, на шарѣ изображалась по прежнему языческая Викторія, хотя и при немъ, и при разныхъ другихъ Императорахъ, частію уже прежде его, именно, при сыновьяхъ Константина В., при Іовіанѣ и Валентиніанѣ I, частію же въ послѣдующее время, какъ на прим., при Львѣ, Анастасіѣ, Юстинѣ, Юстиніанѣ, вводилось мало по малу соединеніе языческаго символа съ Христіанскимъ, или такъ, что на оборотѣ медали или монеты, лицевая сторона которой представляетъ самаго Императора, изображалась крылатая Викторія съ лавровымъ вѣнкомъ въ одной, и съ шаромъ, осѣняемымъ крестомъ, въ другой рукѣ, или такъ, что тамъ изображался воинъ, держащій въ одной рукѣ крестъ, или хоругвь съ монограммою имени І. Христа, а въ другой шаръ съ статуею Викторіи. Наконецъ однакожъ Крестъ вытѣснилъ совершенно языческую Викторію; и, осѣняемый этимъ священнымъ знаменіемъ побѣды надъ врагами Христіанства, державный шаръ остался въ числѣ знаковъ верховной власти при дальнѣйшихъ Государяхъ Римской Восточной, или Греческой Имперіи, изъ коихъ многіе, начиная съ

---

[1] Въ числѣ другихъ медалей и монетъ, которыхъ изображенія находятся у Дюканжа и Бандури, есть одна, усвояемая первымъ Валентиніану, правившему Западными областями Имперіи прежде, нежели Ѳеодосій достигъ Императорскаго достоинства, и имѣющая въ оборотной своей сторонѣ изображеніе воина, держащаго въ рукѣ также шаръ, на которомъ водруженъ крестъ; но Бандури считаетъ эту медаль неправильно усвоенною Дюканжемъ Валентиніану I, и относитъ ее къ Плацидію Валентиніану III.

Юстиніана, изображаются сами держащими въ рукѣ этотъ символъ земныхъ Владыкъ, подчиняющихъ себя владычеству Царя Небеснаго.

Самая одежда Царская,—разумѣя здѣсь преимущественно тѣ составныя части ея, которыя носятся поверхъ другихъ,—всегда отличалась и особеннымъ богатствомъ, пышностію, великолѣпіемъ матеріаловъ, изъ которыхъ она дѣлалась, и особенною формою, и особыми благороднѣйшими и прекраснѣйшими цвѣтами или красками. Сколько пышность и великолѣпіе царскихъ одеждъ возвышались употребленіемъ шелка, можно заключить изъ того, что шелковыя ткани были очень рѣдки въ древнія времена, особенно въ Европѣ, гдѣ онѣ, даже въ тогдашней всемірной столицѣ, сдѣлались извѣстны только во времена Октавія Августа, и, долгое время еще послѣ того, покупались на вѣсъ золота.

Что касается до отличія царскихъ одеждъ отъ прочихъ по особенному ихъ цвѣту: то багряный или пурпуровый цвѣтъ въ древнія времена былъ всеобщимъ и существеннымъ признакомъ верхняго Царскаго одѣянія. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ древнихъ государствахъ для той же царской одежды употреблялись отчасти другіе цвѣта; также были примѣры соединенія нѣсколькихъ подобныхъ цвѣтовъ на одной и той же одеждѣ. Наиболѣе же содѣйствовало къ увеличенію блеска и великолѣпія царскихъ одѣяній употребленіе золотыхъ и серебряныхъ тканей и украшеніе ихъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, издревле обычное на Востокѣ, и оттуда перенесенное въ Римскую Имперію почти въ одно время въ другими отличіями царскаго достоинства.[1]

---

[1] См. Авр. Виктора и другихъ Римскихъ историковъ.

Такія украшенія иногда нашивались на самыя одежды, какъ это можно заключать уже изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ древними историками о тѣхъ Римскихъ Императорахъ, которые, подражая древнимъ Восточнымъ царямъ, дѣлали первые опыты употребленія пышныхъ и великолѣпныхъ одеждъ, не бывшаго дотолѣ въ Римскихъ обычаяхъ. [1] При позднѣйшихъ Греческихъ Императорахъ, изъ числа верхнихъ одѣяній, употребляемыхъ при вѣнчаніи на царство и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ, въ особенности богато украшался далматикъ, названный такъ по имени страны, изъ которой онъ заимствованъ, и имѣвшій видъ туники, только довольно широкой и съ широкими рукавами, а въ размѣрѣ длины оканчивавшійся нѣсколько ниже колѣнъ. Весь верхній край этого одѣянія, какъ сзади, на плечахъ и между ними, такъ и спереди, на груди, за тѣмъ, довольно широкая полоса на срединѣ передней его части, отъ груди до подола, равно какъ и самый подолъ, и наконецъ, края рукавовъ, вышивались золотомъ, унизывались жемчугомъ и усаживались по мѣстамъ драгоцѣнными камнями. [2] А иногда, вмѣсто того, или же сверхъ того, плеча и грудь покрывались особою короткою, вообще не далѣе половины опущенной руки нисходящею, накидкою, которая называлась нараминцею или оплечьемъ, а у позднѣйшихъ Греческихъ Историковъ, описывавшихъ обрядъ вѣнчанія на царство Греческихъ Императоровъ, означалась наименованіемъ діадимы, [3] подъ которымъ, равно какъ

---

[1] Ср. *Авр. Виктора*, *Геродіана* и другихъ писателей Римской Исторіи.

[2] Ср. послѣдніе рисунки въ 1-й части Дюканжевой Византійской Исторіи, а также во II томѣ упомянутаго выше сочиненія *Бандури*, и под. рисунки у *Малью* въ I томѣ.

[3] Ср. на прим., описаніе вѣнчанія Андроника младшаго и другихъ Императоровъ, у Іоанна Кантакузена въ его Исторіи, кн. I. гл. 41. *Ἰωάννου τοῦ Καντακουζηνοῦ ἀποβασιλέως ἱστοριῶν βιβλία δ.* Parisiis. 1645 fol. pag. 122, 123, 125. Вѣнецъ называется здѣсь *στέφανος* и *στέμμα*.

подъ соотвѣтствующимъ ему названіемъ бармъ, она извѣстна и въ нашемъ отечествѣ. Будучи накладываема поверхъ всѣхъ другихъ частей Царскаго одѣянія, эта часть его покрывалась богатѣйшими украшеніями изъ золота, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней. Такое оплечье издавна было въ употребленіи Царей на Востокѣ; и мы видимъ въ числѣ другихъ знаковъ царскаго достоинства, отличавшихъ уже перваго Еврейскаго Царя, Саула, нарамницу, которую Амалекитянинъ, ускорившій смерть его, принесъ къ Давиду вмѣстѣ съ вѣнцемъ Сауловымъ.[1] У нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ Греческихъ Императоровъ, сверхъ сказанныхъ украшеній, на оплечьяхъ или бармахъ помѣщались изображенія Святыхъ; что, въ послѣдствіи времени, и послужило поводомъ къ усвоенію этой части Царскаго одѣянія особеннаго, высшаго качества Святыни, въ религіозномъ значеніи этого слова. Особыя оплечья были въ числѣ другихъ принадлежностей Царской одежды и у Государей Западной Европы: какъ то показываютъ дошедшія до насъ изображенія ихъ, частію уже начиная съ И. Карла В., но особенно въ болѣе отдаленныхъ отъ времени царствованія его столѣтіяхъ. Только тамъ они дѣлались большею частію изъ горностаеваго мѣха, въ особенности усвоеннаго верхнимъ частямъ Царской одежды, — хотя въ нѣкоторыхъ изображеніяхъ можно видѣть оплечья и не мѣховыя, а сдѣланныя изъ матерій подобныхъ тѣмъ, какія вообще употреблялись тамъ для Царскихъ одѣяній.[2]

Наконецъ, къ числу древнѣйшихъ, и повсемѣстно употребительныхъ, внѣшнихъ принадлежностей Царскаго сана должно быть отнесено особое мѣсто, на которомъ возсѣдали Цари, когда они торжественно являлись или своимъ подданнымъ творящими судъ,

---

[1] 2 Царствъ 1. 10.

[2] Ср. *Malliot*, Recherches etc. т. III, въ разныхъ рисункахъ и въ принадлежащихъ къ нимъ мѣстахъ текста.

правду и милость, или посламъ иноземнымъ, приходившимъ къ нимъ по уполномочію и съ порученіями своихъ Государей. Это сѣдалище превосходитъ всѣ другія, обыкновенныя, и особымъ своимъ устройствомъ, которое выражается въ самомъ названіи «престола», усвояемымъ ему въ нашемъ отечественномъ языкѣ, и особымъ возвышеніемъ, на которомъ оно поставляется, въ ознаменованіе того, что Государь, съ высоты своего Царственнаго положенія, недоступной ни для одного изъ его подданныхъ, долженъ обнимать своимъ взоромъ цѣлое государство, какъ Верховный его Правитель. Надъ этимъ возвышеннымъ Царскимъ сѣдалищемъ воздвигается особый величественный кровъ, въ ознаменованіе высшаго божественнаго огражденія и покровительства Небеснаго, необходимаго Государямъ для устроенія блага подданныхъ; а надъ всѣми прочими составными его частями и украшеніями, въ чертогахъ Царей Христіанскихъ, возвышается тотъ же побѣдоносный для Царей, и спасительный для ихъ подданныхъ Крестъ, который служитъ превосходнѣйшимъ украшеніемъ и высшимъ освященіемъ для всѣхъ отличительныхъ знаковъ Царскаго достоинства.

Чтобы привлечь къ себѣ это Небесное покровительство и принять свыше божественное благословеніе и укрѣпленіе на великій и тяжкій подвигъ верховнаго правленія государствомъ, Цари земные возсылаютъ, вмѣстѣ съ своими подданными, особое торжественное моленіе къ Вышнему, Небесному Царю, поставляющему Царей [1] и въ тоже время торжественно облекаются въ священное царственное одѣяніе, возлагая на себя одни, и принимая въ свои державныя руки другіе знаки Царскаго достоинства. Необходимость такого особаго молитвословія и восприятія этихъ видимыхъ, символическихъ орудій вер-

---

[1] Паралип. XXIX. 11. Дак. II. 21. IV. 14, 22, 29.

ховной правительственной дѣятельности была всегда сознаваема какъ древними, такъ и позднѣйшими народами и ихъ Государями; и потому у всѣхъ ихъ существовали опредѣленные, болѣе или менѣе сложные и торжественные обряды для этого дѣйствія, совершаемые обыкновенно при посредствѣ служителей вѣры. Мы не будемъ входить здѣсь въ описаніе такихъ обрядовъ, существовавшихъ у древнѣйшихъ народовъ, какъ то: у Китайцевъ, Индійцевъ, Персовъ, Египтянъ, древнихъ Грековъ и Римлянъ, потому что они не представляютъ въ себѣ чего либо, особенно поучительнаго для новыхъ Христіанскихъ народовъ, и сверхъ того, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ обрядовъ безобразно смѣшивается жертвоприношеніе богамъ съ обожаніемъ самихъ царей. Всѣмъ имъ, какъ основаннымъ на ложномъ богопочитаніи, недостаетъ того свѣта истины, котораго единственный чистый источникъ для древняго міра заключался въ откровенномъ ученіи вѣры. Въ первый разъ священнодѣйствіе помазанія на царство встрѣчаемъ мы въ Исторіи Еврейскаго народа. Изліяніе елея, или помазаніе имъ, могло бы уже само по себѣ имѣть важное значеніе, какъ символическое изображеніе умащенія тѣла, для укрѣпленія тѣлесныхъ силъ на предстоящій Царю правительственный подвигъ,—подобно тому, какъ древніе борцы укрѣпляли себя этимъ средствомъ предъ вступленіемъ своимъ на поприще для состязанія въ превосходствѣ тѣлесной силы. Но въ Царяхъ по сердцу Божію дѣйствіе помазанія было безконечно выше и благотворнѣе: на нихъ нисходилъ Духъ Господень, Который, почіяя надъ ними постоянно, доколѣ Богъ не отвращалъ отъ нихъ лица за тяжкія вины, претворялъ все духовное ихъ существо, давалъ имъ разумъ и премудрость,—ту высшую, божественную премудрость, которою Царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду, [1] открывалъ сокро-

---

[1] Притч. VIII. 15.

венныя судьбы Божіи о царствахъ и народахъ; научалъ судить людей своихъ въ правдѣ и непогрѣшительно различать добро отъ зла; оружію ихъ сообщалъ силу избавлять народъ свой отъ угнетавшихъ его враговъ иноплеменныхъ; и обращая всякое начинаніе ихъ ко благу правимаго ими народа, самихъ ихъ превращалъ изъ обыкновенныхъ людей въ Пророковъ—Наздателей и утвердителей Царствъ, ввѣренныхъ имъ для верховнаго управленія.[1] Столь могущественное и многознаменательное по своимъ дѣйствіямъ помазаніе, сопровождавшееся возложеніемъ царскаго вѣнца, посажденіемъ на престолѣ, молитвословіемъ и нѣкоторыми другими принадлежностями,[2] уже во времена Ветхозавѣтной Церкви не ограничивалось исключительно Царями народа Еврейскаго, но, для исполненія относящихся къ нему опредѣленій Промысла, усвоялось иногда тѣмъ Царямъ народовъ иноплеменныхъ, которыхъ Богъ избиралъ орудіями своихъ неисповѣдимыхъ судебъ.[3] По упраздненіи же другихъ Ветхозавѣтныхъ обрядовъ, это священнодѣйствіе тѣмъ удобнѣе могло быть принято въ Новозавѣтную Церковь Христіанскую, что всѣ главныя основанія ученія этой Церкви о происхожденіи верховной правительственной власти отъ Бога, о обязанности безусловнаго повиновенія ей со стороны подданныхъ, о благоговѣйномъ уваженіи къ священной особѣ Государей, о неприкосновенности лицъ, законно облеченныхъ верховною властію, и подобныя, возможно твердое внушеніе которыхъ составляетъ одну изъ внѣшнихъ, такъ сказать, цѣлей этого высокаго священнодѣйствія, равно

---

[1] 1 Царствъ X. 1, 6, 9 — 13. XI. 11, 13, XIII, 13, 14. XVI. 13. XVIII. 14, 28. XIX, 23, 24. 3. Царствъ, III. 9, 11, 12. IV. 32 — 34. X. 7, 23, 24. 2 Паралип. I. 10—12. IX. 5, 6, 23. Дан. II. 21. 1 Кор. XIV. 3.

[2] См. 4 Царствъ XI. 12, 14, 19. 2 Паралип. XXIII. 11. Ср. 3 Царствъ I. 34, 35, 39, 40. 1 Паралип. XXIX. 22, 23.

[3] Ср. 3 Царствъ XIX. 15. 4 Царствъ VIII. 7—13. Исаіи XLV. 1, 4, 13.

какъ и начала нравственнаго ученія о обязанностяхъ Государей по отношенію къ подданнымъ, сознаніе которыхъ не можетъ не возбуждаться самымъ живымъ и дѣйствительнымъ образомъ въ душѣ лица, приступающаго къ этому священнодѣйствію, были уже развиты съ достаточною полнотою, ясностію и опредѣленностію въ Богодухновенныхъ писаніяхъ Ветхаго Завѣта.

Когда Христіанская Церковь, послѣ претерпѣнныхъ гоненій, умирена была извнѣ: тогда въ числѣ другихъ Богослуженій установлено было и таинственное священнодѣйствіе, которое имѣетъ цѣлію низвести небесную помощь и благословеніе на Государя, приступающаго къ подвигу верховнаго правленія государствомъ. По перенесеніи столицы тогдашней всемірной Имперіи изъ Рима въ Константинополь, и раздѣленіи самой Имперіи на Восточную и Западную, постепенное образованіе разныхъ Церковныхъ установленій могло совершаться преимущественно въ Восточной или Греческой Имперіи; а потому здѣсь надлежитъ искать и первыхъ примѣровъ вѣнчанія и помазанія Христіанскихъ Царей на царство. Но недостатокъ точныхъ историческихъ свидѣтельствъ не позволяетъ намъ сдѣлать опредѣленнаго заключенія по этому предмету относительно цѣлаго ряда первыхъ Христіанскихъ Императоровъ, начиная отъ Константина В. Равноапостольнаго, и продолжая до И. Льва, которому усвояется равномѣрно названіе Великаго. Только объ этомъ послѣднемъ Государѣ достовѣрно извѣстно, что, бывъ провозглашенъ Императоромъ при совокупномъ участіи въ томъ Сената, народа и войска, онъ былъ вѣнчанъ на царство въ 457 году по Р. Хр. Патріархомъ Анатоліемъ, который возложилъ діадиму на его голову. Между тѣмъ, подробности этого вѣнчанія, равно какъ вѣнчанія разныхъ послѣдующихъ Императоровъ, не довольно извѣстны, потому что полныя описанія этого обряда относятся уже къ гораздо позднѣйшимъ временамъ; изъ ближайшихъ столѣтій имѣются только отдѣльныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ, присо-

вокуплявшихся мало по малу къ первоначальному, безъ сомнѣнія болѣе краткому и немногосложному обряду. Таково, на примѣръ, свѣдѣніе о письменномъ изложеніи исповѣданія Православной Вѣры, которое Императоры предъ началомъ вѣнчанія, вручали за собственноручнымъ подписаніемъ Патріарху, долженствовавшему совершить обрядъ вѣнчанія, и котораго начало относится къ вѣнчанію И. Анастасія Патріархомъ Евѳиміемъ въ 491 году. [1] Хотя же и полнѣйшія описанія обряда вѣнчанія на царство Греческихъ Императоровъ, которыя относятся къ XIV столѣтію, [2] и изъ которыхъ одно принадлежитъ нашему соотечественнику, бывшему спутникомъ Митрополита Пимена въ послѣдней поѣздкѣ его въ Грецію, и очевидцемъ вѣнчанія И. Мануила II въ 1391 году, [3] не во всѣхъ подробностяхъ изображаемыхъ ими дѣйствій согласны между собою; однакожъ, по общему ихъ соображенію, можно за главныя и существенныя дѣйствія этого торжественнаго обряда принять: облеченіе Императора въ порфиру, и діадиму, возложеніе на голову его вѣнца, принятіе въ одну руку креста, а въ другую скипетра, посажденіе на престолѣ, мурономазаніе, и пріобщеніе Св. Таинъ въ

---

[1] Ср. Ioannis Zonarae Annales, tom. III. Imperium Anastasii Dicori. Въ Corpus Historiae Byzantinae. Francof. ad Moenum. 1574. fol. на л. 126. Подобныя свидѣтельства частію объ этомъ, частію о другихъ Императорахъ, находятся у Евагрія, Ѳеофанія, Никиты Хоніата и др.

[2] Изъ Греческихъ писателей здѣсь долженъ быть поименованъ Георгій Кодинъ, который жилъ послѣ Кантакузина и писалъ о должностяхъ придворныхъ и церковныхъ, но который перенесъ въ свое сочиненіе Кантакузиново описаніе обряда вѣнчанія Греч. Императоровъ почти отъ слова до слова.

[3] Дѣйство, како вѣнчанъ бысть царь Мануилъ Греческій на царство, въ Опытѣ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при И. Московскомъ Университетѣ, ч. I. Москва. 1774. Ср. Карамзина, Исторія Госуд. Россійск. томъ V, примѣч. 133.

олтарѣ, по образу священнослужителей. Все это сопровождалось возглашеніемъ приличныхъ совершаемому священнодѣйствію молитвъ и священными пѣснопѣніями, назидательною рѣчью Патріарха, обращенною къ вѣнчанному и помазанному Императору, обычными привѣтствіями духовныхъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, и восклицаніями народа. Изъ числа предметовъ и дѣйствій, не включенныхъ въ это общее означеніе излагаемаго обряда, можно замѣтить упомянутое нашимъ соотечественникомъ, и умолчанное Греческими писателями, возложеніе Патріархомъ креста на Императора, которое предшествовало возложенію на его голову принесеннаго изъ алтаря вѣнца, и которое въ послѣдствіи времени встрѣчается въ древнихъ чинахъ вѣнчанія нашихъ Царей, и наоборотъ, опущенное первымъ и приводимое послѣдними, поднятіе Императора на щитъ, въ виду народа, которое впрочемъ, по свидѣтельству однихъ писателей, совершалось въ особомъ церковномъ притворѣ, а по сказанію другихъ, во дворцѣ, предъ выходомъ Императора въ соборную Церковь,[1] но которое во всякомъ случаѣ предшествовало всѣмъ другимъ, означеннымъ здѣсь дѣйствіямъ и сопровождалось громогласными восклицаніями народа, и которое живо напоминаетъ собою гибельную для государства зависимость избранія и большей части первыхъ Римскихъ, и многихъ послѣдующихъ Греческихъ Императоровъ отъ буйной силы и необузданнаго произвола воинскихъ полчищъ и ихъ предводителей. Наконецъ, ни въ одномъ изъ описаній обряда вѣнчанія этихъ Императоровъ не говорится о державѣ или о державномъ шарѣ, тогда какъ на большей части упомянутыхъ выше древнихъ изображеній Христіанскихъ Императоровъ, въ одной рукѣ ихъ виденъ этотъ шаръ, обыкновенно съ возвышающимся надъ нимъ крестомъ;

---

[1] См. въ привед. выше Исторіи І. Кантакузина, на с. 121 и 122.

а въ другой крестъ, чаще всего съ продолговатымъ, опертымъ на землю, нижнимъ концемъ, или, вмѣсто него, церковная хоругвь, и только весьма рѣдко, жезлъ или скипетръ.

Супруги Императоровъ были также удостоиваемы высокой почести вѣнчанія царскимъ вѣнцемъ, который возлагаемъ былъ на ихъ голову самими Императорами; какъ то видно частію изъ нѣкоторыхъ описаній вѣнчанія на царство самихъ Императоровъ, частію же изъ отдѣльныхъ историческихъ свидѣтельствъ, относящихся къ разнымъ Императрицамъ; а также изъ того, уже замѣченнаго отчасти выше обстоятельства, что въ изображеніяхъ Государей и другихъ лицъ древняго міра, видны супруги Христіанскихъ Императоровъ въ діадимахъ или вѣнцахъ, украшенныхъ возвышающимся надъ ними крестомъ, гораздо ранѣе, нежели Императоры, и именно еще въ тотъ періодъ времени, для котораго недостаетъ намъ довольно точныхъ и опредѣленныхъ историческихъ свѣдѣній о вѣнчаніи самихъ Императоровъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Императоры вступали въ бракъ послѣ собственнаго вѣнчанія на царство, они обыкновенно вѣнчали своихъ супругъ при самомъ совершеніи брака.[1] Во всякомъ случаѣ, столь высокая почесть соотвѣтствовала значительному участію, которое Греческія Императрицы не рѣдко принимали въ дѣлахъ государственнаго управленія, частію какъ сотрудницы своихъ супруговъ, частію же какъ правительницы Имперіи во время малолѣтства преемниковъ престола и въ особыхъ случаяхъ временнаго его упраздненія; при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ оказали важныя услуги государству въ особенно затруднительныхъ случаяхъ, и

---

[1] Ср. полныя описанія Императорскихъ вѣнчаній составленныя Греческими писателями и нашимъ соотечественникомъ; а также въ Лѣтописяхъ Зонары, томъ III. царствованіе Имп. Юстиніана II, на листѣ 136, Ѳеофила, на л. 146, Льва Философа, на листѣ 154, по привед. выше изданію.

Православной Церкви, когда она была волнуема ложными ученіями, которыя иногда были поддерживаемы самими неправомыслящими Императорами. Довольно привести на память знаменитыя въ Исторіи Христіанской Церкви имена Императрицъ Ирины и Ѳеодоры, возстановительницъ иконопочитанія, которое подвергалось гоненію со стороны большей части Императоровъ, царствовавшихъ съ воцаренія Льва III Исавряннна до смерти Ѳеофила, супруга Ѳеодоры. Наконецъ, въ Греческой Имперіи встрѣчаются примѣры вѣнчанія Императорскихъ сыновъ, или другихъ родственниковъ, или даже не принадлежащихъ къ Императорскому дому по кровной связи лицъ, когда царствующіе Императоры принимали ихъ въ соправители Имперіи, или имѣли въ виду обезпечить и утвердить за ними престолонаслѣдіе посредствомъ этого священнаго и торжественнаго дѣйствія. [1]

Изъ Греческой Имперіи употребленіе отличительныхъ знаковъ царскаго достоинства, равно какъ и самый обрядъ помазанія и вѣнчанія на царство перешли въ Западную Европу. Императоры Византійскіе, въ числѣ другихъ способовъ пріобрѣтенія себѣ добраго и миролюбнаго расположенія предводителей разныхъ варварскихъ народовъ, сообщали имъ титулы сперва Консуловъ и Патриціевъ, а потомъ и Королей, и препровождали къ нимъ вѣнцы, порфиры и другія принадлежности царскаго сана. Этотъ переходъ совершался не всегда непосредственно, но отчасти чрезъ

Ср. Лѣтописей I. *Зонары* томъ III, листы 136, 142, 151, 153, 156, 158, о вѣнчаніи Императорами: Юстиніаномъ II, Никифоромъ, Василіемъ Македонияниномъ, Львомъ Философомъ, Романомъ Лакапиномъ и Константиномъ Порфиродными сыновъ своихъ, иногда въ самомъ раннемъ возрастѣ ихъ жизни и при самомъ началѣ своего царствованія, а также о вѣнчаніи II. Михаиломъ III чуждаго себѣ по родству Василія Македонянина. *Niceph. Gregorae*, Romanae, hoc est, Byzantinae Historiae lib. IV et VI: о подобныхъ дѣйствіяхъ Имп. Михаила и Андроника Палеологовъ; въ Corp. Hist. Byzant. на лист. 15 и 22; и т. д.

посредство Западной Римской Имперіи, при содѣйствіи единой еще тогда и нераздѣльной Христіанской Церкви. Въ этихъ странахъ, самая значительныя доля участія въ постепенномъ образованіи всего, что принадлежитъ къ разсматриваемому нами предмету, должна быть усвоена новой Имперіи Карла Великаго, которая, по раздробленіи, сосредоточилась преимущественно въ странахъ древней Германіи. Публицисты ея всегда смотрѣли на нее не иначе, какъ на продолженіе Священной Римской Имперіи. Этотъ особый, оффиціальный взглядъ не остался безъ вліянія и на употребленіе отличительныхъ знаковъ верховной власти въ такихъ важныхъ торжественныхъ дѣйствіяхъ, каково, на примѣръ, коронованіе и мѵропомазаніе Христіанскихъ Государей. Извѣстно, что средневѣковые Германскіе публицисты изобрѣли теорію двухъ высшихъ, безусловныхъ властей, духовной и мірской, которымъ они усвоили обладаніе надъ цѣлымъ Христіанскимъ міромъ, или даже надъ цѣлымъ земнымъ шаромъ, какъ долженствующимъ ранѣе или позже принять ученіе Христіанской Вѣры, и изъ которыхъ послѣдняя, по ихъ ученію, принадлежала Римско-Германскому Императору.[1] По этому, если Греческіе Императоры, можетъ быть, въ слѣдствіе неизбѣжнаго сознанія безпрестанно уменьшавшагося объема Восточной Имперіи, особенно въ послѣднія столѣтія ея существованія, не включали изображенія земли въ видѣ шара въ число другихъ знаковъ верховной власти, употребляемыхъ ими при вѣнчаніи на царство, — какъ это можно заключать изъ умолчанія объ немъ въ самыхъ полныхъ описаніяхъ обряда этого вѣнчанія: то напротивъ, въ Римско-Германской Имперіи, въ соотвѣтственность съ изъясненнымъ ученіемъ о двухъ всемірныхъ властяхъ, это изображеніе сдѣлалось однимъ изъ главнѣйшихъ и существенныхъ внѣшнихъ

---

[1] Sachsenspiegel, часть I-я; Landrecht, кн. I. стат. 1. Schwabenspiegel, предисл. къ I-й части, стат. 9 и 10.

знаковъ верховной власти, или регалій, и такою принадлежностію Императорскаго коронованія, которая занимала одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ между всѣми прочими. Сверхъ того, въ число принадлежностей обряда вѣнчанія частію Императоровъ, частію Королей, приняты нѣкоторые другіе предметы, кромѣ означенныхъ выше въ обрядѣ вѣнчанія Греческихъ Императоровъ; какъ то: мечь, — обыкновенно какого нибудь знаменитаго Государя прежнихъ временъ, или другаго лица, заслужившаго своими подвигами особенное уваженіе: Карла В. и Св. Мавриція въ Германской Имперіи, Эдуарда въ Англіи, Стефана въ Венгріи, и т. дал.; перстень; т. н. рука правосудія, долгое время замѣнявшая державу во Франціи; разные особые виды или составныя части одежды, и въ числѣ ихъ, у Германскихъ Императоровъ, далматикъ, вышитый, по мѣстамъ, золотомъ и жемчугомъ; и даже нѣкоторыя принадлежности обуви. Самое коронованіе совершаемо было нѣкоторыми Государями Западной Европы, соединявшими подъ своею державою нѣсколько государствъ, неоднократно. Такъ, на примѣръ, Римско-Германскіе Императоры, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, считали необходимымъ короноваться троекратно: прежде всего, собственно Германскою короною, сперва въ Ахенѣ, послѣ въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, и преимущественно въ томъ городѣ, гдѣ происходило ихъ избраніе, за которымъ обыкновенно и слѣдовало это коронованіе или непосредственно, или въ самомъ непродолжительномъ времени; за тѣмъ, такъ называемою желѣзною Ломбардскою короною, — большею частію въ Миланѣ, но иногда въ другихъ городахъ Верхней Италіи, на примѣръ: въ Павіи, въ Монцѣ; наконецъ, Римскою Императорскою короною, которую возлагали на нихъ сами Папы, и притомъ, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ особенныхъ случаевъ, всегда въ Римѣ. Послѣднее коронованіе долго считалось столь важнымъ и существеннымъ, что только по совершеніи его эти Государи принимали самый титулъ

Римскихъ Императоровъ, именуясь дотолѣ Римскими Королями. Съ коронованіемъ рукою Папы соединялись нѣкоторые унизительные для Императора обряды и присяга, которою онъ долженъ былъ утверждать свое послушаніе Папѣ, и которая питала и поддерживала чрезмѣрныя притязанія Папскаго властолюбія, не имѣвшія никакого правильнаго основанія, но весьма часто нарушавшія спокойствіе Имперіи. Эти и другія неудобства заставили наконецъ Императоровъ, съ половины XVI стол., вовсе отказаться отъ Римскаго коронованія, и ограничиться однимъ Германскимъ, по совершеніи котораго они немедленно принимали Императорскій титулъ.

Въ нашемъ отечествѣ, вскорѣ послѣ основанія новой Монархіи, верховные обладатели ея начали приходить въ соприкосновеніе съ Греческою Имперіею, которая служила проводникомъ обычаевъ и обрядовъ, относящихся къ внѣшнимъ принадлежностямъ Царскаго достоинства, изъ древняго міра въ образовавшіяся вновь государства. Только это соприкосновеніе съ самаго начала обыкновенно обнаруживалось не въ мирныхъ, дружественныхъ, сношеніяхъ, а въ столкновеніяхъ враждебныхъ. По этому не удивительно, что Императоры, большею частію выкупая заключаемый съ Русскими миръ огромными количествами наличнаго золота, вовсе не были расположены посылать имъ сверхъ того въ подарокъ вѣнцы и одежды Царскія; какъ то видно изъ наставленія, даваемаго Константиномъ Багрянороднымъ сыну своему Роману въ книгѣ объ управленіи государства, на тотъ случай, если бы Казары, или Турки (тогдашніе обитатели Венгріи), или Россы (Ῥῶς) или другіе какіе либо изъ числа Сѣверныхъ и Скиѳскихъ народовъ обратились къ нему, какъ часто случается, съ требованіемъ присылки Царскихъ одеждъ, или парамницъ, и вѣнцевъ.[1] Это согласно и съ тѣмъ общимъ распоряженіемъ, которымъ Греческіе

---

[1] Constantini Porphyrogeniti, de administrando imperio, cap. XIII. Въ Imperium Orientale.... opera.... A. Banduri. Tom. I. Parisiis. 1711. fol. pag. 63.

Императоры, желая прикрыть наступившее за прежними блистательными временами Имперіи ослабленіе внутреннихъ ея силъ внѣшнимъ блескомъ и великолѣпіемъ, запрещали продавать и вывозить въ чужія страны самыя дорогія ткани или паволоки. Впрочемъ, изъ приведенныхъ словъ Константина Багрянороднаго не видно, чтобы который либо изъ Великихъ Князей именно домогался пріобрѣтенія этихъ внѣшнихъ знаковъ Царскаго достоинства. Равнымъ образомъ, и нашъ древнѣйшій лѣтописецъ, описывая съ большою подробностію, и отчасти съ приведеніемъ самыхъ подлинныхъ рѣчей, переговоры двухъ первыхъ Великихъ Князей Русскихъ, воевавшихъ противъ Греціи, и особенно тѣ, которые съ стороны Греческой Имперіи ведены были, въ числѣ другихъ Императоровъ соправителей, отъ имени самаго Константина, внесеннаго впрочемъ уже и въ первый Олеговъ договоръ, вовсе не упоминаетъ о какомъ либо подобномъ требованіи, которое бы сдѣлано было однимъ изъ этихъ Государей, или кѣмъ либо изъ дальнѣйшихъ ихъ преемниковъ. Вообще, въ подобныхъ искательствахъ съ ихъ стороны можно весьма усумниться, если примемъ въ соображеніе, съ одной стороны, простоту образа жизни, свойственную большей части первыхъ Великихъ Князей Русскихъ, и нѣкоторыми изъ нихъ, какъ на примѣръ, воинственнымъ Святославомъ Игоревичемъ, доведенную даже до чрезмѣрной суровости; а съ другой стороны, ясныя свидѣтельства отечественной Исторіи, показывающія, сколь высоко наши Государи, и въ позднѣйшія затѣмъ времена, цѣнили свой Великокняжескій санъ и титулъ, и сколь мало заботились о Королевскомъ вѣнцѣ и титулѣ, предлагаемомъ имъ со стороны тѣхъ Западныхъ Вѣнценосцевъ, которые считали себя въ мнимомъ правѣ раздавать другимъ эти высшія отличія.[1]

---

[1] Даже одинъ изъ нашихъ удѣльныхъ Князей, Романъ Мстиславичъ, Князь Владимірскій на Волыни и Галицкій, котораго имя, прославленное въ бит-

Извѣстно, что на это право предъявляли притязаніе, съ одной стороны, Папы Римскіе, а съ другой, Императоры Германскіе, и что тѣ и другіе присвоивали себѣ это право исключительно, выдавая себя за единственныхъ законныхъ раздавателей Королевскихъ, Герцогскихъ и другихъ коронъ и титуловъ, и отвергая принадлежность подобнаго права противной сторонѣ. Извѣстно также, что древніе иностранные лѣтописцы, касаясь въ своихъ повѣствованіяхъ нѣкоторыхъ событій, относящихся до нашего Отечества, обыкновенно именовали нашихъ Великихъ Князей Царями или Королями: Rex, а описывая взаимныя сношенія ихъ съ разными Государями Западной Европы, изображали тѣхъ и другихъ совершенно равными между собою по достоинству и по титулу; и что сами Западные Государи, когда имѣли нужду обращаться за чѣмъ либо къ нашимъ Великимъ Князьямъ, какъ то въ особенности дѣлали Папы, искони домогавшіеся вступленія нашихъ Государей и ихъ подданныхъ въ союзъ единства съ Римскою Церковію, равномѣрно придавали имъ въ своихъ грамотахъ или посланіяхъ тотъ же Царскій или Королевскій титулъ. Когда же Іоаннъ III Васильевичь, одинъ изъ числа тѣхъ нашихъ Князей, которые были истинно велики не по титулу только, но и по самымъ дѣламъ своего благотворнаго для Россіи правленія, обратилъ

вахъ противъ Венгровъ, и Литвы, Ляховъ и Ятвяговъ, отозвалось и въ Константинополѣ, столицѣ государства, защищеннаго имъ отъ хищныхъ Половцевъ, и въ древнемъ Римѣ, съ гордостію отказался отъ королевскаго титула предложеннаго ему посломъ Папы Иннокентія III. Правда, въ послѣдствіи времени, сынъ этого самаго Князя, Даніилъ, принялъ Королевскій вѣнецъ, присланный ему отъ Папы Иннокентія IV, но весьма не охотно, послѣ долговременнаго отрицанія, уступивъ въ томъ убѣжденіямъ своей матери и другихъ почетныхъ совѣтниковъ, и нѣкоторымъ образомъ, вынужденный къ тому бѣдственнымъ положеніемъ, въ которомъ находилось тогда Отечество, и изъ котораго онъ надѣялся извлечь, по крайней мѣрѣ, часть его при содѣйствіи, обѣщанномъ ему какъ предлагавшимъ корону, такъ и склонявшими къ ея принятію.

на себя вниманіе Вѣнценосцевъ Западной Европы: то раздаватели коронъ и титуловъ Королевскихъ не преминули обратиться частію къ нему самому, частію же къ его преемникамъ, съ предложеніемъ имъ этой высокой почести. Такъ, первый посолъ Германскаго Императора Фридриха III, Николай Поппель, конечно не безъ вѣдома и согласія своего Государя, обращался къ Іоанну III съ объясненіемъ, что Папа не имѣетъ власти возводить кого либо въ Короли, Князья и рыцари, а власть эта принадлежитъ одному Римскому Императору, и съ предложеніемъ готовности своей, усердно послужить предъ нимъ нашему Государю, если ему угодно, вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ, сдѣлаться Королемъ въ своей землѣ. Но Великій Князь повелѣлъ дать послу отвѣтъ въ слѣдующихъ, истинно царственнымъ величіемъ и вмѣстѣ христіанскимъ смиреніемъ дышащихъ, словахъ: . . . . «А что еси намъ говорилъ о Королевствѣ, если Намъ любо отъ Цесаря хотѣти Кралемъ поставлену быти на своей землѣ, и Мы, Божіею милостію, Государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей; а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ Наши прародители, такъ и Мы; а просимъ Бога, чтобы Намъ далъ Богъ и Нашимъ дѣтемъ и до вѣка въ томъ быти, какъ есмя нынѣ Государи на своей землѣ; а постановленія какъ есмя на передъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ.»[1] Сыну этого Государя, достойно поддержавшему и продолжившему благія начинанія своего мудраго отца на пользу государства, было сдѣлано такое же предложеніе отъ Папы Льва X, который присовокупилъ къ нему еще другія блистательныя обѣщанія и виды: на возвышеніе Русскаго государства до сравненія его съ первостепенными Европейскими Державами; на возвышеніе Россійской Церкви чрезъ возведеніе нашей Митрополіи на степень Патріаршества, и даже на обладаніе Константинополемъ съ зависящими отъ него странами, какъ отчиною, или за-

[1] См. Памятники Дипломатическихъ сношеній Россіи съ Державами иностранцами. Спб. 1851. 8. Т. I. столб. 10—12.

конным наслѣдственным достояніем Великаго Князя. Подобное предложеніе относительно Королевскаго достоинства повторено тому же Русскому Государю от Папы Климента VII, а въ послѣдствіи времени было дѣлаемо Царю Іоанну IV Васильевичу, уже послѣ вѣнчанія его на царство, от Папы Юлія III, въ 1550 году, и Ц. Ѳеодору Іоанновичу от П. Климента VIII, въ 1594 году [1]. Не входя здѣсь

---

[1] См. Акты Историч. отосящ. къ Россіи (Hist. Russiae monim.) Т. II. № CXXI. выписки изъ Прусск. дѣлъ въ Исторіи Госуд. Росс. Карамз. т. VII. прим. 189 и 191; т. IX. прим. 564; т. X. стр. 188—191. — Изъ собранныхъ въ иностранныхъ архивахъ актовъ, относящихся къ Россіи, видно, что Папы внимательно наблюдали за ходомъ государственныхъ событій въ нашемъ Отечествѣ, получая довольно скоро свѣдѣнія о нихъ отъ разныхъ Западныхъ Державъ, состоявшихъ въ дружественныхъ или непріязненныхъ къ намъ отношеніяхъ. По этому, они не могли не узнать въ скоромъ времени и объ окончательномъ и формальномъ принятіи нашими Государями Царскаго титула, утвержденномъ вѣнчаніемъ на Царство Іоанна IV, и въ послѣдующее за тѣмъ время, подтверждаемомъ подобнымъ вѣнчаніемъ каждаго, вновь вступающаго на Россійскій престолъ Государя. Но считая себя, какъ Намѣстниковъ Божіихъ на землѣ, единственными обладателями права, раздавать короны и утверждать соотвѣтствующіе имъ титулы, они долго не соглашались усвоять нашимъ Государямъ принятаго ими, и со стороны разныхъ другихъ государствъ, въ томъ числѣ и Германской Имперіи, безпрекословно признаннаго, Царскаго титула; или, по крайней мѣрѣ, колебались въ своей рѣшимости къ тому, то усвояя имъ не только Царскій, то даже Императорскій титулъ, то напротивъ именуя ихъ только Великими Князьями, — смотря по измѣненіямъ въ своей политикѣ вообще, и въ особенности по цѣлямъ, которыхъ желали и надѣялись достигнуть посредствомъ дипломатическихъ сношеній съ Самодержавными Повелителями столь обширной и могущественной уже въ то время Державы. Отъ того случалось, что, не говоря уже о разныхъ Папахъ, одинъ и тотъ же Папа, и притомъ не только въ разныя времена, но даже въ одномъ и томъ же году, въ одной изъ своихъ грамотъ именовалъ нашего Государя Царемъ, или Императоромъ, какъ, на примѣръ, Папа Юлій III Царя Іоанна IV: Iulius Episcopus servus servorum Dei serenissimo ac potentissimo Domino, Domino Ioanni, M. Universorum Rhutenorum Imperatori etc.; а въ другой

въ сужденіе ни о степени безкорыстія, съ которымъ дѣлались всѣ подобныя предложенія, и которое въ нихъ нерѣдко именно выставлялось на видъ [1], ни объ огромности и тяжести жертвъ, соединенныхъ съ ихъ принятіемъ, ни о различіи политическихъ видовъ и религіозныхъ убѣжденій предлагавшей стороны и той, къ которой относились предложенія, — довольно сказать, что всѣ такія предложенія обыкновенно оставались безъ всякихъ послѣдствій. В. Князь Василій Іоанновичь, не отвергая дружественныхъ сношеній съ Папами по дѣламъ политическимъ, относительно соединенія Восточной Греко-Россійской Церкви съ Западною, составлявшаго постоянно главнѣйшій предметъ самыхъ усильныхъ ихъ домогательствъ, повелѣлъ передать отвѣтъ, напоминающій и своею твердостію, и своимъ образомъ выраженій, приведенный выше отвѣтъ отца его послу Императорскому: «какъ напередъ того Государь нашъ съ Божьею волею отъ прародителей своихъ Законъ Греческой держалъ крѣпко, такъ и нынѣ съ

грамотѣ, или въ актѣ иного рода, называлъ его только Великимъ Княземъ. Ср. Historica Russiae monimenta, t. I. № CXXXI — CXXXIII, CCLII. T. II. № XXVI—XXIX. О томъ: давать или не давать Государямъ Московскимъ титулъ Царя, происходили продолжительныя совѣщанія въ Папской Консультѣ уже во второй половинѣ XVII столѣтія, при П. Климентѣ X. Естественно, что и наши Государи соображали свой тонъ рѣчи въ отношеніи къ Папамъ съ ихъ выраженіями и съ собственными политическими видами. Въ приведенныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ 1670 году, упоминается, между прочимъ, что тогдашній Великій Князь (Царь Алексѣй Михайловичь) позволяетъ себѣ придавать Папѣ только титулъ Господина (Maestro) Римской Церкви. См. тамъ же, т. II. № CXV.

[1] Нѣкоторое понятіе о требованіяхъ, соединяемыхъ съ предложеніемъ Королевскаго вѣнца и титула, можетъ дать записка объ условіяхъ, на которыхъ Папа Юлій III удостоитъ украсить Королевскими знаками (dignabitur regiis insigniis ornare) Великаго Князя Московскаго, писанная въ 1550 году, и которую должны были представить Іоанну IV Графъ Герберштейнъ и I. Штембергъ. См. Hist. Russiae monimenta т. II. № CXXI—CXXXIII.

Божьею волею Законъ свой держати крѣпко хочетъ». О Королевскомъ же достоинствѣ ни этотъ Государь, ни его преемники, не считали, кажется, умѣстнымъ входить въ какія либо сужденія, и упоминать въ отвѣтахъ, даваемыхъ посламъ Папскимъ.

Впрочемъ, этотъ недостатокъ вниманія къ столь лестнымъ, по видимому, предложеніямъ относительно титула, вѣнца и другихъ знаковъ Королевскаго достоинства, заключалъ въ себѣ только выраженіе полнаго и безусловнаго отрицанія нашими Государями зависимости верховнаго ихъ сана отъ какой бы то ни было другой земной власти, и столь же яснаго сознанія и глубокаго убѣжденія въ томъ, что верховная ихъ власть происходитъ непосредственно отъ самаго Бога. Между тѣмъ, несправедливо было бы выводить отсюда такое заключеніе, будто наши древніе Государи вовсе не употребляли никакихъ внѣшнихъ отличительныхъ знаковъ принадлежащей имъ верховной власти, и не ознаменовывали своего вступленія въ управленіе государствомъ никакимъ особымъ торжественнымъ дѣйствіемъ. Напротивъ, они отличались отъ всѣхъ своихъ подданныхъ, въ томъ числѣ и отъ лицъ, принадлежащихъ къ самымъ высшимъ сословіямъ въ государствѣ, или занимающихъ самыя высокія ступени подчиненной правительственной дѣятельности, и своимъ головнымъ убоpомъ, и своими верхними одеждами, и особыми украшеніями, носимыми на шеѣ или на груди; и при томъ, эти отличія были такъ опредѣленны и явственны, что по нимъ всегда и вездѣ можно было узнать Великокняжескую особу. Тѣло В. Князя Георгія Всеволодовича, падшаго на берегахъ Сити, отыскано было между множествомъ другихъ, падшихъ за Отечество воиновъ, и даже обезглавленное узнано по бывшему на немъ Княжескому одѣянію. Въ числѣ такихъ отличительныхъ знаковъ, для покрытія головы употреблялась Княжеская митра, называемая въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ

клобукомъ, [1] и имѣвшая значеніе Царскаго вѣнца или короны, въ томъ отношеніи, что она могла быть не снимаема съ головы и въ Церкви, во время совершенія разныхъ Богослужебныхъ дѣйствій [2]. Изъ составныхъ частей одежды прежде всего представлялась взору Княжеская мантія, какъ носимая поверхъ другихъ одѣяній; а за тѣмъ, или далматикъ изъ дорогихъ матерій, съ золотымъ шитьемъ, жемчужными и другими украшеніями, подобный тѣмъ, какіе описаны выше и, по всей вѣроятности, заимствованный изъ Греціи; или другая, столь же богато украшенная, одежда съ открывающимися полами, и потому какъ при надѣваніи, такъ и при снятіи, болѣе удобная для повседневнаго употребленія.

Что червленый или скарлатный, иначе, пурпуровый цвѣтъ составлялъ принадлежность верхнихъ Великокняжескихъ одеждъ: это можно видѣть изъ духовныхъ грамотъ, въ которыхъ иногда означался цвѣтъ одеждъ, отказываемыхъ Великими Князьями дѣтямъ ихъ въ наслѣдство [3]. Какъ особое украшеніе, носимое поверхъ одежды, должно замѣтить золотую гривну, которая на Востокѣ, отъ самой глубокой древности, составляла одну изъ важнѣйшихъ принадлежностей Царскаго убранства, и только за особенныя, чрезвычайныя

---

[1] Въ книгѣ Константина Порфиророднаго объ управленіи Государства, вѣнцы которыхъ, въ числѣ другой Царской утвари, разные Сѣверные народы просили себѣ у Греческихъ Императоровъ, называются также камилавками:... ςέμματα, ἃ παρ' ἡμῶν καμελαύκια ὀνομάζεται. См. привед. выше мѣсто этого сочиненія. Ибнъ-Фосланъ, говоря объ одеждѣ Русскихъ Князей, упоминаетъ между прочимъ о шитой золотомъ, остроконечной шапкѣ, съ собольимъ околышемъ. *Ibn-Foszlan's* und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, v. C. M. *Frähn*. Spbg. 1823. 4.

[2] См. Русск. лѣтопись съ Воскресенск. списка. Спб. 1793. ч. I, стр. 205.

[3] Ср. духовныя грамоты В. Князей, начиная съ Іоанна Даниловича Калиты, въ I-мъ томѣ Собранія Государств. грамотъ и договоровъ. Москва. 1813. № 21, 22 и другіе.

услуги Государю и государству была жалуема иногда первѣйшимъ по Царяхъ лицамъ, наиболѣе къ нимъ приближеннымъ и отличеннымъ предъ другими, какъ знакъ самой высшей почести [1]. Самое правильное понятіе объ этой части древняго убранства можно себѣ составить по нашимъ стариннымъ св. иконамъ Спасителя, Богоматери и инымъ, обложеннымъ металлическими ризами и украшеннымъ вѣнцами, съ особыми къ нимъ привѣсками на груди, которыя и представляютъ намъ древнѣйшую форму гривны. Такія привѣски или гривны дѣлались обыкновенно изъ одинакаго металла съ вѣнцами, подобно имъ украшались дорогими камнями, и имѣли видъ сегментовъ [2] съ вогнутымъ отсѣкомъ, на подобіе четверти луны [3], или съ не совершенно круглыми, а на подобіе лука, или иной фигуры, изогнутыми краями [4]. Для ношенія на груди, они прикрѣплялись къ цѣпи, или къ ожерелью, надѣваемымъ на шею, къ которой подвязывались иногда такъ близко и плотно, что не могли быть скоро и безъ труда сняты через голову [5]. Впрочемъ, можетъ быть, по самому этому неудобству надѣванія и снятія, а можетъ быть и независимо отъ того, гривны довольно рано замѣнены были золотыми цѣпями, также спускавшимися съ шеи на грудь, но, по длинѣ своей, свободно надѣваемыми и снимаемыми черезъ голову,—

---

[1] Быт. XLI. 42. Дан. V. 7, 16, 29.

[2] Ср. segmenta Римскихъ матронъ, и vestes segmentatae; у Валерія Максима, Ювенала, въ Комментаріяхъ Сервія на Виргиліеву Энеиду, и у Исидора въ XIX Кн. его Originum sive Etymologiarum.

[3] Ср. Луницы гривенныя. Ис. III. 18.

[4] Ср. *Гавр. Успенскаго,* Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ. Харьковъ. 1818. Ч. II. стр. 294. Древности Россійскаго Государства. Москва. 1849. Отдѣл. I. стр. 44.

[5] См. Притч. Солом. I. 9; и привед. выше мѣста изъ кн. Бытія и Пророч. Даніилова. Ср. Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, т. I. стр. 58.

съ привѣшиваемымъ иногда къ нимъ крестомъ, или съ другою металлическою вещію, имѣвшею видъ кружка или розетки, и украшенною дорогими камнями, а также изображеніями Святыхъ, или просто человѣческихъ лицъ и иныхъ фигуръ. Эта послѣдняя привѣска въ такомъ случаѣ называлась также гривною. Но не рѣдко цѣпь сама по себѣ, безъ всякой привѣски, употреблялась въ числѣ другихъ составныхъ частей полнаго наряда, и служила къ его украшенію [1]. Какъ важная отличительная принадлежность внѣшняго сана нашихъ древнихъ Государей, главнѣйшія Великокняжескія одежды были вносимы въ Св. Церкви и вѣшаемы въ нихъ для храненія, на память потомству [2].

Что касается до особаго торжественнаго дѣйствія, которымъ наши древніе Государи ознаменовывали начало своего верховнаго управленія государствомъ: оно замѣчено въ нѣсколькихъ мѣстахъ лѣтописей, относящихся ко вступленію на престолъ Великихъ Князей, уже по введеніи въ наше Отечество Христіанской Вѣры, но только при описаніи тѣхъ случаевъ, когда Князья, долженствовавшіе занять престолъ, были, во время кончины своихъ предшественниковъ, въ отсутствіи изъ столичнаго города, обыкновенно занимаясь управленіемъ своихъ волостей или удѣловъ, а иногда находясь въ военныхъ походахъ. Между тѣмъ какъ такой Князь, въ слѣдствіе получен-

---

[1] Ср. тамъ же, т. II. стр. 34. Древн. Росс. Госуд. Отд. II. стр. 47, 108. Чины вѣнчанія нашихъ Государей на Царство, начиная съ Ц. Ѳеодора Іоанновича. — Частію замѣченная здѣсь связь гривны съ цѣпью и ожерельемъ, частію же послѣдовавшая замѣна первой второю, были причиною того, что значеніе гривны, какъ одного изъ отличительныхъ знаковъ, или какъ принадлежности полнаго наряда, въ новѣйшія времена сдѣлалось не довольно ясно и опредѣленно, и что гривна принималась иногда за одно и тоже съ цѣпью, или съ ожерельемъ — собственно шейнымъ, а не груднымъ украшеніемъ.

[2] Ср. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. т. I, стр. 176 и 197.

наго имъ извѣстія о кончинѣ прежняго Государя, а иногда и особаго призванія, чрезъ отправленное къ нему посольство, къ занятію упразднившагося престола, приближался къ столицѣ; ему приготовлялся въ ней торжественный пріемъ; весь народъ, предшествуемый Митрополитомъ и прочимъ духовенствомъ со Св. Крестомъ, Церковными хоругвями и иконами, а также высшими и низшими должностными лицами, встрѣчалъ Князя за городскими воротами, и оттуда сопровождалъ въ соборный храмъ Св. Софіи, гдѣ Первосвятитель совершалъ приличное случаю молитвословіе и благословлялъ новаго Государя на великое дѣло государственнаго правленія; за тѣмъ, Государь былъ возводимъ и садился на прародительскомъ престолѣ, или, по выраженію лѣтописей: «на столѣ отнѣ и дѣднѣ» («на столѣ отецъ своихъ и дѣдъ», и т. под.): а правительственные чины и народъ приносили ему поздравленіе, и въ тоже время цѣловали Крестъ въ утвержденіе вѣрности подданства, — если не были уже прежде того приведены къ вѣрноподданнической присягѣ[1]. Само собою разумѣется, что, когда преемникъ престола во время кончины своего предшественника находился въ столицѣ, онъ, вмѣсто описанной встрѣчи у городскихъ воротъ, былъ или такимъ же образомъ встрѣчаемъ предъ соборнымъ храмомъ, или веденъ въ подобной процессіи изъ своихъ чертоговъ: лѣтописцы въ подобныхъ случаяхъ не входятъ въ описаніе подробностей этого предмета.

Изложенный обрядъ торжественнаго вступленія на престолъ наблюдаемъ былъ вообще единообразно, съ немногими только и незна-

[1] Ср. описаніе вступленія на престолъ В. Князей: Святополка Изяславича въ 1093 году, Владиміра Всеволодовича Мономаха въ 1113 г., Вячеслава Владиміровича въ 1138 г., Изяслава Мстиславича въ 1146 г., Ростислава Мстиславича въ 1160 г., Всеволода Георгіевича въ 1176 г., Александра Ярославича Невскаго, и другихъ, — въ Поли. Собр. Русск. Лѣтоп. т. I. стр. 93, 134, 161, 202; т. II. стр. 4, 24, 86; ср. стр. 144; ср. также т. I. стр. 177—8. Русск. Лѣтоп. съ Воскрес. списка, ч. II. стр. 231.

чительными измѣненіями, приспособлявшимися къ особеннымъ временнымъ обстоятельствамъ, совершаясь первоначально въ Кіевѣ — древнѣйшемъ стольномъ городѣ Русскихъ Государей, потомъ во Владимірѣ, и наконецъ въ нашей Москвѣ, которая, получивъ преемство, въ своемъ значеніи престольнаго города, отъ обоихъ, предшествовавшихъ ей въ томъ городовъ, для временъ послѣдующихъ сама сдѣлалась первопрестольнымъ городомъ обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства.

Такъ было, по всей вѣроятности, въ теченіи почти цѣлыхъ пяти столѣтій, съ начала XI-го до конца XV-го; потому, что хотя первое изъ лѣтописныхъ, вообще не многословныхъ, извѣстій объ этомъ предметѣ относится ко вступленію на Кіевскій Великокняжескій престолъ Святополка Изяславича, прибывшаго для того въ Кіевъ изъ своего удѣльнаго города Турова, по кончинѣ отца своего Изяслава Ярославича, въ 1093 году: однако уже при описаніи перваго вступленія въ Кіевъ Ярослава Владиміровича въ 1016 году, послѣ побѣды надъ Святополкомъ, лѣтописецъ употребилъ выраженіе: «сѣде на столѣ отни и дѣдни»[1]. Если же сравнимъ это выраженіе съ подобными словами, которыя и въ другихъ мѣстахъ лѣтописи обыкновенно употребляются при описаніи торжественной встрѣчи новыхъ Великихъ Князей, сопровожденія ихъ въ храмъ и посажденія на прародительскомъ престолѣ, и сверхъ того примемъ въ соображеніе искони неизмѣнно наблюдаемый нашими православными предками Христіанскій обычай, не начинать никакого важнаго дѣла безъ молитвы къ Богу и испрошенія отъ Него благословенія: то придемъ къ вѣроятному заключенію, что описанное священнодѣйствіе было примѣнено къ первому, за введеніемъ Христіанской Вѣры представившемуся случаю, который, — за отчисленіемъ ока-

---

[1] Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, Т. I. стр. 61.

яннаго Святополка, думавшаго объ утвержденіи своей власти только братоубійствами, — и долженъ быть отнесенъ къ мудрому и благовольному Ярославу. Ни современныя лѣтописныя извѣстія, ни другія сколько нибудь близкія къ описываемымъ происшествіямъ, не упоминаютъ ни о какомъ важномъ изъятіи или отступленіи отъ этого порядка.

Между тѣмъ, ко второму, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже къ первому въ ряду этихъ пяти столѣтій относится историческій фактъ, сколько любопытный самъ по себѣ и важный для сужденія о разсматриваемомъ нами предметѣ, столько же сдѣлавшійся спорнымъ между новѣйшими изслѣдователями исторіи и древностей Отечественныхъ, по причинѣ совершеннаго молчанія о немъ въ современныхъ ему, или, по крайней мѣрѣ, въ сколько нибудь близкихъ къ нему по времени лѣтописяхъ: я разумѣю присылку однимъ изъ Греческихъ Императоровъ къ одному изъ нашихъ древнихъ В. Князей вѣнца, діадимы и другихъ знаковъ Царскаго достоинства, и вѣнчаніе ими нашего Государя, съ провозглашеніемъ его Царемъ Рускимъ, совершенное двумя Архипастырями Греческой Церкви, принесшими съ собою въ Кіевъ эти дары Греческаго Императора.

Самыя первыя по времени извѣстія объ этомъ событіи относятся къ XVI столѣтію, или только къ двумъ послѣднимъ годамъ XV-го [1]; а подробнѣйшій разсказъ какъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя подали къ нему поводъ, такъ и о самомъ отправленіи изъ Греціи и доставленіи въ Кіевъ знаковъ Царскаго достоинства, если судить о

[1] Они находятся въ Степенн. Книгѣ и въ первыхъ Чинахъ Царскихъ вѣнчаній. Въ чинѣ вѣнчанія на Великое Княженіе всея Россіи, совершеннаго надъ внукомъ В. Князя Іоанна III Васильевича, Димитріемъ Іоанновичемъ, въ 1498 году, упомянуто только имя Мономаха въ означеніи вѣнца, возложеннаго на Димитрія, названіемъ шапки Мономаховой.

времени его составленія по тѣмъ спискамъ лѣтописей, въ которыя онъ внесенъ, — не восходитъ выше XVII столѣтія.[1] И однакожъ здѣсь не только описываются съ большою подробностію событія вовсе не упоминаемыя древними лѣтописцами, или несогласныя съ ихъ повѣствованіемъ, но еще приводится точными словами грамота, при которой Греческій Императоръ Алексій Комнинъ препроводилъ къ нашему В. Князю Владиміру Всеволодовичу Мономаху Царскій вѣнецъ одного изъ своихъ предшественниковъ, Константина Мономаха, отца матери Владиміровой, а также скипетръ, діадиму, крестъ златый съ животворящимъ древомъ, гривны и иные Царскіе знаки и дары, съ тѣмъ чтобы Митрополитъ Ефесскій Неофитъ съ двумя другими Греческими Епископами, уполномоченные къ доставленію этихъ даровъ и знаковъ, вѣнчали ими нашего Государя на Царство, и чтобы на будущее за тѣмъ время какъ вѣнчанный ими Великій Князь, такъ и преемники его престола, именовались Царями Русскими. Между тѣмъ, во всѣхъ чинахъ вѣнчанія нашихъ Царей, начиная съ Іоанна IV, на царство говорится, что В. Кн. Владиміръ Мономахъ вѣнчанъ былъ крестомъ животворящаго древа и царскимъ вѣнцемъ и діадимою или бармами, присланными къ нему съ упомянутымъ Митрополитомъ отъ самаго Константина Мономаха.[2] А въ тѣхъ спискахъ Русскаго перевода писанной въ 1561 году на Грече-

---

[1] См. Густинскую лѣтопись, напечат. въ видѣ продолженія Ипатьевской, во II томѣ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.; стр. 290. Русск. Лѣтоп. съ Воскрес. списка. Спб. 1793. ч. I. стр. 257 и 258. Кіевскій Синопсисъ, или Краткое собраніе отъ различныхъ лѣтописцевъ и пр. Кіевъ 2-е изд. 1823. Стр. 69—72; гдѣ впрочемъ вмѣсто имени Алексія поставлено имя Іоанна. Синопсисъ, и пр., изд. 5-мъ тисненіемъ въ Спб. 1762. стр. 92—96.

[2] См. Чины вѣнчанія на Царство Царей Іоанна Васильевича и Ѳеодора Іоанновича, во II-мъ, Царя Михаила Ѳеодоровича, въ III-мъ томѣ Собранія Государств. грам. и догов., а преемниковъ Ц. Михаила Ѳеодоровича — въ VII-мъ томѣ Древней Россійской Вивліоѳики.

скомъ языкѣ грамоты Константинопольскаго Патріарха Іоасафа и Собора Греческихъ Архіереевъ, о благословеніи Царя Іоанна IV Васильевича на царство и утвержденіи совершеннаго надъ нимъ Митрополитомъ Макаріемъ Царскаго вѣнчанія, которые имѣлись въ виду нашихъ Историковъ до изданія подлинной грамоты въ 1850 году, имя В. Князя Владиміра поставлено безъ точнѣйшаго опредѣленія его прозваніемъ Мономаха, и притомъ въ такой связи съ именемъ Греческой Царевны Анны, супруги Св. Владиміра Равноапостольнаго, что по смыслу этихъ списковъ, отправленіе Царскаго вѣнца и діадимы, съ другими Царскими знаками, надлежало бы отнести къ брату Анны, не названному здѣсь по имени, а означенному титуломъ «Самодержца и Царя Багрянороднаго Мономаха», слѣдовательно къ Императору Греческому Константину, Соправителю Василія, а вѣнчаніе этими Царскими знаками къ Владиміру, супругу Анны, просвѣтившему Россію ученіемъ Христіанской Вѣры. Такое разнорѣчіе объ одномъ и томъ же предметѣ между разными памятниками Исторіи, и неправильное усвоеніе, въ послѣднемъ изъ нихъ, прозванія Мономаха брату Царевны Анны, а также разстояніе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, отдѣляющее кончину Греческаго Императора Константина Мономаха отъ начала Великокняженія нашего Владиміра Мономаха, которые между тѣмъ въ чинахъ Царскаго вѣнчанія представляются жившими и дѣйствовавшими современно, сдѣлавшись источникомъ сбивчивости и смѣшенія именъ двухъ Константиновъ Греческихъ и двухъ Русскихъ Владиміровъ, подали новѣйшимъ изслѣдователямъ Отечественной Исторіи поводъ къ различнымъ предположеніямъ и заключеніямъ относительно самаго событія и лицъ, въ немъ участвовавшихъ. Одни изъ этихъ ученыхъ, если не отвергали прямо и положительно вообще дѣйствительности чьего бы то ни было вѣнчанія во времена, предшествовавшія вѣнчанію Димитрія Іоанновича на Великокняженіе отцемъ его Іоанномъ III, то по крайней мѣрѣ выражали болѣе или менѣе ясно и сильно свое сомнѣніе въ достовѣр-

ности разсказа позднѣйшихъ писателей о столь отдаленномъ отъ нихъ событіи, о которомъ ближайшіе къ нему по времени Лѣтописцы вовсе не упоминаютъ [1]. Другіе, кромѣ вѣнчанія Владиміра Мономаха, какъ несомнѣнно утвержденнаго древнѣйшимъ преданіемъ, перешедшимъ потомъ въ письменные памятники исторіи, восходящіе къ началу XVI или даже къ концу XV столѣтія, допускали еще вѣнчаніе Св. Владиміра Равноапостольнаго, какъ удостовѣряемое формальнымъ актомъ, составленнымъ на соборѣ Греческихъ Святителей, подвергавшихъ этотъ предметъ внимательному разсмотрѣнію и основавшихъ свое заключеніе на преданіяхъ многихъ достовѣрныхъ мужей и на письменныхъ свидѣтельствахъ Хронографовъ [2]. Иные утверждали, что только совершеніе вѣнчанія надъ этимъ первымъ изъ нашихъ Христіанскихъ Государей и можетъ быть признано за несомнѣнное; такъ какъ оно удостовѣрено единственнымъ документальнымъ извѣстіемъ о присылкѣ Царскихъ знаковъ и вѣнчаніи ими, содержащимся въ грамотѣ Константинопольскаго Патріарха; что отнесеніе Царскаго вѣнчанія къ Владиміру Мономаху основано на ошибкѣ, изобличаемой анахронизмомъ, который однажды вкравшись въ чины Царскихъ вѣнчаній, укоренился глубоко тѣмъ самымъ, что былъ повторяемъ въ нихъ непрерывно въ теченіи цѣлаго столѣтія; и что вообще не извѣстно, какимъ образомъ вѣнчались Великіе Князья Кіевскіе, Суздальскіе и Московскіе [3].

---

[1] На примѣръ, Митр. Платонъ, въ своей Краткой Церковной Россійской Исторіи. Москва. 1805. Ч. I. стр. 355 и 356. Карамзинъ въ Исторіи Россійскаго Государства, т. II. стр. 144 и 145, и примѣч. 220; т. VIII. стр. 88; по 1-му изданію. Спб. 1816.

[2] Напримѣръ, И. Катаевъ, въ соч. о Священномъ вѣнчаніи и помазаніи Царей на Царство. Спб. 1847; стр. 69—76.

[3] На примѣръ, П. Строевъ, въ Указателѣ къ Выходамъ Государей Царей и В. Князей и пр. Москва. 1844; подъ словами: Мономаховы регаліи.

Наконецъ, нѣкоторые принимая въ соображеніе общій, издавна существовавшій въ Христіанскомъ мірѣ обычай, вѣнчать первыхъ обращающихся къ Христіанству Государей Царскими знаками, присылаемыми отъ Греческихъ Императоровъ, если новообращенные присоединялись къ Восточной Церкви, и отъ Папъ, если они вступали въ союзъ Церкви Западной, и за тѣмъ передавать эти знаки, какъ завѣтную святыню преемникамъ первообращенныхъ Государей, для такого же употребленія, прилагаютъ это общее правило и къ нашему первому Христіанскому Государю, и къ преемникамъ его, вообще, не ограничивая примѣненія его ни какими либо опредѣленными лицами, ни какимъ либо періодомъ времени; а молчаніе о томъ нашихъ древнихъ лѣтописцевъ объясняютъ тѣмъ, что Царскія вѣнчанія Великихъ Князей относились къ обрядамъ Церкви, и сверхъ того, во время владычества Монголовъ не имѣли особенной торжественности; что за введеніемъ, при Дворѣ В. Кн. Іоанна III, заимствованнаго отъ Византійскаго Императорскаго Двора великолѣпія, обрядъ вѣнчанія Димитрія Іоанновича, безъ сомнѣнія, былъ торжественнѣе прежнихъ обрядовъ, и могъ казаться чѣмъ-то новымъ, невиданнымъ на Руси; и что относящееся къ этому же времени установленіе у насъ Дворцовой лѣтописи для записки разныхъ предметовъ и событій въ Царскомъ Дворѣ, а также распоряженій по дѣламъ государственнаго правленія, могло быть причиною, что лѣтопись сохранила чинъ вѣнчанія на царство внука Іоаннова Димитрія [1]. Между двумя крайними противоположными предѣлами, до которыхъ доходятъ, изъ числа приведенныхъ предположеній, одно, если не отвергающее прямо, то по крайней мѣрѣ, подвергающее сомнѣнію чье бы то ни было Царское вѣнчаніе прежде конца XV, или точнѣе, половины почти XVI столѣтія, — такъ какъ Князь Димитрій Іоанновичь былъ вѣнчанъ не на Царство, а на Великое Княженіе, — и дру-

---

[1] См. Древности Росс. госуд. Огд. II, введеніе, стр. VIII—XI.

гое, распространяющее Царское вѣнчаніе на всѣхъ нашихъ Великихъ Князей, начиная съ Св. Владиміра Равноапостольнаго, трудно было бы найти средину, наиболѣе подходящую къ истинѣ, иначе какъ оставивъ всѣ вновь составленныя предположенія и возвратившись къ тому повѣствованію, которое, съ одной стороны, подтверждается самою давностію письменнаго изложенія, существующаго уже болѣе двухъ съ половиною столѣтій, и основаннаго на древнѣйшемъ устномъ, а можетъ быть, и письменномъ, не дошедшемъ до насъ, преданіи; а съ другой стороны, имѣетъ оффиціальный характеръ и правительственный авторитетъ какъ въ нашемъ Отечествѣ, такъ и въ Греціи. У насъ оно повторялось почти во всѣхъ чинахъ вѣнчанія Государей на царство въ XVI и XVII столѣтіяхъ, гдѣ, во первыхъ, сами составители нѣкоторыхъ чиновъ, — лица должностныя, хотя неизвѣстныя намъ по своему имени, говоря о возложеніи Первосвятителемъ на вѣнчаемаго Царя златаго Креста съ частію древа Животворящаго Креста Господня, присовокупляютъ, что «прислалъ тотъ животворящій крестъ Греческій Царь Константинъ Мономахъ на поставленіе Великимъ Княземъ Русскимъ, съ бармами и шапкою, съ Неофитомъ, Ефесскимъ Митрополитомъ и съ прочими посланники»; и во вторыхъ, что̀ еще важнѣе, въ самыя рѣчи, которыя обыкновенно произносили предъ началомъ вѣнчанія, сперва Царь, а потомъ въ отвѣтъ ему, Митрополитъ или Патріархъ, включались между прочимъ слѣдующія слова: «отъ благочестиваго Великаго Князя Владиміра Всеволодича, иже превысочайшую честь, Царскій вѣнецъ и діадиму, отъ Греческаго Царя Константина Мономаха воспріимъ, сего ради и Мономахъ наречеся» и пр. [1] Въ Греціи оффиціальность его основывается на упомянутой уже соборной грамотѣ, для

---

[1] Ср. чины вѣнчанія Царей Іоанна Васильевича, Өедора Іоанновича, Михаила Өеодоровича, Өеодора Алексѣевича, Іоанна и Петра Алексѣевичей, — въ Собр. Госуд. грам. и догов. т. II и III, и въ Древн. Росс. Вивліоө. т. VII.

полученія которой Царь Іоаннъ Васильевичъ отправлялъ въ Константинополь извѣстныя духовныя лица, и которая составлена Константинопольскимъ Патріархомъ Іоасафомъ по совѣщаніи съ 36 Греческими Митрополитами, Архіепископами и Епископами. Въ ней также, съ указаніемъ на приведенныя выше историческія свидѣтельства, ясно выражено, что благочестивѣйшій Царь Константинъ Мономахъ, съ благословенія тогдашняго Патріарха и священнаго Архіерейскаго собора, пославъ тогдашняго священнѣйшаго Митрополита Ефесскаго и Антіох...., вѣнчали въ Царя благочестивѣйшаго Великаго Князя Владиміра, и даровали ему тогда Царскій вѣнецъ на главу, и.... діадиму, и другіе Царскіе знаки и одежды. [1]

Изданіе въ свѣтъ подлиннаго текста этой грамоты, который дотолѣ не былъ въ виду, кажется, ни одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей Отечественной Исторіи, въ томъ числѣ и нашего знаменитаго Исторіографа, [2] устраняетъ нѣкоторыя затрудненія, подававшія

---

[1] Соборная грамота Духовенства Православной Восточной Церкви, утверждающая санъ Царя за В. Кн. Іоанномъ IV Васильевичемъ, 1561 года. Съ Высочайшаго соизволенія издана К. М. А. Оболенскимъ. М. 1850. 4. — Въ ней на стр. 11: *Ἐπεὶ γὰρ Μονόμαχος δε ὁ εὐσεβέστατος βασιλεὺς Κονσταντῖνος.... τότε πατριάρχου, καὶ τῆς τηνικαῦτα ἱερᾶς τῶν ἀρχιερέων συνόδου, ἀποστείλαντες τὸν τότε ἱερώτατον μιτροπολίτην Ἐφέσου καὶ τὸν τῆς Ἀντιοχ.... ἔστεψαν εἰς βασιλέα τὸν εὐσεβέστατον Βελὴκ Κνὲς Βολοντῖμοινον καὶ ἐδωρήσαντο αὐτῷ τό τε βασιλικὸν στέμμα ἐπὶ τῆς κεφαλῆς καὶ τὸ μετὰ.... διάδημα, καὶ τἄλλα βασιλικὰ σημεῖα καὶ ἄμφια.* Въ мѣстахъ, отмѣченныхъ точками, недостаетъ въ Греческомъ подлинникѣ нѣсколькихъ словъ на протершемся пергаменѣ. Въ Русскомъ переводѣ XVII вѣка, на первомъ мѣстѣ стоитъ: «со» за тѣмъ пропускъ, а далѣе: «тогдашняго Патріарха»; на второмъ: «Антіохійскаго Патріарха»; а въ современномъ переводѣ: «Антіохійскаго изряднопачальнѣйшаго Епарха»; въ третьемъ: «съ каменіемъ честнымъ».

[2] Въ прим. 160 къ VIII тому Исторіи Госуд. Росс., Карамзина, помѣщенъ худшій, т. е. неправильнѣйшій изъ двухъ Русскихъ переводовъ Греческой

поводъ частію къ сомнѣнію въ достовѣрности разсматриваемаго событія вообще, частію же къ особымъ предположеніямъ, составленнымъ для его объясненія. Такъ во первыхъ, здѣсь вовсе нѣтъ смѣшенія и усвоенія одному и томуже Греческому Императору двухъ прозваній: Багрянороднаго и Мономаха, не совмѣстимыхъ въ лицѣ его. Напротивъ, братъ Греческой Царевны Анны, къ которой возводится родъ нашего Царя Іоанна IV, прямо и ясно означенъ здѣсь именемъ Василія, того изъ двухъ Греческихъ Императоровъ, который, по смерти Іоанна Цимисхія, получивъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Константиномъ, принадлежавшую имъ по праву наслѣдственному верховную власть, во все время своей жизни одинъ былъ главнымъ дѣятелемъ въ государственномъ правленіи[1]; а о Соправителѣ его Константинѣ въ подлинной грамотѣ вовсе не упоминается. Напротивъ того, сколько ясно, столько же и отдѣльно отъ брата Анны Василія, выставляется здѣсь Константинъ Мономахъ виновникомъ посылки Царскихъ знаковъ къ В. Князю Владиміру, подъ которымъ уже конечно, ни въ какомъ случаѣ нельзя разумѣть, по точному смыслу и связи словъ въ этой грамотѣ, Св. Равноапостольнаго Владиміра; потому что въ противномъ случаѣ надлежало бы допустить въ ней неразрѣшимый анахронизмъ. Между тѣмъ, тотъ анахронизмъ, который обыкновенно былъ предполагаемъ въ приведенныхъ выше выраженіяхъ нашихъ чиновъ вѣнчанія на царство, и который, если признать его дѣйствительнымъ, надлежало

грамоты, напечатанныхъ вмѣстѣ съ подлиннымъ ея текстомъ въ приведенномъ изданіи Кн. Оболенскаго, — тотъ, который означенъ здѣсь названіемъ современнаго. Другой, болѣе правильный переводъ, сдѣланный въ XVII вѣкѣ, безъ сомнѣнія не былъ извѣстенъ Исторіографу, равно какъ и подлинная грамота; въ противномъ случаѣ, онъ не преминулъ бы выставить важныя различія между нимъ и имѣвшимся у него въ виду переводомъ.

[1] См. въ лѣтописяхъ Іоанна Зонары, по привед. выше изд., листъ 163 на оборотѣ, столб. 2; ср. л. 164 на об., столб. 2.

бы равномѣрно отнести къ подлинной Греческой грамотѣ, можетъ быть разрѣшенъ, коль скоро допустимъ, вмѣстѣ съ почтеннымъ издателемъ этой грамоты, что Константинъ Мономахъ, умершій въ 1054 году, не оставивъ послѣ себя потомства по мужескому колѣну, прислалъ Царскіе знаки къ сыну своей дочери, Владиміру Всеволодовичу, родившемуся въ 1052 году, и слѣдовательно имѣвшему, во время смерти дѣда своего по матери, около двухъ годовъ отъ рожденія, — желая передать ему Царское достоинство вмѣстѣ съ своими регаліями; такъ что самое прозваніе Мономаха, приданное Владиміру его родителями, было послѣдствіемъ полученія Царскихъ знаковъ и вѣнчанія его этими знаками еще во младенчествѣ.[1] Если это объясненіе и несогласно съ весьма поздними, какъ уже замѣчено выше, лѣтописными извѣстіями, по которымъ Владиміръ Мономахъ получилъ изъ Греціи знаки Царскаго достоинства уже во время своего Великокняженія: то по крайней мѣрѣ имъ уничтожается странное недоразумѣніе, которое въ противномъ случаѣ надлежало бы допустить, какъ повторяемое въ теченіи цѣлыхъ полутора столѣтій, отъ Іоанна IV-го до Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей включительно, и подтверждаемое Соборомъ Духовныхъ властей, представителей Греческой Церкви. Во всякомъ случаѣ, сущность дѣла, заключающаяся въ дѣйствительности разсматриваемаго событія, остается неприкосновенною при этомъ разногласіи, касающемся только до внѣшней его обстановки, которую, за недостаткомъ современныхъ, или по крайней мѣрѣ, сколько нибудь близкихъ къ событію извѣстій, не возможно привести въ желаемую ясность;

---

[1] См. Соборн. грам. и проч., стр. 6—8. Въ чинѣ вѣнчанія на царство Іоанна IV Васильевича, между прочимъ, сказано:... «вѣнчанъ бысть на царство Русское прародитель его Князь Великій Владимеръ, *нареченъ въ Царской порфирѣ Манамахъ*. Собр. Госуд. грам. и догов. т. II. № 33.

равно какъ и сомнѣнію, невольно возникающему при царскомъ вѣнчаніи младенца, не имѣвшаго прямаго и ближайшаго права на престолонаслѣдіе въ Россіи, можно противопоставить только общее соображеніе существовавшаго у насъ въ то время порядка престолонаслѣдія, по которому Владиміръ Мономахъ и въ самые первые годы своей жизни могъ быть разсматриваемъ, какъ одинъ изъ будущихъ законныхъ преемниковъ Великокняжескаго престола. По крайней мѣрѣ, относительно отца его Всеволода, мы находимъ въ древней лѣтописи ясное свидѣтельство о томъ, что уже В. Князь Ярославъ Владиміровичъ, хотя оставлялъ по себѣ многихъ сыновъ, между которыми Всеволодъ былъ самый младшій, имѣлъ однако въ виду будущее законное вступленіе на Великокняжескій престолъ этого, болѣе всѣхъ другихъ любимаго имъ сына, по очереди престолонаслѣдія, долженствовавшей неизбѣжно дойти до него въ естественно предполагаемомъ случаѣ, что онъ, какъ младшій, переживетъ старшихъ своихъ братьевъ. «Аще ти подастъ Богъ пріяти власть стола моего по братьи своей, съ правдою, а не насиліемъ», и проч. говорилъ Ярославъ Всеволоду не за долго предъ своею кончиною.[1] Позднѣйшія событія Отечественной Исторіи показали, что это благопожеланіе прозорливаго отца не осталось безплоднымъ и для потомства сына, заслужившаго преимущественное его вниманіе: Владиміръ Мономахъ своими многочисленными, славными подвигами и неусыпнымъ попеченіемъ о благѣ Отечества снискалъ такую любовь народа не только къ себѣ, но и къ отдаленному своему потомству, которая сперва призвала его самаго на Великокняжескій престолъ, а затѣмъ утвердила и дальнѣйшее преемство этого престола въ его племени, съ удаленіемъ отъ него потомства старшихъ сыновъ Ярославовыхъ, и вообще всѣхъ другихъ отраслей древняго Великокняжескаго Дома.

---

[1] См. Лаврент. лѣтоп., въ Собр. Русск. Лѣтоп. т. I. стр. 92.

При этомъ, не должно упускать изъ вида еще того обстоятельства, что въ извѣстныхъ намъ письменныхъ памятникахъ древности, Владиміру Мономаху, котораго происхожденіе отъ смѣшенія Царской и Княжеской крови, и заключающееся въ немъ Царское помазаніе, современный ему Митрополитъ Никифоръ, выставляетъ на видъ, какъ предуставленное самимъ Богомъ, и какъ высокое преимущество этого члена Русскаго Великокняжескаго Дома предъ всѣми другими, [1] первому изъ нашихъ Государей придано и со стороны подданныхъ наименованіе Царя, — хотя это сдѣлано въ рѣчи, обращенной не прямо къ нему, а къ одному изъ сыновъ его. «Помилуй мя, сыне *Великаго Царя* Владимера» говоритъ Даніилъ Заточникъ въ посланіи своемъ къ Георгію Владиміровичу Долгорукому. [2] А за тѣмъ, при ближайшихъ потомкахъ Владиміра Мономаха, *титулъ Царскій* началъ входить въ довольно частое употребленіе въ нашемъ Отечествѣ, будучи прилагаемъ къ Великимъ Князьямъ не только самими лѣтописцами, отъ собственнаго ихъ лица, при описаніи разныхъ событій Отечественной Исторіи, но и другими лицами въ рѣчи, письменно или устно обращаемой къ этимъ Государямъ, и, въ томъ числѣ такими членами Великокняжескаго Дома, которые владѣли значительными удѣлами, и сверхъ того, предъявляли, а отчасти и осуществляли на самомъ дѣлѣ, притязанія на занятіе Великокняжескаго престола. Такъ напримѣръ, тотъ самый Князь Георгій Владиміровичь, сперва Удѣльный Суздальскій, а въ послѣдствіи времени и Великій Кіевскій, въ посланіи къ которому отецъ его названъ Великимъ Царемъ, обращаясь къ племяннику своему Изя-

---

[1] См. Посланіе отъ Никыфора Митрополита Кыевскаго въ Володимиру Князю всея Руси, сыну Всеволожу, сына Ярославля. Въ Русскихъ Достопамятностяхъ. Часть. 1. Москва. 1815.

[2] См. въ Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка, изданныхъ К. Калайдовичемъ. М. 1821. стр. 251.

славу Мстиславичу, занимавшему Великокняжескій престолъ, съ просьбою дать сыну его Ростиславу въ волость южный Переяславль, употребляетъ, между прочимъ, такія выраженія:... «дай ми Переяславль, ать посажю сына своего у Переяславли, а ты *сѣди царствуя* въ Кіевѣ».... [1] Послѣ побѣды Изяслава Мстиславича надъ тѣмъ же Георгіемъ Владиміровичемъ, вытѣснившимъ его на время съ Великокняжескаго престола, воины Изяславовы, опознавъ, на полѣ сраженія, своего Государя, раненаго и подвергавшагося опасности жизни, по словамъ лѣтописца: «всхитиша и руками своими съ радостью, яко *Царя и Князя* своего, и тако взваша «кирелѣисонъ» «вси полци радующеся».... [2] и пр. О кончинѣ этого Государя лѣтописецъ говоритъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:... «разболѣся В. Князь Кіевскій Изяславъ, честный, благовѣрный и Христолюбивый, славный Изяславъ Мстиславичь, внукъ Володимерь, и плакася по немъ вся Русская земля и вси Черніи Клобуци, яко по *Цари и Господинѣ* своемъ, наипаче же яко по отци».... [3] Самыя области, состоявшія въ обладаніи этого В. Князя, называются въ лѣтописи *Царскими землями*: «приде Изяславъ къ брату Ростиславу» (Смоленскому).... «и пребыста у велицѣ любви и въ весельи, съ мужи своими и Смолняны; и ту дариста ся, даръми многыми, Изяславъ да дары Ростиславу что отъ Рускыи землѣ и отъ всихъ *Царьскихъ землъ*».... [4] и пр. Объ одномъ изъ дѣйствій правительственной власти В. Кн. Андрея Георгіевича лѣтописецъ выражается такимъ образомъ: «спасе (Богъ) рабы своя.... *рукою* благочестивою *Царскою* правдиваго и благовѣрнаго Князя Андрея.» [5] Разсуждая, по

---

[1] См. Ипат. Лѣтоп., въ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. т. II. стр. 43.

[2] Тамъ же, стр. 64.

[3] Тамъ же, стр. 74.

[4] Тамъ же, стр. 39.

[5] См. Лаврент. Лѣтоп. стр. 152.

поводу кончины этого Государя, о необходимости заповѣданнаго Апостоломъ Павломъ повиновенія властямъ предержащимъ, яко учиненнымъ отъ Бога (Римл. XIII. 1—2), составитель другой лѣтописи, съ очевиднымъ примѣненіемъ къ скончавшемуся говоритъ: естествомъ бо *Царь* земнымъ» (по другому чтенію: земный) «подобенъ есть всякому человѣку, властью же сана выше, яко Богъ»[1]... и пр. Въ молитвенномъ обращеніи лѣтописца къ Богу о братьяхъ того же Государя читаемъ: да подастъ имъ побѣду на противныѣ и мирную державу, и *царство* честьно и многолѣтно.[2] Общее сличеніе всѣхъ приведенныхъ мѣстъ въ нашихъ лѣтописяхъ показываетъ, что титулъ Царскій, бывъ приданъ въ первый разъ тому самому Государю, къ которому, по всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ, должно быть отнесено первое Царское вѣнчаніе на святой Руси, сдѣлался у насъ довольно употребителенъ уже въ продолженіи того самаго столѣтія, въ началѣ котораго занималъ престолъ Кіевскій и всея Руси этотъ доблестный Государь, «добрый страдалецъ за Рускую землю»[3], въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій бывшій душею всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ ко благу Отечества: и первымъ благоразумнѣйшимъ совѣтникомъ въ сужденіи о нихъ, и самымъ бодрымъ, дѣятельнымъ ихъ исполнителемъ, словомъ, Государь, вполнѣ заслужившій Царское достоинство и своими дѣяніями оправдавшій этотъ титулъ, ему присвоенный. А отсюда можемъ заключать, что, по всей вѣроятности, употребленіе Царскаго титула сдѣлалось бы у насъ въ скоромъ времени всеобщимъ и постояннымъ, если бы неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла Божія не угодно было, прежде возведенія Россіи на степень одного изъ величайшихъ царствъ въ мірѣ, очистить ее

---

[1] Ипат. Лѣтоп. стр. 115.

[2] Тамъ же, стр. 116.

[3] Тамъ же, стр. 10.

долговременнымъ и тяжкимъ испытанiемъ, подвергнувъ игу владыкъ варварскаго народа, которые, въ теченiи почти двухъ съ половиною столѣтiй, одни именовались Царями въ нашихъ оффицiальныхъ актахъ и въ самой общенародной рѣчи, и къ которымъ однимъ относились дошедшiя до насъ изъ тѣхъ вѣковъ, посредствомъ народнаго преданiя, пословицы: «до Бога высоко, до Царя далеко», «близь Царя, близь смерти», и подобныя. Впрочемъ, и въ это время къ тѣмъ Государямъ, которые наиболѣе прославились знаменитыми дѣянiями на пользу Отечества, по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ родѣ рѣчи могло быть прилагаемо наименованiе Царя, а къ верховному ихъ правленiю — Царства. Такъ, на примѣръ, въ «современной повѣсти о житiи и о храбрости Благовѣрнаго и Великаго Князя Александра» (Невскаго), котораго имя, ознаменованное множествомъ, одна другой славнѣйшихъ, побѣдъ надъ врагами «нача слыти по всѣмъ странамъ, и до моря Хонужьскаго, и до горъ Араратскихъ, и объ ону страну моря Варяжьскаго, и до великаго Риму», — въ часъ кончины котораго Митрополитъ Кирилъ съ горестiю воскликнулъ:... «уже зайде солнце Суздальской земли»; а народъ, услышавъ эту плачевную вѣсть, возопилъ: «уже погыбаемъ», — жизнеописатель предъ изложенiемъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ этой кончинѣ, говоритъ»:... «пострадаже Богови крѣпко, остави же *земное царство*», и пр.[1] А о славномъ первоначальникѣ Донской битвы, которой названiе увѣковѣчено современниками и потомствомъ, какъ отличительное имя этого Верховнаго Вождя соединенныхъ тогда на побѣду надъ врагами Русскихъ силъ, жизнеописатель его говоритъ въ слѣдующихъ выраженiяхъ: «*Великiй Царь* Димитрiй *Русскыя земли.... на престолѣ сѣдяше...., Царскую багряницу и вѣнецъ носяще, Царскый санъ*

---

[1] См. Псков. вторую Лѣтопись, въ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. т. V, стр. 2, 4—6.

держаше...., Себе именуеть Руской земли Царя». Въ этихъ послѣднихъ словахъ жизнеописатель повторяетъ извѣтъ, принесенный Мамаю врагами и завистниками Димитрія. А Князья Русскіе и вельможи начинаютъ отвѣтъ свой на рѣчь, въ которой онъ призывалъ ихъ положить головы за православную Вѣру, за города Русскіе и Св. Церкви Божіи, за женъ и дѣтей своихъ, словами: «*Господине Русскый Царю*». Въ другой, предсмертной рѣчи, Димитрій говоритъ имъ:... «съ вами *царствовахъ* и землю Рускую дрьжахъ».... Далѣе, въ разсказѣ составителя жизнеописанія:... «Сій же убо, Богомъ дарованную пріимъ власть и съ Богомъ все творя, веліе *Царство* створи и настоліе земли Русской яви»; . . . и т. д. [1] Въ началѣ же XIV столѣтія, В. Князь Василій Димитріевичь въ одномъ мирномъ договорѣ Псковитянъ съ Ливонскимъ Орденомъ, заключенномъ при посредствѣ этого Государя, титулованъ «Великимъ Княземъ или Королемъ Московскимъ, Императоромъ Русскимъ»[2]. Такимъ образомъ, и въ тяжкую для Россіи годину не прошло ни одного столѣтія, въ которомъ бы титулъ Царскій не былъ употребленъ въ примѣненіи къ тому или другому изъ ея Государей, въ томъ или другомъ родѣ рѣчи.

Между тѣмъ знаки Царскаго достоинства, принадлежавшіе первоначально Греческому Императору Константину Мономаху, а потомъ, по передачѣ отъ него, нашему В. Князю Владиміру Мономаху, не смотря на всѣ замѣшательства, нарушавшія спокойствіе и порядокъ въ нашемъ Отечествѣ, тщательно сохранялись, какъ драгоцѣнная для государства святыня, и передавались отъ однихъ Великихъ Князей къ другимъ, преемникамъ верховной ихъ

---

[1] См. «Слово о житіи и о преставленіи В. Кн. Дмитрія Ивановича, Царя Русьскаго,» написанное однимъ изъ современниковъ этого Государя, и внесенное въ разныя лѣтописи; въ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. IV. стр. 349 и сл.

[2] См. Ист. Госуд. Росс., Карамзина, т. V. прим. 202.

власти, какъ то можно видѣть изъ дошедшихъ до насъ духовныхъ грамотъ Государей, принадлежащихъ къ дому В. Кн. Іоанна Даниловича Калиты, —начиная отъ самаго этого Родоначальника Великихъ Князей Московскихъ, и продолжая до В. Князя Василія Васильевича, —гдѣ между другими драгоцѣнностями, завѣщаваемыми отъ отцевъ сыновьямъ, упоминаются: золотая цѣпь съ золотымъ крестомъ (а въ духовной грамотѣ В. Кн. Іоанна III Васильевича; «крестъ животворящее древо въ рацѣ Цареградской»), шапка золотая, бармы, коробка сердоничная (или. сердоличная) золотомъ кована (небольшая чаша, употребляемая при мѵропомазаніи нашихъ Государей).[1]

Наконецъ, година ниспосланнаго Небомъ испытанія миновалась, наступило время окончательнаго освобожденія Отечества отъ чуждаго ига, руки его взошли на плещи враговъ нашихъ,—какъ въ пророческомъ духѣ предсказывалъ Родоначальнику Московскаго Великокняжескаго Дома Первосвятитель Православной Русской Церкви, первый опочившій въ маломъ еще тогда сравнительно съ другими, а нынѣ столь обширномъ и великолѣпномъ, первопрестольномъ градѣ Русскаго государства. Пришло время, и древнему Царскому вѣнцу съ діадимою, то есть, св. бармами, изъ мѣста сокровеннаго храненія явиться очамъ всего народа въ новосозданномъ Возсоздателемъ величія Россіи, величественномъ Соборномъ

---

[1] См. духовныя грамоты В. Князей: Іоанна Даниловича, Іоанна Іоанновича, Димитрія Іоанновича, Василія Димитріевича, Василія Васильевича, въ Собр. Госуд. грам. и договор. т. І. № 21, 22, 25, 26, 30, 34, 39, 41, 42, 86. Въ духовной грамотѣ В. Кн. Іоанна III Васильевича, кромѣ крестовъ и св. иконъ, прочіе предметы порознь не упоминаются, а за отдѣленіемъ драгоцѣнностей, положенныхъ для каждаго изъ младшихъ сыновъ его въ особый ларецъ, всѣ остальныя вообще предоставляются старшему сыну и преемнику престола Василію Іоанновичу. Тамъ же, № 144.

храмѣ Богоматери, и имени *Царя* быть торжественно провозглашену въ томъ же храмѣ во услышаніе всего народа. Но какъ во многихъ другихъ дѣлахъ человѣческихъ не рѣдко случается, что полный успѣхъ бываетъ послѣдствіемъ не перваго опыта, а повторенныхъ усилій къ достиженію предположенной цѣли; такъ и въ этомъ важномъ государственномъ дѣлѣ первый опытъ не былъ еще дѣйствіемъ совершеннымъ, и благословеніе давалось здѣсь только на Великое Княженіе Володимирское, Московское и Новгородское; и именованіе Царя усвоялось не благословляемому, а тому Государю, который разсѣявъ мракъ, долго закрывавшій Россію отъ взоровъ западныхъ Европейскихъ Державъ, въ сношеніяхъ съ ними и самъ употреблялъ титулъ Царскій, и отъ первѣйшихъ между ними былъ почтенъ признаніемъ и усвоеніемъ ему этого титула. Къ нему-то обращался Митрополитъ Симонъ, по совершеніи священнодѣйствія, съ такимъ привѣтствіемъ: «Божіею милостію, радуйся и здравствуй, преславный Царю Иване, всея Русіи Самодержецъ», ...«на многа лѣта.»[1] Силамъ Россіи надлежало еще укрѣпиться и созрѣть до той степени, на которой она сама могла бы покорять царства враговъ своихъ подъ свою державу; и вотъ, спустя полвѣка послѣ перваго опыта, юный Государь, долженствовавшій ознаменовать себя славою такихъ побѣдъ и завоеваній, вѣнчается уже на *Царство Русское*, возложеніемъ на него животворящаго креста и Царскаго вѣнца и діадимы, которыми вѣнчанъ былъ прародитель его, Князь Великій Владиміръ Мономахъ; и это вѣнчаніе сопровождается, въ ближайшіе за нимъ годы, паденіемъ къ ногамъ нашего Государя царствъ Казанскаго и Астраханскаго, и распространеніемъ верховнаго обладанія его до ущелій Кавказскаго горнаго хребта; а подъ конецъ этого перваго въ

---

[1] См. чинъ вѣнчанія на Великое княженіе всея Россіи, Князя Димитрія Іоанновича, 1498, Февраля 4; въ Собр. Госуд. грам. и догов. т. II. № 25.

Россіи царствованія, горсть храбрецовъ, отвлеченныхъ отъ зла и направленныхъ къ добру внушеніями знаменитыхъ сколько своимъ богатствомъ, столько же и благонамѣренностію, подданныхъ, бьетъ челомъ Государю ся новымъ Царствомъ Сибирскимъ.

Столь счастливыми и славными для Отечества событіями сопровождавшееся, первое Царское вѣнчаніе, въ которомъ и Православная Восточная Греческая Церковь съ радостію приняла заочное участіе, посредствомъ благословенія на царство, преподаннаго Царю, по его желанію, первенствующимъ въ ней Патріархомъ и соборомъ высшихъ духовныхъ властей, [1] послужило начальнымъ звеномъ для цѣлаго ряда вѣнчаній, съ того времени и доселѣ непрерывно повторяющихся при каждомъ вступленіи вновь нашихъ Государей на престолъ Всероссійскій. При чемъ, мало по малу, и число знаковъ Царскаго достоинства увеличилось присоединеніемъ новыхъ къ прежде употреблявшимся, и самый торжественный обрядъ возложенія ихъ пополнялся новыми молитвами и чтеніями изъ Св. Писанія и въ особенности присовокупленіемъ къ нему таинственнаго мѵропомазанія. Это священное дѣйствіе, введенное въ нашей Церкви, безъ сомнѣнія, по указанію Церкви

---

[1] См. привед. выше Соборную грамоту, которой существенное содержаніе заключается въ слѣдующихъ словахъ: *τῇ ἐνεργείᾳ καὶ χάριτι τοῦ παναγίου καὶ ζωαρχικοῦ καὶ τελεταρχίκου πνεύματος, ἐπιχορήγει καὶ ἐπιβραβεύει* (Патріархъ съ Соборомъ Митрополитовъ и Епископовъ) *τῷ ῥηθέντι Βασιλεῖ κυρίῳ Ἰωάννῃ τοῦ εἶναι καὶ ὀνομάζεσθαι αὐτὸν εἰς Βασιλέα νόμιμον καὶ εὐσεβέστατον, ἐστεμμένον καὶ παρ᾽ ἡμῶν νομίμως ἅμα καὶ ἐκκλεσιαστικῶς.* Стр. 12. Въ грамотѣ Царя Іоанна къ Патріарху Іоасафу 1557 года: . . . «и намъ бы еси о нашемъ вѣнчаньѣ благословенье свое соборнѣ отписалъ своею грамотою». . . . А въ наказѣ Архимандриту Ѳеодориту, посланному съ этою грамотою; . . . «Ѳеодориту. . . говорити, чтобы Патріархъ послалъ ко Царю и Великому Князю благословенье о Царскомъ вѣнчаньѣ отъ себя и отъ всего собора Константинопольскаго». Тамъ же, стр. 33 и 34.

Греческой, посредствомъ доставленной отъ Патріарха Константинопольскаго Іоасафа книги Царскаго поставленія, [1] встрѣчаемъ уже въ чинѣ вѣнчанія на царство сына Іоаннова Ѳеодора въ 1584 году. Оно совершено на Божественной Литургіи, слѣдовавшей непосредственно за обрядомъ вѣнчанія, въ то время, когда окончено было пѣніе причастна, обыкновенно сопровождающее причащеніе въ алтарѣ Священнослужителей. Самъ Царь, вслѣдъ за мѵропомазаніемъ, также пріобщенъ Св. Таинъ. Что касается до обряда вѣнчанія Царя Ѳеодора Іоанновича, въ немъ усматриваемъ новый, прежде не употреблявшійся знакъ Царскаго достоинства, — скипетръ, который Митрополитъ вручилъ Царю послѣ возложенія на него животворящаго креста, св. бармъ и Царскаго вѣнца. Предъ самымъ врученіемъ скипетра, Митрополитъ, взявъ Царя за руку, поставилъ, а по врученіи скипетра посадилъ его на Царскомъ мѣстѣ. Сверхъ того, во время Божественной Литургіи, послѣ Херувимской пѣсни, Первосвятитель возложилъ на Царя золотую цѣпь, присланную Греческимъ Императоромъ Константиномъ Мономахомъ, вмѣстѣ съ другими Царскими знаками [2]. Державы въ этомъ обрядѣ вѣнчанія на царство еще не видимъ, можетъ быть потому, что она, не бывъ употребляема въ извѣстныхъ намъ по описаніямъ обрядахъ вѣнчанія Греческихъ Императоровъ, не была упомянута въ присланной отъ Патріарха книгѣ

---

[1] См. Опись Царскаго Архива, 1575 — 1584 г., въ Акт. Арх. Экспед. т. I. № 289: «Ящикъ 188-й, а въ немъ грамоты Патріарха Греческаго Іоасафа на царство Царю и В. Князю Ивану, да тетрать поставленія Царского»..., и проч. Курбскій, говоря о принесенномъ Ѳеодоритомъ отъ Константинопольскаго Патріарха благословеніи Царскаго вѣнчанія, присовокупляетъ: «а потомъ и книгу вскорѣ Царскаго Величества вѣнчанія всю Патріархъ прислалъ къ нему со своими послы до Москвы.» См. Сказанія Князя Курбскаго, изд. Н. Устряловымъ. Спб. 1833. Ч. I. стр. 183.

[2] См. чинъ вѣнчанія на Всеросс. царство Государя Царя Ѳеодора Іоанновича, 1584 Іюня 30; въ Собр. госуд. грам. и догов. т. II. N 51.

Царскаго поставленія. Между тѣмъ, она является уже въ числѣ другихъ Царственныхъ знаковъ, употребляемыхъ этимъ Государемъ при торжественныхъ пріемахъ иноземныхъ пословъ [1]. Въ обрядъ Царскаго вѣнчанія держава введена въ первое слѣдующее за тѣмъ царствованіе, подъ названіемъ яблока, которое вѣнчаемый Царь принялъ отъ Патріарха въ лѣвую руку, взявъ предъ тѣмъ въ правую скипетръ [2]. Въ первой половинѣ XVII столѣтія, образовавшійся такимъ порядкомъ обрядъ Царскаго вѣнчанія и мѵропомазанія совершался безъ всякихъ прибавленій и измѣненій [3]. Во второй половинѣ этого

---

[1] Въ самый первый годъ своего царствованія Ц. Ѳеодоръ Іоанновичь, принимая Польскаго Посла, Сапѣгу, «сидѣлъ въ столовой избѣ, въ Царскомъ платьѣ, съ скифетромъ и съ Царскимъ яблокомъ»; а въ послѣдній годъ, при пріемѣ Авраама Бургграфа, посла Императора Рудольфа, Царь «сидѣлъ въ своемъ Царскомъ мѣстѣ, въ большомъ Царскомъ платьѣ, и въ діадимѣ, съ скифетромъ»;.... «а у Государя».... «стоялъ».... «Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ, держалъ Царского чину яблоко золотое.» См. Памятники дипломатич. сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. II. столб. 485 и 556. Ср. выписку изъ дѣлъ Польскихъ, въ Ист. Госуд. Росс., Карамзина, т. X. примѣч. 58.

[2] См. чинъ вѣнчанія на царство Ц. Бориса Ѳеодоровича, 1598, Сент. 3; въ Дополн. къ Акт. Историч. т. 1. N 145. Въ позднѣйшихъ чинахъ вѣнчанія на царство, для означенія державы употребляются выраженія: яблоко Царскаго чина, яблоко владомое, яблоко державное, или, самодержавное, а въ старыхъ описяхъ Большой Царской Казны: яблоко великодержавное. Названіе «державы» употреблено въ первый разъ въ чинѣ вѣнчанія Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей 1682 Іюня 25,—хотя уже въ описи Большой Казны Ц. Михаила Ѳеодоровича, составленной въ 1642 г., значеніе этого яблока выражено словами: Держава Россійскаго Царствія. Позже, въ описаніи коронаціи И. Екатерины Алексѣевны, 1724 Мая 7, употреблено выраженіе: державный глобусъ. Ср. приведенные въ слѣдующемъ примѣчаніи чины Царскихъ вѣнчаній; и Древности Росс. госуд. Отд. II. стр. 31 и 32.

[3] См. чины вѣнчанія Царей: Михаила Ѳеодоровича, 1613, Іюля 11, въ Собр. госуд. грам. и догов. т. III. N 16; Алексѣя Михаиловича, 1645, Сент. 28,

столѣтія, предъ вѣнчаніемъ Царя Ѳеодора Алексѣевича, Патріархъ Іоакимъ, непосредственно послѣ Царской рѣчи, которою тогда обыкновенно начиналось это священнодѣйствіе, и прежде своей отвѣтной на нее рѣчи, предложилъ Царю вопросъ: «Великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичь! Како вѣруеши и исповѣдуеши Отца и Сына и Святаго Духа?» Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Царь произнесъ символъ Православной Вѣры. Прежде другихъ Царскихъ знаковъ, на этого Царя возложена была поданная Патріархомъ особая «Царская одежда» или «новое Царское платье», въ замѣнъ того верхняго одѣянія, въ которомъ Царь шествовалъ изъ своихъ чертоговъ въ Грановитую палату, а оттуда въ Соборную Церковь Успенія Пресвятыя Богородицы [1]. По совершеніи мѵропомазанія,

---

Ѳеодора Алексѣевича, 1676 Іюня 16, Іоанна и Петра Алексѣевичей; — въ Древн. Росс. Вивліоѳ. т. VII. стат. V. VI. VIII.

[1] Въ выходахъ Государей Царей и В. Князей, на с. 622:.... «и пришедъ въ Соборную Церковь» ....«взошелъ на свое Государево уготованное мѣсто».... «и ему Великому Государю подалъ святѣйшій Іоакимъ, Патріархъ Московскій и всея Русіи, его Государево новое Царское платно, бархатъ двоеморхъ по рудожелтой землѣ по травамъ низано жемчугомъ въ одно зерно, круживо нашито низано жемчугомъ съ запаны золотыми съ каменьи, съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды.» Верхнее одѣяніе, въ которомъ Государь пришелъ въ Церковь описанъ такъ: «опошень, объярь по серебреной землѣ травы золоты оксамичены, нашивка и круживо низано жемчюгомъ въ одно зерно, пуговицы изумрудныя.» Очевидно, Царское платно замѣняло и въ этомъ обрядѣ вѣнчанія, и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ тѣхъ временъ, Царскую порфиру, — хотя и по формѣ своей, равно какъ по цвѣту, отличалось отъ позже вошедшей у насъ въ употребленіе порфиры, или Императорской мантіи, имѣя одинаковую длину какъ напереди, такъ и позади корпуса, рукава, не очень долгіе, но весьма широкіе, и полы, запахивающіяся одна на другую, подобно инымъ тогдашнимъ верхнимъ одеждамъ. По этому трудно повѣрить разсказу Горсея, въ Coronation of Theodor Iwanowicz, будто бы Царь Ѳеодоръ Іоанновичь, во время своего вѣнчанія на царство, имѣлъ на себѣ Царскую мантію, которой шлейфъ держали

для причащенія Св. Таинъ, Царь введенъ былъ во Св. алтарь Царскими дверьми, и приобщенъ по образу священнослужителей;[1] чего въ прежнихъ чинахъ вѣнчанія на царство не видно. Какъ особенность вѣнчанія Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, можно замѣтить, что поелику оно должно было совершиться надъ обоими Царями въ одно время, для младшаго изъ Царственныхъ братьевъ потребовалось изготовить особые Царскіе знаки и принадлежности вѣнчанія на царство, которые и были устроены по образцу прежнихъ, дотолѣ постоянно употреблявшихся для этой цѣли.

Между тѣмъ, съ этого времени нѣкоторые изъ древнѣйшихъ знаковъ Царскаго достоинства перестали быть употребляемы, какъ непосредственныя орудія торжественнаго облеченія нашихъ Государей символами Верховной Власти. Поводъ къ этому заключался въ тѣхъ чрезвычайныхъ событіяхъ, которыми ознаменовалось царствованіе Петра Великаго. Безпримѣрными въ исторіи государствъ подвигами, простиравшимися на всѣ сферы правительственной дѣятельности, во время своего довольно продолжительнаго, хотя для блага нашего Отечества еще слишкомъ рано пресѣкшагося царствованія, безсмертный Преобразователь Россіи возвелъ ее на такую степень величія и славы, что она, совершенно затемнивъ собою

шесть Князей. Впрочемъ, платно, вопреки замѣчанію Катаева, на стр. 83 привед. выше сочиненія его, различалось отъ кафтана по своей формѣ, тѣмъ что не имѣло стана, и потому было свободнѣе въ ношеніи и могло казаться великолѣпнѣе. Ср. Древности Росс. госуд. Отдѣл. II. стр. 91, и рисунки N 48 — 50. Въ изображенномъ на этихъ рисункахъ платнѣ Ц. Алексѣя Михаиловича, въ числѣ другихъ «травъ» находятся короны; что̀ указываетъ на особое приготовленіе бархатныхъ и другихъ, самыхъ дорогихъ матерій, предназначавшихся для одеждъ этого рода. Ср. Древн. Росс. госуд. Отд. II. с. 97.

[1] См. Древн. Росс. Вивліоѳ. т. VII. стр. 360.

одну изъ Европейскихъ державъ, дотолѣ считавшуюся въ числѣ первостепенныхъ, и превзошедши большую часть другихъ своимъ могуществомъ, имѣла полное право, не уступать первенства даже той державѣ, за которою оно долго было упрочено почти всеобщимъ согласіемъ и обычаемъ, утвердившимся въ теченіи нѣсколькихъ предъидущихъ столѣтій,—хотя оно и прежде было иногда оспориваемо у нея нѣкоторыми государствами, далеко не равнявшимися съ Россіею въ тогдашнемъ ея положеніи. Сознаніе этого вновь пріобрѣтеннаго, возвышеннаго положенія и чувство благоговѣйной признательности къ единственному его Виновнику, заставило преобразованную имъ Россію, въ лицѣ членовъ высшихъ правительственныхъ установленій, поднести ему, вмѣстѣ съ другими прекраснѣйшими и наиболѣе лестными для Государей титулами: Великаго и Отца Отечества, титулъ Императора Всероссійскаго. Петръ Великій самымъ принятіемъ этого титула выразилъ, что онъ считаетъ возсозданное имъ для новой политической жизни и гражданской дѣятельности государство достойнымъ занять мѣсто наравнѣ съ первою Европейскою державою того времени. И какъ въ древней Россіи, полное возстановленіе Единовластія и Самодержавія ознаменовалось вѣнцемъ Царскимъ, которымъ съ того времени вѣнчались ея Государи: такъ теперь, когда обновленная Россія взошла на степень первѣйшихъ Державъ Христіанскаго міра, новая, Императорская корона должна была сдѣлаться многознаменательнымъ символомъ дальнѣйшей блистательной судьбы ея. Вскорѣ представился и случай къ употребленію Императорской короны на самомъ дѣлѣ. Чрезъ два года послѣ принятія Императорскаго титула, Петръ Великій, желая вознаградить свою Супругу за дѣятельное соучастіе въ совершенныхъ имъ тяжкихъ подвигахъ и въ предстоявшихъ ему чрезвычайныхъ опасностяхъ, явившее въ ней великую помощницу въ исполненіи предначертаній его ко благу Россіи, изданнымъ во

всеобщее извѣстіе манифестомъ объявилъ принятое имъ намѣреніе, отличить свою Царственную Сотрудницу такою почестію, которая дотолѣ не была удѣломъ ни одной изъ супругъ нашихъ Православныхъ Царей. [1] Правда, и онѣ, въ дни вѣнчанія Супруговъ ихъ на царство, и въ дни вступленія своего въ брачный съ ними союзъ, и при другихъ торжественныхъ случаяхъ, являлись очамъ народа въ великолѣпной Царской одеждѣ и съ золотымъ вѣнцемъ на головѣ, которые ослѣпляли и вмѣстѣ привлекали взоръ блескомъ драгоцѣнныхъ камней и нѣжными переливами самыхъ отборныхъ восточныхъ перловъ. [2] Но тогда не было совершаемо ни торжественнаго облеченія въ Царскія одежды и возложенія Царскаго вѣнца, съ молитвами и благословеніемъ Церковнымъ, ни таинственнаго мѵропомазанія. Между тѣмъ, и Греческіе Императоры, и по примѣру ихъ, Западные Европейскіе Государи частію пріобщали своихъ супругъ къ собственному коронованію, частію же совершали надъ ними этотъ обрядъ особо, когда вступали въ бракъ послѣ своего коронованія. Основываясь на этихъ примѣрахъ, которыхъ, нѣсколько поименовано въ приведенномъ нами манифестѣ, И. Петръ Великій, въ особомъ торжественномъ обрядѣ, совершенномъ 7 Мая 1724 года, при посредствѣ первѣйшихъ тогдашнихъ Архіереевъ и Духовныхъ властей, съ приличнымъ молитвословіемъ, заимствованнымъ изъ чиновъ прежняго Царскаго вѣнчанія, возложилъ на первую Всероссійскую Императрицу, Екатерину Алексѣевну, вновь изготовленную Императорскую мантію и Императорскую корону, со врученіемъ ей притомъ державнаго глобуса, между тѣмъ какъ

---

[1] 1723 Ноября 15. Полн. Собр. Закон. Росс. Имперіи, т. VII. № 4336.

[2] Это можно видѣть, на прим., въ описаніи бракосочетанія Царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіею Лукьяновною Стрѣшневою. См. Дворц. Разряды. Спб. 1850, Т. I. столб. 767.

Императорскій скипетръ, во время совершенія этого обряда, находился въ рукѣ самаго Императора. На Божественной Литургіи, слѣдовавшей за окончаніемъ обряда коронованія, въ установленное время, нововѣнчанная Императрица помазана Св. муромъ и пріобщена Св. Таинъ. Это, невиданное дотолѣ въ нашемъ Отечествѣ, теперь въ первый разъ надъ Царственною Особою женскаго пола совершившееся, торжественное дѣйствіе, оказалось въ послѣдствіи времени заключающимъ въ себѣ важное предзнаменованіе. Еще прежде того за нѣсколько лѣтъ, попечительный о будущей судьбѣ своего государства Монархъ предоставилъ своему особому усмотрѣнію назначеніе Преемника своей Верховной Власти и соединенныхъ съ нею заботъ объ упроченіи введеннаго имъ новаго устройства и порядка государственнаго управленія. Но какъ смерть, пресѣкшая безцѣнные для Россіи дни этого величайшаго изъ Государей неожиданно, въ возрастѣ полнаго мужества, бодрости духа и крѣпости тѣлесной, воспрепятствовала ему выразить ясно послѣднюю волю свою относительно престолонаслѣдія: то кормило верховнаго правленія государствомъ, какъ бы само собою, перешло въ руки Государыни, не только бывшей Сотрудницею въ немъ своего Супруга, но и не задолго предъ тѣмъ коронованной и принявшей въ свою десницу державный глобусъ,—символъ владычества надъ земнымъ царствомъ. Такимъ образомъ, вѣнчанная Петромъ В. Супруга его начала собою рядъ Императрицъ, которыя правили государствомъ, съ небольшими перерывами, почти во все дальнѣйшее продолженіе прошедшаго столѣтія. Между тѣмъ, мужеская отрасль Петрова корня, возрасла въ твердое и величественное Родословное Древо, начавшее благотворно осѣнять своими обширными и многочисленными вѣтвями неизмѣримое Руское государство со времени воцаренія Императора Павла I, какъ Родоначальника всѣхъ поколѣній Всероссійскаго Императорскаго Дома, не только въ настоящее время, но и въ отдаленнѣйшей будущности призываемыхъ къ преемству престола

въ опредѣленномъ порядкѣ, который, послѣ предшествовавшихъ колебаній, однажды навсегда твердо и неизмѣнно установленъ актомъ этого Государя, заблаговременно составленнымъ по соглашенію съ Супругою его, Государынею Маріею Феодоровною, и торжественно утвержденнымъ въ день единовременнаго ихъ коронованія, 5 Апрѣля 1797 года.[1] Для коронованія Императора Павла I, сдѣлана была вновь большая Императорская корона, неоцѣнимая по рѣдкости, величинѣ и красотѣ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней ее покрывающихъ; для Императрицы, коронованной, по соизволенію этого Государя, совокупно съ нимъ, — другая меньшая, отличающаяся изяществомъ формы и превосходствомъ работы. Особенность, относившаяся собственно къ коронованію Императора Павла I была та, что прежде всѣхъ Царственныхъ знаковъ, на него возложенъ былъ далматикъ, именно предъ самымъ возложеніемъ Императорской мантіи или порфиры, за которымъ обыкновенно слѣдуетъ возложеніе самими Императорами на свою голову короны, и принятіе въ правую руку скипетра, а въ лѣвую державы.

Сверхъ того, внѣшнее великолѣпіе Императорскихъ коронованій вообще увеличилось присоединеніемъ къ прежде употреблявшимся знакамъ Царскаго достоинства нѣкоторыхъ новыхъ предметовъ въ качествѣ государственныхъ регалій; каковы наприм.: государственное знамя, государственный мечь и под., предносимыя шествующему изъ своихъ чертоговъ въ соборный храмъ Императору; а также употребленіемъ балдахина, несомаго надъ Императоромъ и Императрицею во время ихъ шествія, громомъ военныхъ орудій, присоединяющимся къ колокольному звону, издревле употребительному, и другими подобными принадлежностями.

---

[1] См. Полн. Собр. Зак. т. XXIV. № 17,910, Ср. Свода Зак. 1842, т. I. Закон. Основн. ст. 3—17.

Самый составъ священнодѣйствія сопровождающаго торжественное облеченіе знаками Верховной власти, увеличенъ и усовершенъ въ Императорскихъ коронованіяхъ новымъ молитвословіемъ, чтеніями и пѣснопѣніемъ.

Таинственное мѵропомазаніе совершается въ тоже время и тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ древнихъ чинахъ Царскаго вѣнчанія. За нимъ непосредственно слѣдуетъ пріобщеніе Св. Таинъ, для котораго Императоръ вводится въ алтарь, и которое совершается по образу Священнослужителей; какъ то, равномѣрно, наблюдалось уже въ двухъ послѣднихъ Царскихъ вѣнчаніяхъ. Императрица, если она коронуется вмѣстѣ съ Императоромъ, помазывается св. мѵромъ непосредственно послѣ Императора, и также послѣ него, пріобщается Св. Таинъ внѣ алтаря, по общему правилу.

Обрядъ священнаго коронованія и мѵропомазанія нашихъ Государей, есть таинственное Священнодѣйствіе, въ которомъ Св. Церковь удостовѣряетъ своимъ непреложнымъ свидѣтельствомъ, что Монархъ, призванный къ преемству престола въ установленномъ Основными Государственными Законами порядкѣ, по силѣ самаго рожденія своего, пріемлетъ независимую отъ произвола народныхъ избраній, Верховную власть свою непосредственно отъ Вышняго, владѣющаго царствами человѣческими (Дан. IV. 29), и Единаго, дающаго своимъ Избранникамъ Царскіе вѣнцы, и утверждающаго въ рукахъ ихъ скипетръ и державу; и что при видимомъ возложеніи Императоромъ короны на свою главу, самъ Богъ, Царь славы, невидимо вѣнчаетъ въ немъ Главу своего народа. За тѣмъ, совершая надъ Вѣнценосцемъ таинственное мѵропомазаніе, Св. Церковь, съ одной стороны, укрѣпляетъ духовныя и тѣлесныя силы его на высочайшій и вмѣстѣ труднѣйшій изъ всѣхъ земныхъ подвиговъ, — подвигъ Верховнаго управленія государствомъ; а съ другой стороны, утверж-

даетъ неприкосновенность Помазанника Божія и ограждаетъ Верховную власть, во всѣхъ правительственныхъ ея дѣйствіяхъ, отъ вліянія какой бы то ни было другой человѣческой власти и силы. (Псал. CIV. 15). Освящая такимъ образомъ Особу Царскую, Св. Церковь является какъ бы живымъ и дѣятельнымъ орудіемъ, посредствомъ котораго самъ Небесный Царь возноситъ земнаго Царя на высочайшую степень возможной для человѣка высоты, недосягаемую ни для кого изъ подданныхъ, и всѣмъ имъ равно, безъ различія высшихъ и низшихъ сословій, внушающую благоговѣйное къ нему уваженіе. (Псал. LXXXVIII. 20, 21). Между тѣмъ, всѣ вѣрные подданные, призванные къ тому особымъ, предварительнымъ извѣщеніемъ о предстоящемъ священномъ короновании и мѵропомазаніи Государя, поспѣшаютъ присоединить свои усердныя мольбы къ Его теплымъ молитвамъ: да изліется благодать Божія на Него и на Его Царство, и да укрѣпитъ силы Его на великое Царственное служеніе. Такимъ образомъ, все это таинственное священнодѣйствіе дѣлается знаменіемъ и залогомъ благости Божіей къ Царю и Царству, и вмѣстѣ печатію любви, соединяющей Царя съ своимъ народомъ, для счастія и благоденствія котораго жить и дѣйствовать, онъ вмѣняетъ себѣ въ священнѣйшую обязанность, и торжественно возлагаетъ на себя этотъ обѣтъ предъ лицемъ Бога и предъ цѣлымъ свѣтомъ. Такъ представляли себѣ важность и высокое значеніе священнаго коронованія и мѵропомазанія наши Великіе Государи, сознавая то во глубинѣ своей души, и выражая ясными словами въ тѣхъ торжественныхъ актахъ, которыми они объявляли во всенародное извѣстіе о намѣреніи своемъ совершить это священнодѣйствіе, слѣдуя въ томъ примѣрамъ древнихъ Царей Израильскихъ, Православныхъ Греческихъ Императоровъ и своихъ благочестивыхъ Предковъ, Самодержцевъ Всероссійскихъ [1]. Между тѣмъ

---

[1] См. Высоч. Маниф. 17 Апрѣля 1856 года о священномъ коронованіи и мѵропомазаніи Государя Императора Александра Николаевича.

какъ въ государствахъ Западной Европы, въ послѣднія времена, за оскудѣніемъ духа Вѣры, а вмѣстѣ съ нимъ и чувства преданности и повиновенія Государямъ со стороны народа, дерзнувшаго присвоять себѣ самое начало и основаніе ихъ власти, этотъ торжественный обрядъ облеченія царственными знаками началъ отчасти приходить въ забвеніе, или по крайней мѣрѣ выходить изъ постояннаго и непремѣннаго употребленія, — въ нашемъ Отечествѣ, съ самаго перваго Царскаго вѣнчанія, совершившагося слишкомъ за три столѣтія до настоящаго времени, рядъ сперва Царскихъ вѣнчаній, а потомъ Императорскихъ коронованій, продолжался непрерывно, повторялсь въ началѣ каждаго царствованія, въ первопрестольномъ городѣ, въ древнемъ соборномъ храмѣ его.

Возлюбленный нашъ Монархъ, принявъ въ Свои державныя руки кормило государственнаго правленія положилъ въ сердцѣ Своемъ, «дотолѣ не приступать къ совершенію Коронованія, доколѣ не умолкнетъ громъ брани, потрясавшій предѣлы государства, и не престанетъ литься кровь доблестныхъ, Христолюбивыхъ воиновъ, ознаменовавшихъ себя, въ защитѣ Отечества, подвигами необыкновеннаго мужества и самоотверженія», — и только послѣ того, какъ благодатный миръ возвратилъ Россіи прежнее спокойствіе, Онъ вознамѣрился, по примѣру Благочестивыхъ Государей, Предковъ своихъ, возложить на Себя корону и принять св. миропомазаніе, приобщивъ къ этому священному дѣйствію и Царственную Супругу Свою, Государыню Императрицу Марію Александровну. [1]

Ср. подобные манифесты Императоровъ: Николая I, 21 Апрѣля 1826; Александра I, 20 Мая 1801; Павла I, 18 Декабря 1796; и другіе, изданные въ прошедшемъ столѣтіи, при началѣ каждаго царствованія.

[1] См. приведенный Высоч. Манифестъ 17 Апрѣля 1856 года.

Православный народъ Русскій всегда отъ всей полноты души сочувствовалъ всякой радости и горести своихъ Самодержавныхъ Государей и другихъ Членовъ Царствующаго Дома, будучи твердо убѣжденъ, что Самодержавіе нераздѣльно съ его благоденствіемъ, съ твердостію и могуществомъ неизмѣримаго по своей обширности Русскаго Царства. Если сознаніе всѣхъ благогодѣяній, постоянно изливаемыхъ нашими Самодержцами на любезную имъ Россію, не можетъ не наполнять нашихъ сердецъ чувствомъ радости при всякомъ счастливомъ и благопріятномъ событіи въ нашемъ Императорскомъ Домѣ: то нынѣ совершившееся, уже само по себѣ всерадостное и восхитительное, торжество заставляетъ насъ взирать на нашего Монарха тѣмъ съ бо́льшимъ восторгомъ, благоговѣніемъ и умиленіемъ, что, прежде чѣмъ Онъ торжественно возложилъ на себя величественный и блистательный Императорскій вѣнецъ, нѣжное сердце его понесло много заботъ и горести — при каждомъ извѣстіи о пролитой крови храбрыхъ сыновъ его для защиты Отечества. Такъ Небо ниспосылаетъ иногда Своимъ Избранникамъ особенныя испытанія, чтобы сдѣлать ихъ тѣмъ искуснѣе въ исполненіи предлежащихъ имъ обязанностей и тѣмъ достойнѣе своихъ милостей. Замѣчательно, что умиротвореніе Отечества, было первою заботою, и славнаго Героя древней Россіи, Святаго Александра Невскаго, и Александра Благословеннаго. Да послужатъ имена этихъ Государей благопріятными знаменіями для освященнаго нынѣ торжественно царствованія Монарха, уподобляющагося имъ не однимъ именемъ, но и качествами Царственной благости, кротости, вниманія къ положенію и потребностямъ своихъ подданныхъ, предусмотрительной заботливости о настоящемъ спокойствіи и о будущемъ преспѣяніи государства. Съ благоговѣйною покорностію предавая будущую судьбу нашего Отечества и Верховнаго его Правителя въ волю Небеснаго Промысла, мы ни чѣмъ лучше не можемъ заслужить и привлечь къ себѣ благость и милость Божію,

какъ соединенными усиліями къ осуществленію на самомъ дѣлѣ благихъ намѣреній и желаній, изреченныхъ Монархомъ при всенародномъ извѣщеніи мира, успокоившаго Россію: «да утверждается и совершенствуется внутреннее ея благоустройство; правда и «милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду «и съ новою силою, стремленіе къ просвѣщенію и всякой полез-«ной дѣятельности; да наслаждается каждый, въ мирѣ, подъ сѣ-«нію законовъ, плодами невинныхъ трудовъ своихъ; и свѣтъ спа-«сительной Вѣры, озаряя умы и укрѣпляя сердца, да сохраняетъ «и улучшаетъ общественную нравственность, — вѣрнѣйшій залогъ «порядка и счастія».[1]

Къ Тебѣ, о Кроткій и Благодушный Монархъ, изрекшій съ высоты Престола эти священныя слова, дышущія любовію къ подданнымъ, обращаются сердца и взоры множества народовъ и племенъ, населяющихъ Твое неизмѣримое Царство; въ Твоихъ радостотворныхъ очахъ они хотятъ узрѣть свое счастіе и благоденствіе; на Тебя возлагаютъ они свои надежды и ожиданія правосуднаго и благотворнаго Царствованія; управляемые Твоимъ скипетромъ и охраняемые Твоею державою, обрѣтутъ они въ своей мирной дѣятельности удовлетвореніе потребностей не только обыкновенной внѣшней жизни, но и высшихъ, умственныхъ и нравственныхъ, исполненіе своихъ желаній, общее довольство и преуспѣяніе. Мы, чтители и истолкователи Правды Божеской и человѣческой, не можемъ къ этому всеобщему благожеланію присовокупить ничего другаго, кромѣ исходящей изъ глубины души молитвы ко Всевысочайшему Источнику и Подателю всѣхъ благъ: Боже! Судъ Твой Цареви даждь и Правду Твою Сыну Цареву. Да возсіяетъ во днехъ Его Правда и мно-

[1] См. Высочайшій Манифестъ, изд. 19 Марта 1856 года.

жество мира! Да насладится наше любезное Отечество, подъ кроткимъ и мудрымъ правленіемъ Возлюбленнаго Монарха, не прерывающимися до отдаленнѣйшей будущности днями мира и тишины, счастія и благосостоянія; да процвѣтаютъ въ немъ науки, искусства и всѣ роды дѣятельности, полезной и благодѣтельной для человѣчества; и дѣйствуя такимъ образомъ, да удостоимся всѣ мы нѣкогда быть допущены къ участію въ царствѣ вѣчной славы Божіей, гдѣ и Верховный Руководитель нашъ къ этой высочайшей цѣли стремленія всѣхъ Царей и народовъ, — къ нескончаемому царству праведныхъ, — положивъ свой временный, земной вѣнецъ предъ Престоломъ Царя Царей, владычествующаго надъ всѣмъ міромъ, пріиметъ въ замѣнъ его неувядающій вѣнецъ славы![1]

---

[1] Псал. LXXI. 1, 7. 1 Коринѳ. IX. 25. 1 Петр. V. 4. Апок. IV. 10 V. 10. XI. 15.

DIEI

FESTI ATQUE SOLENNIS,

QUO

ALEXANDER II,

AUGUSTISSIMUS OMNIUM ROSSIARUM IMPERATOR

AC DOMINUS NOSTER CLEMENTISSIMUS,

DIADEMA CAESAREUM

INDUIT,

GRATULATIO,

QUAM IN MAXIMO UNIVERSITATIS MOSQUENSIS AUDITORIO,

DIE XXXI-o MENSIS AUGUSTI, ANNI MDCCCLVI-i,

ORATIONE COMPLEXUS EST

NICOLAUS ANKE,

ORDINIS MEDICORUM DECANUS.

A. O. O. H.

Ante hos jam amplius centum annos ***Potentissima Imperatrix Elisabetha, Petri Magni filia,*** consilio prudenti atque salutari primam omnium in Rossia Universitatem Mosquensem, velut almam literarum in amplissimo terrae imperio matrem futuram, constituit; ideoque per centum annos ***Augustissimi Imperatores*** et ***Imperatrices***, pro Sua consuetudine et liberalitate, hanc nostram Academiam innumeris usque beneficiis auxerunt et ornarunt. Quis est, qui nesciat nec admiretur, hoc templum Musis sacratum neque bellorum atrocitate, nec incendiorum saevitia, nec aliarum calamitatum ulla vi unquam labefieri, nedum percelli potuisse? Principes nostri, gentis Rossicae custodes et conservatores optimi, maxima cum cura et benignitate non solum omnia damna compensare ac restituere maturarunt, verum etiam, uti prosperitate semper cupienda uteremur, effecerunt.

Quodsi etiam beneficiorum in Universitatem collatorum magnitudinem multitudinemque vix quisquam oratione ornare, aut consequi potest, tamen quotannis professores, viris omnium ordinum honoratissimis coram, publice gratis animis piaque mente reminiscendo ea recognoverunt et admirantibus in memoriam revocarunt. At vero quum solemnia anniversaria hoc anno jam concelebrata fuerint: qui fit, ut maximum auditorium nostrum tanta virorum ornatissimorum frequentia iterum condecoretur et honoretur?

Iam Universitas literarum, in antiquo Imperii Rossici capite fundata, quae cum perenni Patriae caritate, tum incorrupta erga Patriae Parentes fide excellit semperque excelluit, occasioni non potest deesse, sed laetitiam, qua nunc afficitur exsultatque, summam cum omnibus, qui se in Rossiae ditione versari gaudent atque gloriantur, publice mavult communicare, quam in sinu suo tectam includere. Quocirca, pristini moris memor majoresque imitata, qui idem nec alia mente fecerunt, hoc die, me quidem interprete, pia et solemnia vota sua nuncupat: gratulatur enim omnibus in Imperii Rossici immensitate natis mortalibus novum Patriae Patrem ***Alexandrum*** et nomine et omine ***Secundum***, ad Quem nutu Divino Corona Caesarea nuperrime delata est! gratulatur ***Imperatorem*** Corona ornatum Eumque Coronam ornantem!

Utinam probe sentientem me, quantopere dicendi facultate et copia caream, Deus propitius verba invenire digna sinat, quibus eventum toti Rossiae opportunum et faustum satis praedicare possim! Profecto conor tenuis grandia, ut Flacci verbis utar, dum pudor imbellisque lyrae potens Musa Caesaris laudes culpa ingenii deterere vetat.

Primum, sicut fortes creantur fortibus, ita Ille, Qui nunc Diadema tutum sustinet, regno successit Patri et Suo et Patriae optimo: Qui, quum triginta fere annos regnavisset, disjunctissima Rossiae loca munificentiae velut ingenio admovit immensaque spatia liberalitate contraxit, nationum multitudine innumerabilium, quae dicto Ipsius audientes fuerunt, saluti praeclare consuluit, gravissima caritatis paternae documenta ubivis reliquit, et Universitatem Mosquensem beneficentiae Suae monumentis cumulavit. Ingens vero, ut exemplum afferam, benevolentia atque gratia est significata rescripto, quo ***Imperator Clementissimus***, paullo ante solemnia secularia celebranda, die XX-^{o}, mensis Decembris, anni MDCCCLIV-^{i}, Universitatem nostram colendam curavit, ac non sine communi omnium nostrum laude totius seculi professoribus Ipse praeconium tribuit: neque enim superioris modo

aetatis professorum de Patria merita honorificentissime agnovit, verum etiam studium et operam nostram qualemcunque verbis immortali memoria retinendis et conservandis comprobavit: quo majus pretiosiusque praemium nobis persolvi nullum potuit!

Sed ego quid exempla affero? quid rescripta dictito? Commemorationem nominis Sui praeclari cum omni posteritate adaequavit et ***Imperator Potentissimus*** et homo praestantissimus: quod enim viro forti adimi non potest, id manet et permanebit. Universa Ejus in Patriam nostram promerita non dicam complecti orando, sed ne numerando quidem percensere quisquam potest; perpetua tamen rerum gestarum historia Ejus virtutum invenietur praeco, neque unquam ulla aetas de Ejus laudibus conticescet. Illa, illa, cum Tullio inquam, erat Ejus vita, quae vigebit memoria seculorum omnium, quam posteritas alet, quam ipsa aeternitas tuebitur. — Neque profecto unquam erit tempus, quo Ejus in nos beneficiorum memoria et fama sit in pectore nostro interitura.

Piissime lugemus lugebimusque, quoad meminerimus, ***Divum Nicolaum Primum.***

At summum omnium, quod Ei debemus, bonum ac beneficium hoc est, quod Rossiae Suae et civibus Suis ***Principem*** ac ***Dominum*** reliquit, qualem fingant cogitatione et optent votis, qui sapienter fingere et optare velint, munimentum imperii, aulae subsidium, totius orbis terrarum decus. Hujusce filii pater magis, ut Vellejus de Metello dixit, feliciter de vita migravit, quam mortuus est.

Dignum laude virum Musa vetat mori;
Coelo Musa beat.

Hoc unum est nobis solatio, quod toti Rossiae a Deo datus, a ***Divo Imperatore*** relictus in Ejusque locum substitutus est ***Alexander Secundus***, Qui vere noster est, natus in candida sacraque nostra metropoli.

Desideriis icta fidelibus,
Quaerit patria Caesarem.

Instar veris enim vultus ubi tuus
Affulsit populo; gratior it dies
Et soles melius nitent.

Hic quidem amor et deliciae nostrae, Hic ***Alexander***, ***Nicolai*** filius, non modo summae maximo in imperio est potestatis, verum etiam literarum artiumque patrocinii heres: Qui ad Majestatem Imperatoriam nondum evectus, haud indignam habuit Universitatem Mosquensem, Cujus non modo Socius Honorarius diceretur, sed et scholis hic habitis interesset. Quaerentibus, quinam Ordo tam insigni tamque raro honore auctus fuerit? gratissimo animo respondemus nostrum fuisse Medicorum Ordinem ita ornatum honoratumque. Cognitionis enim cupiditate impulsus, scientiaeque studio et ardore flagrans juvenis ***Imperii Heres***, ut admirabilem corporis humani fabricam contueretur et interiorum praesertim partium situm colligationemque perspiceret, pluribus scholis anatomicis interfuit. Felices illos, fatus est Plinius ad Trajanum, quorum industria non per internuntios et interpretes, sed ipso te, nec auribus tuis, sed oculis probabatur.

Coeperat regni gubernacula tractare belli atrocissimi tempore, quo totius fere Europae securitas et salus in tanto discrimine versabantur. Quis est nostrum, qui tantae molis obliviscatur? Attamen hac ipsa tempestate nos nulla re carebamus, inter arma neque leges neque Musae apud nos silebant; quasi bona pace frueremur, securi poteramus et ips literis artibusque operam navare et juvenum Academiae civium utilitati prospicere eorumque studia observare. Inter strepitum armorum, quae totum fere orbem exagitaverant, intentis viribus cum nullus professorum ullam officii partem deserebat, tum inprimis Medicorum Ordo, idquod publice profiteri non erubesco, omni ope et opera connitebatur, ut disciplinae suae alumni et medicinam, eamque potissimum partem, quae practica dici solet, et chirurgiam diligentissime colerent et exercerent. Atque ita nobis contigit, ut, ubi usus fuit, ducentos fere me-

dicos ad opem sauciis ac laborantibus ferendam paratos ad exercitum soli patrii defensorem in tempore mitteremus. Quamobrem jam ***Divus Imperator*** non tantum Ordinem Medicorum literis honorificis remuneratus est, sed etiam ipsos juvenes medicos, officia sua religiose exsecutos, haud mediocribus praemiis decoravit. Quis vero hujus rei nobis facultatem dedit, otiumque suppeditavit? quis hoc singulare beneficium in literas artesque contulit? Tu o tutela praesens Rossiae, Tu o qua sol habitabiles oras illustrat ***Optime Principum***! Tibi gratiae a nobis agendae sunt maximae et nunquam desiturae, Qui omnia doctrinae subsidia et adjumenta ad perficiendam disciplinam generose largiris; Cujus providentia, etiam belli tempore, inaccessa est literarum artiumque arx inexpugnabileque munimentum; Qui Ianualem portam claudi omniumque in Patria templorum Musis sacratorum fores omnes, literarum studia auspicaturis, recludi jussisti: Cujus auspiciis nos non solum calamitate, verum etiam calamitatis formidine liberati sumus eramusque!

Serus in Coelum redeas, diuque
Laetus intersis populo!

Sed arma non amplius armis irritantur. Vir justus et propositi tenax, ***Imperator***, Cujus animus

Rerumque prudens, et secundis
Temporibus, dubiisque rectus,

bellum componere, quam diutius armis contendere maluit. Etsi cunctis adversariis haud impar, quum vires omnium fere civitatum paene exhaustas ac mortales miseriarum vi atque magnitudine obrutos videret, tamen omnes, qui infandum istud bellum egissent eoque internecivo certassent, in quoddam concordiae vinculum reducendos existimavit. Atque ita est conciliata pax!

Summo Deo, gentis humanae patri atque custodi, cujus numeni parent omnia, grates agamus, qui ***Alexandrum*** nobis dedit ***Imperatorem***,

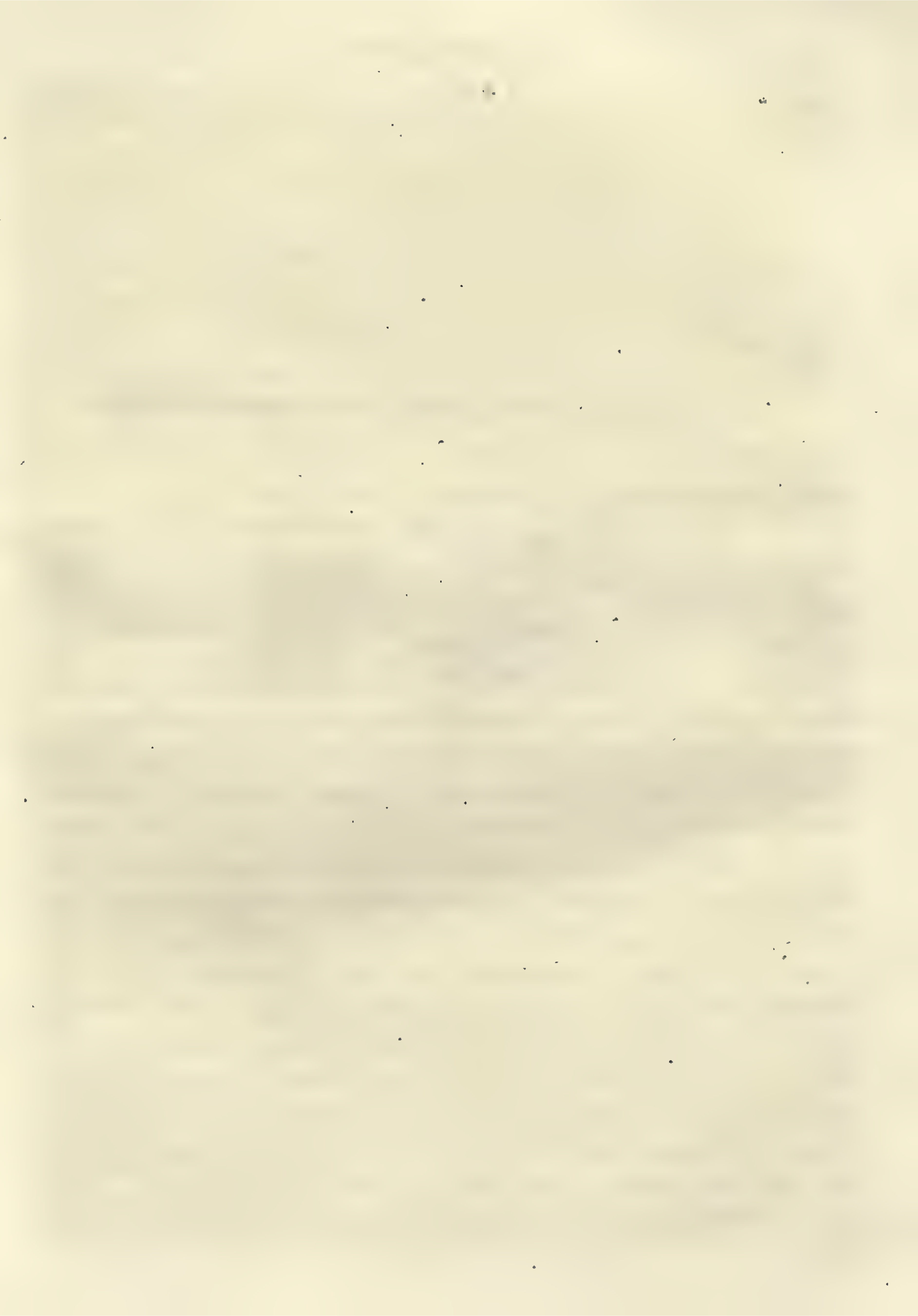
Quo nihil majus, meliusque terris
Fata donavere;
Nec dabunt, quamvis redeant in aurum
    Tempora priscum!

Sic jam Rossiae ***Principes*** Quibus nomen ***Alexander*** fuit, ab antiquissimis temporibus ad aetatem nostram usque saluti ac decori fuerunt: Alter Sanctus, Alter Benedictus, Uterque Pacificator!

Dummodo sit nostro ***Augustissimo Imperatori*** ad amplitudinem et gloriam et res bene gerendas divinitus adjuncta fortuna: nihil erit tantum tamque difficile et arduum, quod et consilio regere, et integritate tueri, et virtute conficere nequeat.

Huic brevi praedicationi finis imponatur Panegyrici verbis:

Te Deum Optimum praecamur, ut tantis muneribus addas perpetuitatem! Non pacem, non concordiam, non securitatem, non opes oramus, non honores: simplex cunctaque ista complexum unum omnium votum est, ***Salus Principis!***

О

НѢКОТОРЫХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ВОПРОСАХЪ НАУКИ

О ЖИЗНИ БОЛЬНАГО ЧЕЛОВѢКА.

РѢЧЬ,

ПО СЛУЧАЮ СВЯЩЕННѢЙШАГО КОРОНОВАНІЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Алексѣемъ Полунинымъ,

ДОКТОРОМЪ МЕДИЦИНЫ, ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМІИ И ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ ФИЗІОЛОГІИ.

Мм. Гг.!

Двадцать шестаго августа совершилось великое событіе: Благочестивѣйшій Государь нашъ Императоръ Александръ Николаевичъ, по примѣру благочестивыхъ Своихъ Предковъ, возложилъ на Себя Корону и принялъ установленное Мѵропомазаніе, пріобщивъ сему священному дѣйствію и Благочестивѣйшую Государыню Императрицу Марію Александровну. Съ возложеніемъ Вѣнца Царскаго Всемилостивѣйшій Государь возложилъ на Себя торжественный предъ свѣтомъ обѣтъ — жить единственно для счастія подвластныхъ Ему народовъ. Молился Царь, да поможетъ Ему Всемогущій Богъ исполнить обѣтъ и да направитъ наитіемъ Всесвятаго Животворящаго Духа Своего всѣ помышленія, всѣ дѣянія Его ко благу (*). Молились Архипастыри и народъ, »да Царь царствующихъ Самъ невидимо положитъ на главѣ Государя вѣнецъ отъ камене честна, и вѣнчаетъ Его милостію и щедротами; да помажетъ Его елеемъ святымъ, елеемъ благодати, духомъ премудрости и силы, да благословитъ Его благословеніемъ благостыннымъ, и съ нимъ да благословитъ и Соучастницу славы Его, Благочестивѣйшую Государыню Императрицу Марію Александровну, къ полной радости Россіянъ, къ совершенному благоденствію Россіи (**).»

(*) Высочайшій Манифестъ, данный въ 17 день апрѣля 1856 г.

(**) Бесѣда въ день Тезоименитства Благочестивѣйшія Государыни Императрицы Маріи Александровны, говоренная Сѵнодальнымъ Членомъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ, іюля 22 дня 1856 года.

Столь радостное событіе торжествуетъ вся Россія и преимущественно первопрестольная столица, въ которой оно совершилось. Сюда стеклись представители какъ со всѣхъ концевъ Россіи, такъ и со всего свѣта, чтобы быть свидѣтелями Священнѣйшаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ и участниками въ торжествѣ. Первопрестольная столица, всегда отличавшаяся преданностію къ своимъ Государямъ и живо сочувствующая всякой Царской радости, при настоящемъ событіи торжествуетъ тѣмъ болѣе, что она есть колыбель нынѣ Вѣнчаннаго Царя. Императорскій Московскій Университетъ, всегда покровительствуемый Августѣйшими Монархами и щедро надѣленный всѣми средствами для благаго дѣйствія по плану, предначертанному Верховною Властію, всегда возсылалъ ко Всевышнему теплыя молитвы, да благословитъ Онъ Государей и да продлитъ ихъ благодѣтельную жизнь; всегда принималъ живѣйшее участіе въ торжествѣ Священнѣйшаго Коронованія Монарховъ. Но настоящее торжество для него двойной великій праздникъ, потому что нѣкогда въ стѣнахъ Университета нынѣ Вѣнчанный Монархъ изволилъ слушать лекціи, а по случаю празднованія Университетомъ столѣтняго юбилея Августѣйшему Покровителю наукъ угодно было принять званіе Университетскаго Почетнаго Члена.

При самомъ восшествіи на Престолъ Государь Императоръ принялъ священный обѣтъ—имѣть всегда единою цѣлію благоденствіе Отечества и молилъ Провидѣніе, да поможетъ Ему утвердить Россію на высшей степени могущества и славы, да исполняются чрезъ Него постоянныя желанія и виды Августѣйшихъ Его Предшественниковъ: Петра, Екатерины, Александра Благословеннаго и Незабвеннаго Николая I-го (*). Положивъ конецъ кровопролитной войнѣ и даровавъ намъ миръ, Всемилостивѣйшій Государь изволилъ высказать желаніе, »да утверждается и совершенствуется внутреннее благоустройство Россіи: правда и милость да царствуютъ въ судьбахъ ея, да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ. Наконецъ, и сіе есть первое, живѣйшее желаніе Монарха, свѣтъ спасительной вѣры,

---

(*) Высочайшій Манифестъ, данный въ Санктпетербургѣ въ 18 день февраля 1855 г.

озаряя умы, укрѣпляя сердца, да сохраняетъ и улучшаетъ болѣе и болѣе общественную нравственность, сей вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастія (*).

«Признавая одною изъ самыхъ важныхъ Государственныхъ заботъ Своихъ образованіе народное, какъ залогъ будущаго благоденствія Своей возлюбленной Россіи, Государь Императоръ изволилъ пожелать, чтобы учебныя заведенія вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія находились подъ ближайшимъ наблюденіемъ Его Величества (**).

Его Величеству угодно было даровать новыя средства для совершеннѣйшаго образованія военныхъ офицеровъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ военнаго вѣдомства.

Вотъ, Мм. Гг., дѣла, виды и желанія Августѣйшаго Благодѣтеля Россіи, Вѣнчаннаго и Превознесеннаго Монарха нашего. Онъ надѣется на благое соучастіе со стороны Своихъ вѣрныхъ подданныхъ при исполненіи великихъ предначертаній для нихъ же пользы. Указавъ въ Высочайшемъ Манифестѣ о заключеніи мира на тѣ выгоды, которыя обѣщаетъ успокоеніе Державы отъ Бога Ему ввѣренной, Государь изволилъ сказать: «Да будутъ сіи выгоды вполнѣ достигнуты совокупными стараніями Нашими и всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ» (**). Вѣрные подданные могутъ оправдать ожиданія Монарха добросовѣстнымъ и посильнымъ исполненіемъ обязанностей, возлагаемыхъ на каждаго изъ нихъ. Тогда, при помощи Божіей, конечно, исполнятся ожиданія Царя-Благодѣтеля, — и Россія процвѣтетъ внутреннимъ благоустройствомъ, науки, въ ней воздѣлываемыя, принесутъ благодатные плоды, и она щедро заплатитъ другимъ странамъ за тѣ открытія и изобрѣтенія ихъ, которыми пользовалась и пользуется. Мы это думаемъ тѣмъ болѣе, что и теперь уже, не смотря на то, что науки въ Россіи воздѣлываются очень недавно, въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, когда ихъ воздѣлываніе началось въ другихъ странахъ, наше Отечество можетъ гордиться именами многихъ ученыхъ, принесшихъ своею дѣятельностію пользу просвѣщенію не только въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ.

Какъ врачъ и преподаватель науки о болѣзни, при настоящихъ столь благодѣтельныхъ событіяхъ въ Россіи, я обозрѣлъ тѣ вопросы этой науки,

(*) Высочайшій Манифестъ, данный въ Санктпетербургѣ въ 19 день марта 1856 г.
(**) Высочайшій Указъ, данный Правительствующему Сенату мая 5 дня 1856 года.
(***) Высочайшій Манифестъ, данный въ Санктпетербургѣ въ 19 день марта 1856 г.

которые теперь наиболѣе занимаютъ патологовъ. На меня, Мм. Г., палъ счастливый жребій, вмѣстѣ съ другими членами Университета, занять благосклонное вниманіе ваше, при торжествѣ, по случаю Священнѣйшаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, и я, исполняя столь лестную и пріятную обязанность, имѣю честь представить вамъ обозрѣніе этихъ вопросовъ: отъ рѣшенія ихъ много зависятъ успѣхи Медицины, которой великая цѣль — помогать страждущему человѣчеству.

Наука о болѣзни называется Патологіею. Болѣзнь есть извѣстное проявленіе жизни, при которомъ строеніе, составъ и отправленія организма уклоняются отъ нормы. Этѣ уклоненія въ одномъ случаѣ не такъ значительны, какъ въ другомъ; но всегда одно изъ нихъ влечетъ за собою болѣе или менѣе другое. Ученіе о строеніи организма предметъ Анатоміи; ученіе о составѣ его — предметъ органической Химіи; ученіе объ отправленіяхъ — предметъ Физіологіи. Въ разныя времена, при большемъ развитіи той или другой изъ названныхъ наукъ, наука болѣе развитая или болѣе развивавшаяся имѣла сильнѣйшее вліяніе на Патологію, такъ что одна сторона болѣзни была болѣе изучаема, чѣмъ другія, и это дностороннее изученіе, обогащая науку нѣкоторыми важными фактами, вело между прочимъ къ неправильнымъ теоріямъ, къ невѣрнымъ заключеніямъ о болѣзни вообще. Такимъ образомъ въ разныя времена составились слѣдующія названія для одностороннихъ Патологій: Патологія анатомическая, Патологія химическая, Патологія физіологическая. Патологія не должна быть ни преимущественно анатомическою, ни преимущественно химическою, ни преимущественно физіологическою: Анатомія, Химія и Физіологія въ равной степени должны содѣйствовать разъясненію болѣзненныхъ явленій. Но мы сказали, что не всегда этѣ науки стоятъ на равной степени развитія, и одна, какъ болѣе развитая, болѣе разъясняетъ соотвѣтствующую сторону болѣзни, чѣмъ другая. Потому патологъ долженъ быть чрезвычайно остороженъ при выводѣ общихъ заключеній. Зная отчетливо одну сторону болѣзни и чувствуя недостаточность современныхъ свѣдѣній о другой сторонѣ, пусть онъ удержитъ себя отъ заключеній о болѣзни вообще, или пусть выскажетъ ихъ только въ видѣ предположенія, которое изслѣдованіемъ другой и третьей стороны болѣзни, при болѣе выгодныхъ условіяхъ со стороны развитія наукъ, можетъ быть подтверждено или отвергнуто.

Въ организмѣ есть соки и такъ называемыя твердыя части. Съ древнихъ временъ, въ теоріяхъ патологовъ играютъ болѣе важную роль то со-

ки, то твердыя части, и потому составлены еще два названія Патологіи: Патологія гуморальная, Патологія солидарная. Въ разныя времена какъ сокамъ, такъ и твердымъ частямъ, приписывали разныя свойства; въ разныя времена то тотъ, то другой сокъ, то тѣ, то другія твердыя части, по мнѣнію патологовъ, играли важнѣйшую роль при произведеніи и обнаруженіи болѣзненныхъ явленій. Впрочемъ большинство обращало особенное вниманіе изъ соковъ на кровь, а изъ твердыхъ частей на нервную систему. Естественно, что и солидарная и гуморальная Патологія односторонни: и соки, и твердыя части равно важны въ организмѣ; одни служатъ для другихъ; измѣненія однихъ влекутъ за собою измѣненія другихъ. Такъ извѣстно, что кроветвореніе совершается подъ вліяніемъ нервной системы; съ разстройствомъ послѣдней мѣняется и питающій сокъ: онъ не обращается надлежащимъ образомъ въ тѣлѣ, онъ не очищается, какъ слѣдуетъ, отдѣлительными органами, онъ не пополняется соотвѣтственно потребностямъ организма. Съ другой стороны, разстройство крови влечетъ за собою разстройство и нервной системы, вмѣстѣ съ другими системами тѣла: кровь между прочимъ питаетъ и оживляетъ нервную систему и вслѣдствіе болѣзненнаго измѣненія крови обнаруживаются болѣзненныя явленія и въ сферѣ нервной системы.

Въ наше время одинъ изъ остроумнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ Германскихъ патологовъ (Вирховъ) нашелъ необходимымъ присоединить къ одностороннимъ Патологіямъ, уже названнымъ, еще одну — Патологію целлюлярную (Cellularpathologie). По его мнѣнію, она есть конечное рѣшеніе споровъ, продолжавшихся тысячелѣтія между гуморальными и солидарными патологами: она показываетъ, что и въ сокахъ, и въ твердыхъ частяхъ только клѣточки суть живое и оживляющее.

Извѣстно, сколь важную роль играетъ клѣточка въ растеніи. Шваннъ, открывъ совпаденіе въ строеніи растеній и животныхъ, показалъ, что клѣточка играетъ не менѣе важную роль и въ животныхъ. Это открытіе повело къ тончайшему изслѣдованію строенія животныхъ въ здоровомъ и больномъ состояніи, при чемъ нашли, что клѣточка есть основный элементъ и въ болѣзненныхъ произведеніяхъ, и что въ послѣднихъ встрѣчаются тѣже анатомическіе элементы, какъ и въ нормальномъ тѣлѣ, только не на своемъ мѣстѣ или въ зародышевомъ состояніи. Главнѣйшимъ образомъ проложилъ путь къ точнѣйшему изслѣдованію тончайшаго строенія болѣзненныхъ про-

изведеній знаменитый Берлинскій физіологъ I. Мюллеръ. Онъ изложилъ результаты своихъ изслѣдованій въ сочиненіи *о тончайшемъ строеніи болѣзненныхъ опухолей*. Вслѣдъ за названными изслѣдователями многіе, преимущественно изъ Нѣмецкихъ ученыхъ, занялись изученіемъ животныхъ клѣточекъ и разнообразныхъ ихъ видоизмѣненій въ здоровомъ и больномъ организмѣ. На изслѣдованіяхъ этихъ ученыхъ мы не остановимся, но прямо обратимся къ изслѣдованіямъ Вирхова, который полагаетъ, что, основываясь на результатахъ изученія клѣточекъ, построилъ болѣе точную теорію жизни и къ целлюлярной теоріи жизни присоединилъ целлюлярную теорію (cellulare Theorie) болѣзни, указавъ, что клѣточка есть не только мѣсто проявленія здоровой жизни, но и болѣзни. Вотъ въ немногихъ словахъ целлюлярная теорія жизни и болѣзни, предложенная Вирховомъ:

Жизнь растеній и животныхъ связана съ извѣстною формою, и эта форма есть клѣточка, состоящая изъ двухъ пузырьковъ, изъ которыхъ одинъ заключенъ въ другой и которые имѣютъ различныя химическія свойства. Клѣточка есть простѣйшая форма обнаруженія жизни, есть органическая дѣлимая единица. Безъ клѣточки жизни не бываетъ, но она не есть жизнь, а только выраженіе жизни. Вещество, въ которомъ совершается это выраженіе жизни, до очевиднаго начала новаго развитія клѣточекъ претерпѣваетъ рядъ химическихъ измѣненій. Потому при самомъ началѣ новой жизни нужно отличать два акта: внутренній и внѣшній. Внѣшній или пластическій актъ зависитъ отъ предшествующаго внутренняго; его можно разсматривать какъ необходимое слѣдствіе свойствъ новыхъ химическихъ веществъ, образованныхъ внутреннимъ актомъ, какъ сліяніе этихъ веществъ въ опредѣленныя формы, зависящія отъ ихъ свойствъ. Внутренній актъ есть, повидимому, химико-каталитическій. Вещества, изъ которыхъ состоитъ бластема, суть извѣстныя химическія тѣла; тѣ, которыя образуются въ бластемѣ и служатъ матеріаломъ для организаціи, суть тоже извѣстныя химическія тѣла; законы, по которымъ послѣднія происходятъ изъ первыхъ, повидимому, нисколько не отличаются отъ обыкновенныхъ химическихъ законовъ. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, что внутренній, каталитическій, собственно генетическій актъ обусловливается химическимъ сродствомъ веществъ содержимаго клѣточки. Онъ есть механическое движеніе, основывающееся на обыкновенныхъ химическихъ и физическихъ законахъ, движеніе, которое обнаруживаетъ обыкновенныя свойства веществъ, заключенныхъ въ бластемѣ. Но это движеніе возбуждается чѣмъ-то, и неизвѣстное возбуждающее называютъ жизнію,

жизненною силою, жизненнымъ началомъ, эссенціальною силою. Бластема служитъ для развитія клѣточки только въ живомъ тѣлѣ; внѣ живаго тѣла не образуется клѣточка, способная для дальнѣйшаго развитія, составнымъ частямъ бластемы не сообщается того движенія, которое нужно для образованія клѣточки. Впрочемъ вопросъ о томъ, всегда ли возбуждается жизненное движеніе чрезъ сообщеніе онаго, или не является ли оно иногда и произвольно, окончательно рѣшить теперь Вирховъ затрудняется, хотя болѣе склоненъ думать, что оно всегда возбуждается чрезъ сообщеніе и утверждаетъ, что положеніе: omnis cellula a cellula гораздо болѣе обще, нежели положеніе: omne vivum ex ovo. Въ живомъ тѣлѣ не вещество есть нѣчто особое, но движеніе вещества, самая жизнь. Не вещество, не тѣло, но присущее, сообщенное и сообщаемое движеніе даетъ условія для механическихъ жизненныхъ процессовъ. Сущность не въ формѣ, но во внутреннемъ движеніи, которое производитъ пластическія соединенія, которое развиваетъ тѣмъ совершеннѣйшія формы, чѣмъ благопріятнѣе условія для движенія. Клѣточки, какъ жизненные элементы, въ организмѣ соединены, сообразно съ цѣлію, въ одно цѣлое. Вслѣдствіе взаимнаго дѣйствія этихъ элементовъ, сродства и отторженія (affinitas et repulsio) ихъ веществъ, вслѣдствіе измѣненій въ пространствѣ, они въ состояніи сохранять цѣлость своего состава, отторгать ненужное, пріобрѣтать нужное и наконецъ во всей суммѣ элементовъ, составляющихъ тѣло, возстановлять то равновѣсіе отправленій, которое мы называемъ здоровьемъ. Различіе здороваго и больнаго тѣла заключается только въ разницѣ условій, при которыхъ обнаруживаются законы жизни явленіями, и какъ бы жизненныя явленія ни казались различными, это различіе зависитъ не отъ новыхъ законовъ, но отъ новыхъ условій. При развитіи новой особи, отъ дѣйствія возбужденій яичной клѣточки матери и элементовъ клѣточки отца зависятъ наслѣдственныя направленія развивающейся особи. Наслѣдственно передается не болѣзнь, но предрасположеніе къ болѣзни, которое дѣлается болѣзнію вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній или въ извѣстномъ періодѣ жизни. Предрасположеніе заключается въ извѣстныхъ органахъ. Но всякій органъ устроенъ изъ клѣточекъ, потому и наслѣдственность болѣзней зависитъ отъ клѣточекъ. По рожденіи особи на свѣтъ направленіе жизненныхъ процессовъ можетъ быть измѣнено вслѣдствіе каталитическаго дѣйствія возбудителя и пр. Болѣзнь называется общею, если направленіе жизненныхъ процессовъ долгое время уклоняется отъ обыкновеннаго нормальнаго направленія, такъ что нужно предполагать не только мѣстное измѣненіе условій, но и общее во всемъ

организмѣ. Мѣстная болѣзнь можетъ стать общею, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: направленіе, которое, при мѣстныхъ условіяхъ, приняли жизненные процессы на извѣстномъ мѣстѣ тѣла, дѣлается общимъ, такъ что вслѣдствіе мѣстнаго возбужденія измѣняется направленіе общихъ жизненныхъ процессовъ; такимъ образомъ ракъ, сначала являющійся какъ мѣстная болѣзнь, становится болѣзнію общею. Если болѣзнь есть не что иное, какъ жизнь при измѣненныхъ условіяхъ, то цѣлью лѣченія должно быть возстановленіе обыкновенныхъ нормальныхъ условій жизни; съ возстановленіемъ послѣднихъ возстановятся и обыкновенные нормальные процессы (*).

Мы обратили особое вниманіе на Вирховову целлюлярную теорію жизни здороваго и больнаго человѣка, потому что не столько онъ, сколько его послѣдователи полагаютъ, что эта теорія потрясла ученіе о худосочіяхъ, основанное на многочисленныхъ изслѣдованіяхъ патологовъ разныхъ временъ и въ особенности подвинутое впередъ Рокитанскимъ и его учениками. Хотя Вирховъ и утверждаетъ, что въ крови живое и оживляющее только клѣточки, тѣмъ не менѣе нельзя отказать въ великомъ значеніи для организма и жидкой части крови. Трудно сказать, что́ въ крови важнѣе, твердыя ли ея части (клѣточки), или жидкость. Безспорно только то, что и первыя и послѣдняя необходимы для жизни. Красныя кровяныя клѣточки суть проводники кислорода и потому играютъ важную роль въ процессѣ дыханія; кровяная жидкость играетъ такую же роль въ процессѣ питанія; видоизмѣняя кровяную жидкость, мы измѣняемъ и питаніе; такъ увеличивая въ ней количество жира, способствуемъ ожирѣнію тѣла; вводя въ нее іодъ, обусловливаемъ атрофію извѣстныхъ органовъ и пр.

Вирховъ составилъ положеніе: omnis cellula a cellula. Дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ новая клѣтотка развивается изъ частей старой или даже внутри старой; но такой способъ развитія клѣточки не есть исключительный. Вирховъ самъ описываетъ образованіе клѣточекъ въ свернувшемся экссудатѣ и въ сверткѣ крови изъ элементовъ экссудата и свертка, безъ содѣйствія прежде развитыхъ клѣточекъ. Этотъ фактъ не согла-

---

(*) См. Die Einheits - Bestrebungen in der wissenschaftlichen Medicin, въ собранныхъ сочиненіяхъ Вирхова, изданныхъ въ 1856 г, и Virchow's Handbuch der speciellen Pathologie und Therapie, I Bd.

сенъ съ общимъ положеніемъ: omnis cellula a cellula, которое поспѣшилъ составить авторъ целлюлярной теоріи болѣзни.

Очевидно, что свойства веществъ, образовавшихся изъ извѣстнаго экссудата, изъ извѣстнаго свертка крови должны болѣе или менѣе соотвѣтствовать свойствамъ экссудата и крови, изъ которыхъ они развились, точно такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что и при образованіи клѣточки и элементовъ клѣточки, изъ которыхъ развивается новая особь*, свойства крови играютъ важную роль: она доставляетъ матеріалъ для образованія клѣточекъ и качество матеріала болѣе или менѣе отражается и въ качествѣ клѣточекъ, изъ него составившихся. По мнѣнію Вирхова, наслѣдственныя болѣзни зависятъ отъ возбужденія яичной клѣточки со стороны тѣла матери и отъ каталитическаго дѣйствія на эту клѣточку элементовъ клѣточки отца. Но выраженіе «каталитическое дѣйствіе» весьма неопредѣленно и не много объясняетъ. Теперь дознано, что элементы клѣточки отца проникаютъ въ яйце, но неизвѣстно, служатъ ли они для развитія тѣхъ или другихъ частей тѣла; потому лучше сказать, что мы не знаемъ, какъ они дѣйствуютъ, только ли каталитически, или иначе. Если же мы, не зная обстоятельно ихъ дѣйствія, называемъ это дѣйствіе словомъ, не имѣющимъ опредѣленнаго значенія, и на этомъ дѣйствіи строимъ теорію жизненныхъ явленій, то едва ли такая теорія будетъ точна. Не нужно ограничивать вліянія матери на наслѣдственныя болѣзни ребенка однимъ свойствомъ яичной клѣточки.

Отъ передачи болѣзней по наслѣдству, вслѣдствіе извѣстнаго возбужденія яичной клѣточки и каталитическаго дѣйствія элементовъ другой клѣточки, Вирховъ переходитъ къ каталитическому дѣйствію разнообразныхъ веществъ, которыя обусловливаютъ разныя болѣзни у особи по рожденіи ея на свѣтъ. Оспенный гной, будучи привитъ къ организму, обусловливаетъ въ немъ развитіе оспы, между тѣмъ какъ другой гной оспы не производитъ. Ужели достаточно сказать, что такой-то гной развиваетъ оспу вслѣдствіе того, что обладаетъ извѣстными каталитическими свойствами? Уже ли это объясняетъ развитіе болѣзни? Я думаю, что для науки будетъ выгоднѣе, когда мы останемся при прежнемъ воззрѣніи: оспенный гной обусловливаетъ развитіе оспы; слѣдовательно онъ долженъ быть отличенъ отъ того гноя, который не обусловливаетъ развитія оспы. Мы объ этой разницѣ заключаемъ, основываясь на различной реакціи организма вслѣдъ за при-

виванiемъ разныхъ видов гноя, хотя микроскопъ не показалъ намъ, что клѣточки разныхъ видовъ гноя имѣютъ характеристическiя разницы, свойственныя исключительно тому или другому виду, и хотя Химiя до сихъ поръ не открыла постоянныхъ разницъ въ составѣ различныхъ видовъ гноя. При этомъ воззрѣнiи остается очевиднымъ то, что̀ предлежитъ разъяснить наукѣ; недостатокъ свѣдѣнiй нашихъ не скрывается подъ темнымъ названiемъ каталитическаго дѣйствiя: мы прямо говоримъ, что разница должна быть, но ея не знаемъ, и слѣдовательно нужно ея искать. По основываясь на современныхъ нашихъ свѣдѣнiяхъ, мы не можемъ утверждать, что составныя вещества разныхъ видовъ гноя не разнятся.

Предложенное Вирховомъ объясненiе происхожденiя общей болѣзни изъ мѣстной и примѣненное къ раку, объясненiе, по которому направленiе, принятое жизненными процессами на извѣстномъ мѣстѣ тѣла, при мѣстныхъ условiяхъ, можетъ стать общимъ, мы считаемъ болѣе натянутымъ и менѣе приложимымъ, чѣмъ обыкновенное объясненiе развитiя общей болѣзни при ракѣ всосанiемъ раковаго сока, поступленiемъ его въ лимфу и кровь. Повидимому, и Вирхову впослѣдствiи это старое объясненiе стало казаться правдоподобнымъ, и онъ сознается, что воставъ противъ такъ называемыхъ гуморальныхъ воззрѣнiй, сначала увлекся, то есть сказалъ болѣе, чѣмъ было нужно.

Говоря объ ожирѣнiи, гнойномъ дiатезѣ, бугорчаткѣ и ракѣ, Вирховъ замѣчаетъ, что въ этихъ болѣзненныхъ состоянiяхъ обыкновенно самымъ удобнымъ образомъ полагаютъ причину болѣзненныхъ явленiй въ крови. Но здѣсь-то очень часто, по мнѣнiю Вирхова, и нѣтъ другаго повода для предположенiя такой причины, кромѣ неудобности или невозможности отыскать иное объясненiе (*).

Въ статьѣ объ ожирѣнiи между прочимъ онъ различаетъ слѣдующiя двѣ формы: «При одной люди достигаютъ неимовѣрнаго объема и притомъ у нихъ аппетитъ отличный, они веселы, силы ихъ достаточны. Обыкновенно эта форма встрѣчается въ тѣхъ странахъ, гдѣ много пьютъ пива (въ Англiи, Баварiи). Въ другихъ случаяхъ при ожирѣнiи, въ особенности если оно совершается быстро, значительно разстроивается здоровье, преимущественно слабѣютъ мышцы и мозгъ, портится пищеваренiе, бы-

---

(*) Virchow, Handbuch der speciellen Pathologie und Therapie, I Bd, S. 344—347.

ваютъ одышка, неправильности въ отправленіи сердца, обмороки и пр. Здѣсь часто трудно опредѣлить ближайшую причину остраго ожирѣнія, такъ что наконецъ приписываютъ послѣднее извѣстной слабости (Léon).»

Условія ожирѣнія достаточно извѣстны: обыкновенно жирѣютъ тѣ, которые много вводятъ въ тѣло веществъ, богатыхъ водородомъ и углеродомъ (пива, вина, водки, жирныхъ веществъ и пр.), и мало потребляютъ ихъ въ процессѣ дыханія и образованія животной теплоты. Зная этѣ условія, дѣлаютъ животныхъ жирными по произволу. Чѣмъ болѣе онѣ жирѣютъ, тѣмъ болѣе слабѣютъ, такъ что наконецъ съ трудомъ ходятъ; чѣмъ менѣе онѣ ходятъ, чѣмъ рѣже дышутъ, тѣмъ, при равномъ количествѣ вводимыхъ водоуглеродныхъ веществъ, легче жирѣютъ. При подобныхъ условіяхъ бываетъ ожирѣніе и у людей, и ослабленіе есть слѣдствіе ожирѣнія. При ожирѣніи слабѣетъ дѣятельность мышцъ отъ того, что они атрофируются, по мѣрѣ какъ отлагается обильный жиръ; слабѣетъ дѣятельность пищевыхъ путей отъ обильнаго отложенія жира въ сальники и сальные придатки и отъ атрофіи мышечной оболочки; слабѣетъ дѣятельность сердца вслѣдствіе ожирѣнія его, а отъ ослабленія дѣятельности сердца зависятъ и обмороки. Одышка есть слѣдствіе частію ожирѣнія мышцъ дыхательныхъ, частію измѣненнаго состава крови, частію несвободнаго обращенія послѣдней, по причинѣ ожирѣнія органа движущаго. При общемъ ожирѣніи, ослабленіе мышечной дѣятельности замѣчается постоянно, только въ однихъ случаяхъ въ большей степени, чѣмъ въ другихъ. Откуда же берется этотъ обильный жиръ въ тѣлѣ? Онъ поступаетъ съ пищевыми веществами или приготовляется изъ нихъ. Этѣ вещества, прежде чѣмъ начнутъ служить для питанія, входятъ въ кровь и являются въ ней въ избыткѣ. Избытокъ жирныхъ веществъ опредѣляется химическимъ анализомъ. Соотвѣтственно избытку такихъ веществъ въ крови, измѣняется и питаніе тканей—жиръ накопляется въ большомъ количествѣ. Итакъ очевидно, что ожирѣнію предшествуетъ накопленіе въ крови веществъ жирныхъ или веществъ богатыхъ водородомъ и углеродомъ.

Перейдемъ къ гнойному діатезу. Вслѣдъ за прививаніемъ, положимъ, гноя сапнаго, въ одномъ мѣстѣ показываются нарывы на отдаленныхъ мѣстахъ. Какъ это объяснить? Обыкновенно думаютъ, что ядовитое вещество гноя поступаетъ въ кровь и измѣняетъ ее (мѣстами свертываетъ); вслѣдствіе измѣненія послѣдней бываютъ застои (зависящіе частію отъ механическаго дѣйствія свертковъ) въ разныхъ органахъ, съ отложеніемъ плязмы, служа-

щей для развитія гноя съ специфическими свойствами. По целлюлярной теоріи Вирхова развитіе такихъ гнойничковъ можетъ быть объяснено слѣдующимъ образомъ: гной, подѣйствовавъ каталитически въ извѣстномъ мѣстѣ, измѣнилъ здѣсь направленіе жизненнаго процесса; такое измѣненіе въ одномъ мѣстѣ повлекло за собою измѣненіе направленія жизненныхъ процессовъ въ другихъ мѣстахъ. Но уже ли это объясненіе ближе къ дѣлу, чѣмъ объясненіе старое!

По мнѣнію Вирхова, тифъ болѣе сроденъ съ бугорчаткою, чѣмъ съ ракомъ. Рокитанскій, увлекшись наружнымъ сходствомъ тифозной массы съ раковою, отнесъ первую къ раку, но впослѣдствіи отказался отъ этого мнѣнія. Вирховъ теперь сближаетъ тифъ съ бугорчаткою. Вотъ что говоритъ онъ: «Я уже и прежде раздѣлилъ тифъ на простой и осложненный, потому что только при послѣднемъ бываетъ пораженіе лимфатическаго аппарата (железокъ кишечныхъ, железокъ брыжейки, селезенки), и уже тогда я замѣтилъ, не зависитъ ли это осложненіе отъ особеннаго предрасположенія. Когда впослѣдствіи я нашелъ сходство въ мѣстныхъ анатомическихъ явленіяхъ при тифѣ и золотушной бугорчаткѣ, мнѣ показалась высказанная возможность еще вѣроятнѣе, и если принять въ соображеніе такъ часто обманчивое сходство острой бугорчатки и тифа, то нужно предположить, что мало по малу откроется бо́льшее сродство между обоими процессами, хотя и въ не этіологическомъ отношеніи.» (*) Намъ кажется, что Вирховово сближеніе тифа съ бугорчаткою едва ли основательнѣе, чѣмъ сближеніе Рокитанскаго тифа съ ракомъ. Мы уже имѣли случай высказать свое мнѣніе на счетъ послѣдняго сближенія. Что касается до мнѣнія Вирхова, то оно основано на наружномъ сходствѣ нѣкоторыхъ мѣстныхъ явленій; но извѣстно, какъ это наружное сходство обманчиво, б. м. потому что въ настоящее время мы еще не въ состояніи различать все то, что различно. Извѣстно, что мы, по наружнымъ признакамъ, не можемъ отличить гноя оспеннаго, сапнаго и другихъ злокачественныхъ видовъ гноя, и только реакція организма, къ которому привьются они, рѣзко обнаруживаетъ характеристическія ихъ разницы. Общія явленія, которыя бываютъ при развитіи бугорковъ и при отложеніи тифозной массы совершенно различны, весь ходъ болѣзни разнится какъ нельзя рѣзче, и это показываетъ самымъ очевиднымъ образомъ разницу двухъ процессовъ. Что же

(*) Handbuch der speciellen Pathologie und Therapie. Bd 1, S. 346—347.

касается до обманчиваго сходства явленій съ тифозными, иногда замѣчаемаго при острой бугорчаткѣ, то оно, конечно, зависитъ не отъ сходства анатомическихъ измѣненій. Явленія, похожія на тифозныя, замѣчаются не въ одной острой бугорчаткѣ, но и въ такъ называемомъ тифоидномъ періодѣ холеры, при гнойномъ худосочіи и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Подъ именемъ тифоидныхъ припадковъ слывутъ извѣстныя измѣненія въ отправленіяхъ нервной системы. Этѣ измѣненія могутъ быть одинаковы въ разныхъ болѣзняхъ, отъ того что нервы, по извѣстному закону, одинаково противодѣйствуютъ на дѣйствія разныхъ раздражителей. Мы думаемъ, что тифоидные припадки при гнойномъ худосочіи обусловливаются измѣненіемъ крови, точно такъ какъ и въ тифоидномъ періодѣ холеры причина ихъ измѣненіе крови. Это измѣненіе выражается образованіемъ болѣзненныхъ произведеній. Кто не знаетъ, какъ часты въ тифоидномъ періодѣ холеры крупозное воспаленіе лёгкихъ, гнойники въ околоушной сторонѣ и другихъ мѣстахъ. Да и въ самомъ тифѣ тифозные припадки, показывающіеся прежде мѣстныхъ явленій, по всему вѣроятію, суть слѣдствія измѣненія крови. Мы думаемъ, что и въ острой бугорчаткѣ тифоидные припадки не обусловливаются мѣстными явленіями въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ не бываетъ бугорковъ въ оболочкахъ мозга и въ самой его ткани. Очень можетъ быть, что причина ихъ заключается въ измѣненіи крови. Но возразятъ, какое же это измѣненіе? Что есть измѣненіе въ крови, тому доказательствомъ служатъ физическія свойства ея въ названныхъ болѣзняхъ, конечно, не характеристическія, не исключительно свойственныя какой либо одной болѣзни, но тѣмъ не менѣе важныя, за недостаткомъ болѣе важныхъ указаній. Не нужно забывать, какъ мы слабы при опредѣленіи характеристическихъ признаковъ по физическимъ и химическимъ свойствамъ соковъ нашего тѣла. Всѣмъ извѣстны рѣзкія разницы гноя оспеннаго, сапнаго и др.; но можемъ ли мы опредѣлять этѣ разницы безъ содѣйствія живаго организма, который различно противодѣйствуетъ при ихъ прививаніи. Точно такъ, до сихъ поръ и о многихъ измѣненіяхъ въ крови мы заключаемъ только по реакціи организма, и конечно были бы крайне неправы, если бы не пользовались этимъ средствомъ для опредѣленія измѣненій крови. Такое опредѣленіе не точное, но оно пролагаетъ путь къ болѣе точнымъ опредѣленіямъ. До сихъ поръ органическая Химія мало показала качественныхъ разницъ въ крови и не научила отличать гной оспенный отъ сапнаго и др., потому что она еще въ младенчествѣ. По этой же причинѣ, Химія съ другими науками не отвѣтила намъ и на очень многіе вопросы.

Такъ мы мало знаемъ объ измѣненіяхъ въ атмосферѣ и часто предполагаемъ такія измѣненія, какихъ не показываютъ средства современныхъ метеорологовъ и химиковъ. Нельзя же думать, что всѣ наши предположенія, въ этомъ отношеніи, ложны, потому только, что они не подтверждаются показаніями современныхъ метеорологовъ и химиковъ. Такъ напр. въ теченіе холерныхъ эпидемій можно предполагать какое нибудь измѣненіе въ средахъ насъ окружающихъ, потому что организмъ то показываетъ, и мы дѣйствительно такое измѣненіе предполагаемъ, не смотря на то, что ни физики, ни химики его не показали. Мы знаемъ изъ химическихъ изслѣдованій, что въ атмосферномъ воздухѣ отношеніе кислорода къ азоту не мѣняется; но кромѣ кислорода и азота, воздухъ, которымъ мы дышемъ, содержитъ и много другихъ веществъ: водяные пары, угольную кислоту, газъ водоуглеродный и т. д. Очень быть можетъ, что въ воздухѣ есть и такія вещества, которыхъ мы совсѣмъ не знаемъ. Итакъ предположенія въ наукѣ должны быть, но конечно такія, которыя основываются на достаточныхъ данныхъ; этѣ предположенія, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, могутъ повести къ истинѣ или рушиться.

Разсуждая о несовмѣстимости болѣзней, Вирховъ говоритъ: ожирѣлый обыкновенно не поражается бугорчаткою, страдающій бугорками рѣдко умираетъ отъ рака. Впрочемъ это только правило, а не законъ (т. е. изъ этого правила бываютъ и исключенія), и потому можно вообще сказать: *«чѣмъ болѣе выраженъ какой либо особый діатезъ въ тѣлѣ, тѣмъ менѣе въ послѣднемъ наклонности для развитія новаго діатеза»* (*). Но Рокитанскій и его ученики своими изслѣдованіями болѣе разъяснили вопросъ о совмѣстимости и несовмѣстимости болѣзней. Положеніе Вирхова: «чѣмъ болѣе выраженъ какой либо особый діатезъ въ тѣлѣ, тѣмъ менѣе въ немъ наклонности для развитія новаго діатеза» не совсѣмъ согласно съ результатами ихъ изслѣдованій. Возмемъ въ примѣръ ожирѣніе, которое приводитъ самъ Вирховъ; оно защищаетъ отъ бугорчатки, но не защищаетъ отъ рака, не защищаетъ отъ холеры и пр.: ракъ, холера развиваются и у жирныхъ особей. Потому мы думаемъ, что старое положеніе, на которое въ новое время обратили особое вниманіе Рокитанскій и его послѣдователи и по которому однѣ болѣзни между собою совмѣщаются, а другія взаимно исключаются, справедливѣе, чѣмъ вышеприведенное положеніе Вирхова.

(*) Handbuch der speciellen Pathologie und Therapie, 1 Bd, S. 347.

Вирховъ естественнымъ образомъ примѣняетъ свою теорію и къ терапіи. Основываясь на своей теоріи, онъ одобряетъ попытку Алкье — лѣчить ракъ прививаніемъ къ опухоли специфическаго органическаго яда (*). Онъ предполагаетъ, что новое бродило своимъ каталитическимъ дѣйствіемъ можетъ измѣнить направленіе организаціи въ опухоли и тогда придется лѣчить, вмѣсто раковой опухоли, особаго рода язву, противъ которой мы обладаемъ болѣе вѣрными средствами, чѣмъ противъ рака. Но я думаю, что наилучше устранять раковую опухоль ѣдкими средствами или ножемъ, конечно въ тѣхъ случаяхъ, когда такое мѣстное лѣченіе показано; оно, если не уничтожитъ болѣзни, то по крайней мѣрѣ, къ одному худосочію не присоединитъ другаго; при лѣченіи же рака прививаніемъ того специфическаго гноя, который для этой цѣли предлагаетъ Алкье, развивается въ тѣлѣ, уже пораженномъ злокачественною болѣзнію, другая злокачественная болѣзнь, а надежды на перемѣну направленія организаціи въ опухоли мало.

Вотъ, Мм. Гг., нѣсколько замѣчаній на счетъ целлюлярной теоріи жизни здороваго и больнаго человѣка и на счетъ воззрѣній автора этой теоріи на нѣкоторые патологическіе процессы. Мы думаемъ, что названная теорія нисколько не потрясла въ основѣ ученія о худосочіяхъ. Мы много цѣнимъ современныя изслѣдованія крови, произведенныя и химиками, и патологами, и полагаемъ, что этѣ изслѣдованія, не смотря на ихъ недостаточность, относятся къ важнѣйшимъ пріобрѣтеніямъ нашего времени. Мы узнали, благодаря изслѣдованіямъ патологовъ разныхъ временъ, что можетъ мѣняться количество крови вообще и отдѣльныхъ ея составныхъ частей. Такъ фибринъ, бѣлокъ, красные и безцвѣтные шарики крови, вещества жирныя, соли, вытяжки, сахаръ, вода и пр. могутъ быть въ разномъ количествѣ въ крови. Кромѣ веществъ нормальнаго состава крови, въ послѣдней иногда открываютъ и такія, которыя исключительно замѣчаются въ патологическомъ состояніи. Такъ наблюдали присутствіе свободной кислоты, отъ которой реакція крови дѣлалась кислою, находили углекислый аммоніакъ, желчный пигментъ и пр., встрѣчали фибринъ, бѣлокъ съ качествами отличными отъ тѣхъ, которыя свойственны этимъ веществамъ въ нормальной крови (*); видѣли въ крови отдѣльные кровяные свертки, свертки плязмы,

---

(*) Handbuch der speciellen Pathologie und Therapie, I Bd., S. 354.

(**) Послѣдующимъ изслѣдованіямъ предстоитъ точнѣе опредѣлить этѣ измѣненія и показать ихъ значеніе.

раковыя клѣточки; замѣчали особую наклонность къ образованію гноя, а также состояніе крови какъ бы гнилостное, наклонность къ разложенію. Но, безъ сомнѣнія, тѣ измѣненія крови, которыя мы знаемъ, малость въ сравненіи съ тѣми, которыхъ не знаемъ и которыя частію предполагаемъ (*). Такъ не подлежитъ сомнѣнію, что кровь мѣняется при тифѣ, при острыхъ сыпныхъ процессахъ, холерѣ, худосочіи пьяницъ, ракѣ, подагрѣ, скорбутѣ и другихъ болѣзняхъ. Измѣненія крови въ названныхъ болѣзняхъ частію опредѣлены, частію ихъ предполагаютъ, основываясь преимущественно на извѣстныхъ явленіяхъ реакціи со стороны организма, на свойствѣ эксcудативныхъ процессовъ и экссудатовъ, которые замѣчаются въ названныхъ болѣзняхъ. Рокитанскій, основываясь на многочисленныхъ изслѣдованіяхъ, по естественной склонности человѣка къ приведенію въ систему своихъ свѣдѣній и предположеній, свелъ что̀ казалось ему болѣе близкимъ, и конечно его сводъ худосочій, какъ выраженіе выводовъ изъ многочисленныхъ наблюденій, имѣетъ значеніе въ наукѣ; но нельзя отъ этого свода требовать непогрѣшительности. Ошибки въ немъ зависятъ не отъ недостатка остроумія и способности наблюдать у автора, но отъ недостаточности современныхъ свѣдѣній о предметѣ. Этотъ сводъ есть выраженіе современныхъ нашихъ познаній о крови въ худосочіяхъ; спеціальные изслѣдователи, обозрѣвая его, легко найдутъ вопросы, которыхъ рѣшеніе въ высшей степени важно для Патологіи: потому онъ, не будучи выдаваемъ за безошибочную систему, служитъ на пользу наукѣ, пролагая путь къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ.

Измѣненія въ строеніи, составѣ и отправленіяхъ организма, которыми выражаются болѣзни, происходятъ вслѣдствіе дѣйствія тѣхъ или другихъ причинъ. Эти причины лежатъ частію въ самомъ человѣкѣ, частію въ природѣ

(*) Недостаточность нашихъ свѣдѣній о крови больнаго человѣка между прочимъ зависитъ и отъ того, что мы многаго не знаемъ и о крови здороваго человѣка. Положительно до сихъ поръ не опредѣлено, гдѣ и какъ развиваются красныя кровяныя клѣточки, какъ онѣ пропадаютъ, каково назначеніе фибрина; служитъ ли онъ для питанія, или есть вещество, назначенное для изверженія и пр. Если и на счетъ этихъ вопросовъ споры еще не покончены, то какъ же можно требовать теперь положительныхъ отвѣтовъ на многіе вопросы касательно крови больнаго человѣка?

его окружающей. Чтобы точно опредѣлить причины болѣзней и ихъ дѣйствіе на организмъ, требуется обстоятельное знаніе и человѣка и природы. Благодаря неутомимымъ изслѣдованіямъ ученыхъ, мы постоянно болѣе и болѣе знакомимся и съ человѣкомъ, и съ природою; но до сихъ поръ результаты этихъ изслѣдованій далеко еще не удовлетворяютъ потребностямъ врача и въ особенности *то, что касается воздушнаго круга, и до сихъ поръ покрыто великою тьмою.* Вотъ почему свѣдѣнія наши о причинахъ очень многихъ болѣзней недостаточны. Мы знаемъ, что однѣ болѣзни бываютъ на всѣхъ мѣстахъ земной поверхности, что другія встрѣчаются преимущественно въ странахъ тропическихъ, третьи въ полярномъ поясѣ, четвертыя въ поясѣ съ умѣренной температурой. Намъ извѣстно, что есть мѣста, гдѣ нѣкоторыхъ болѣзней совсѣмъ не бываетъ. Повидимому, большею частію, температура страны обусловливаетъ главнѣйшимъ образомъ господство въ ней тѣхъ или другихъ болѣзней (*); но конечно, кромѣ температуры, разнообразіе болѣзней въ разныхъ мѣстахъ зависитъ и отъ другихъ обстоятельствъ, которыя намъ извѣстны далеко не вполнѣ. Въ разныя вре-

(*) Не исчисляя всѣхъ болѣзней, свойственныхъ странамъ жаркимъ и холоднымъ, я обращу вниманіе на одно обстоятельство: въ странахъ жаркихъ часты болѣзни пищевыхъ путей и преимущественно печени; въ странахъ холодныхъ часты болѣзни органовъ дыханія. Это положеніе примѣнимо и къ умѣренному климату, по причинѣ большой разницы между температурой лѣта и зимы: здѣсь лѣтомъ преимуществуютъ болѣзни пищевыхъ путей и печени, зимою — болѣзни легкихъ. Быть можетъ, такая перемѣна болѣзней лѣтомъ и зимою зависитъ отъ сродства отправленія легкихъ и печени и отъ усиленія дѣятельности первыхъ зимою и въ странахъ холодныхъ, а послѣдней лѣтомъ и въ странахъ жаркихъ. Въ легкія входитъ съ воздухомъ кислородъ, при посредствѣ котораго сгараютъ въ нашемъ тѣлѣ вещества водоуглеродныя, при чемъ развиваются вода, угольная кислота и выдѣляется нужная теплота; печень отдѣляетъ желчь, вещество богатое водородомъ и углеродомъ, безспорно, не только съ цѣлію доставить сокъ, необходимый для млекотворенія, но и съ цѣлію очистить кровь. Зимою, когда воздухъ гуще, при прочихъ равныхъ обстоятельствахъ, дышущій человѣкъ кислорода вводитъ болѣе и потому не требуется на помощь сильная дѣятельность печени; напротивъ, лѣтомъ, въ сильные жары, и въ странахъ жаркихъ, воздухъ очень разрѣженъ и дѣятельность печени усиливается, преимущественно если особь не соблюдаетъ умѣренности въ употребленіи пищи и питья; если она много потребляетъ жирной пищи и спиртныхъ напитковъ.

мена характеръ болѣзней мѣнялся; въ одно время господствовали однѣ болѣзни, въ другое—другія. Въ разныя времена возникали болѣе или менѣе ужасныя повальныя болѣзни. Конечно, онѣ возникали не безъ причинъ и могутъ возникнуть вслѣдствіе тѣхъ же причинъ и въ другое время. Эти причины частію неизбѣжны и заключаются въ природѣ насъ окружающей; частію же онѣ могутъ быть избѣгаемы, ибо зависятъ отъ людей. Такъ иногда причиною повальныхъ болѣзней были нечистота мѣстностей, въ которыхъ жили люди, гніеніе труповъ незарытыхъ или зарытыхъ ненадлежащимъ образомъ; въ другихъ случаяхъ повальныя болѣзни обусловливались лишеніями вслѣдствіе войны и иныхъ обстоятельствъ. По большею частію причины повальныхъ болѣзней еще ускользаютъ отъ нашего изслѣдованія. Такъ до сихъ поръ очень часто мы не въ состояніи опредѣлить, почему иногда наступаетъ тифъ, какъ повальная болѣзнь, почему являются, какъ такія болѣзни, корь, скарлатина, оспа и многія другія. Мы не знаемъ, почему натуральная оспа, почти пропавшая послѣ того, какъ, благодаря знаменитому открытію Дженнера, стали прививать предохранительную оспу, теперь, не смотря на оспопрививаніе, показывается все чаще и чаще, конечно, далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ прежде, до введенія оспопрививанія, но тѣмъ не менѣе не щадя и тѣхъ, которымъ нѣкогда была привита оспа. Что касается чумы, холеры и нѣкоторыхъ другихъ ужасныхъ болѣзней, до сихъ поръ мы не могли положительно опредѣлить ни условій ихъ первоначальнаго развитія въ данной странѣ, ни условій распространенія по земной поверхности. Предположеній на счетъ причинъ развитія названныхъ болѣзней и на счетъ способовъ распространенія ихъ очень много; но это-то множество предположеній и показываетъ, что настоящія условія развитія и способы распространенія болѣзней намъ еще неизвѣстны, или извѣстны не вполнѣ. Точный сводъ повальныхъ болѣзней, бывшихъ въ разныя времена, съ опредѣленіемъ условій болѣе или менѣе способствовавшихъ ихъ развитію, долженъ быть въ высшей степени полезенъ для человѣчества. Написать исторію эпидемій есть великая задача для патолога, но задача въ высшей степени трудная. Если мы затрудняемся въ сужденіи о причинахъ современныхъ эпидемій, то, безъ сомнѣнія, еще труднѣе найти намъ причины эпидемій, бывшихъ за сотни, за тысячи лѣтъ до насъ. Такъ какъ эпидеміи зависятъ частію отъ измѣненій физическихъ на нашей планетѣ, частію же и отъ событій политическихъ, то очевидна связь исторіи эпидемій съ исторіею физическихъ переворотовъ на землѣ и исторіею политическихъ событій. Если мы и теперь не можемъ похвалиться способами опредѣлять пе-

ремѣны въ средахъ насъ окружающихъ, если и теперь многія явленія природы намъ темны, то тѣмъ болѣе не можемъ мы ждать точнаго опредѣленія такихъ перемѣнъ и описанія явленій природы отъ свидѣтелей эпидемій, бывшихъ за сотни лѣтъ до насъ. Нерѣдко, по описаніямъ нашихъ предшественниковъ, мы даже затрудняемся въ сужденіи о томъ, какую болѣзнь они описали, хотя, быть можетъ, что описанная болѣзнь встрѣчается и теперь, но за нѣсколько сотъ лѣтъ на нее смотрѣли иначе, чѣмъ теперь. Въ доказательство справедливости сказаннаго приведу нѣсколько различныхъ воззрѣній на тифъ, которыя были высказаны въ наше время. На эту болѣзнь, по причинѣ сильнаго вліянія ея на человѣка, патологи обращали и обращаютъ особое вниманіе. Одни преимущественно цѣнили горячечные припадки и называли болѣзнь нервною горячкою; другихъ въ особенности поразили мѣстныя явленія въ пищевыхъ путяхъ, и они подвели тифъ подъ категорію болѣзней воспалительныхъ; третьи полагали, что при тифѣ главную роль въ произведеніи болѣзненныхъ явленій играютъ измѣненія въ крови и пр. Смотря по различнымъ воззрѣніямъ, патологи обращали особенное вниманіе на извѣстныя явленія, упуская изъ виду другія явленія, или не цѣня ихъ надлежащимъ образомъ. Тѣ, которые считали за характеристическое явленіе тифа извѣстные горячечные припадки, находили его тамъ, гдѣ другіе такой болѣзни не видѣли: такъ одни, основываясь на этихъ припадкахъ, говорили, что холера часто переходитъ въ тифъ, точно такъ какъ переходитъ въ послѣднюю болѣзнь и воспаленіе лёгкихъ; другіе полагали, что горячечные припадки одни не могутъ служить для опредѣленія болѣзни, что они, по извѣстному закону противодѣйствія нервовъ, могутъ быть одинаковы въ различныхъ болѣзняхъ и что тифоидные припадки въ извѣстномъ періодѣ холеры, въ извѣстныхъ случаяхъ воспаленія легкихъ отнюдь не указываютъ на переходъ названныхъ болѣзней въ тифъ. Что касается до характеристическихъ мѣстныхъ явленій на слизистой оболочкѣ пищевыхъ путей, основываясь на томъ, что онѣ были замѣчены не во всѣ эпидеміи, нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, не суть ли этѣ явленія случайное осложненіе болѣзни, зависящее отъ особаго предрасположенія занемогающихъ людей, или отъ другихъ обстоятельствъ. Возникли даже споры на счетъ того, какъ давно стало показываться такое осложненіе. И въ наше время разные наблюдатели характеръ однихъ и тѣхъ же господствующихъ болѣзней обозначаютъ различно; то же различіе иногда встрѣчаемъ и при сличеніи свидѣтельствъ разныхъ патологовъ, наблюдавшихъ болѣзни во времена болѣе или менѣе отдаленныя отъ насъ. Какъ

различно описаніе явленій одинаковыхъ болѣзней разными патологами, такъ точно бываетъ различно и опредѣленіе зависимости ихъ отъ причинъ внѣшнихъ. Въ подтвержденіе сказаннаго приведу мнѣніе Вирхова на счетъ предрасположенія къ разнымъ болѣзнямъ въ разныя времена года. Вирховъ говоритъ, что иногда бугорчатка бываетъ чаще и почти эпидемически, между тѣмъ какъ ракъ встрѣчается рѣдко, и наоборотъ. Это онъ написалъ въ 1849 г. Съ тѣхъ поръ Вирховъ неоднократно видѣлъ, что послѣ того какъ извѣстное время господствовалъ воспалительный характеръ и преимущественно часты были воспаленія лёгкихъ,— начинались бугорчатки, а послѣ нихъ гораздо чаще приходилось вскрывать умершихъ отъ рака. Преимущественно повторялась такая послѣдовательность болѣзней при переходѣ весны въ лѣто. Потому Вирхову кажется, что какъ вообще въ растительности, такъ и въ образованіи патологическихъ произведеній человѣческаго тѣла есть извѣстное отношеніе ко времени года и можетъ быть къ большимъ періодамъ времени (*). Не оспоривая справедливости положенія, что въ образованіи патологическихъ произведеній человѣческаго тѣла есть извѣстное отношеніе ко времени года, мы замѣтимъ противъ вывода Вирхова слѣдующее: конечно, послѣ воспаленія легкихъ иногда бываетъ бугорчатка или лучше иногда бугорчатка начинается воспалительными явленіями; но до сихъ поръ наблюденія большей части патологовъ не показываютъ, что бы развитіе рака вязалось преимущественно съ тѣмъ или другимъ временемъ года. Повидимому, объ отношеніи появленія рака ко времени года Вирховъ заключаетъ по числу труповъ, которые ему приходилось вскрывать въ то или другое время. Но по этому числу такого заключенія дѣлать нельзя. Ракъ, большею частію, есть болѣзнь хроническая, которая можетъ длиться у разныхъ особей, отъ различныхъ обстоятельствъ, разное время; отъ рака умираютъ и черезъ годъ, и черезъ пять, и черезъ десять лѣтъ послѣ его начала. Но время года, конечно имѣетъ сильное вліяніе на особей истощенныхъ бугорчаткою, ракомъ, и дѣйствительно въ извѣстное время такихъ особей умираетъ болѣе, чѣмъ въ другое. — Принявъ все это въ соображеніе, историкъ эпидемій долженъ пользоваться съ строгою критикою источниками, въ которыхъ заключаются свидѣтельства наблюдателей, долженъ сводить разныя наблюденія съ чрезвычайною осторожностію и еще осторожнѣе выводить изъ нихъ заключенія.

(*) Handbuch der speciellen Pathologie und Therapie I Band, S. 343.

Лѣченіе болѣзней есть главная, конечная цѣль врача. Оно было различно въ разныя времена, соотвѣтственно частію различному характеру болѣзней, а болѣе различному воззрѣнію патологовъ на болѣзни. Но такъ какъ и въ наше время разные патологи смотрятъ неодинаково на болѣзни, то и теперь можно встрѣтить представителей почти всѣхъ системъ лѣченія, когда либо предложенныхъ. Естественно, что основательное лѣченіе болѣзней предполагаетъ основательное знаніе ихъ и не подлежитъ сомнѣнію, что чѣмъ свѣдѣнія наши о болѣзняхъ станутъ полнѣе, тѣмъ показанія при лѣченіи ихъ сдѣлаются очевиднѣе и разногласицъ между лѣчащими будетъ менѣе. Способы лѣченія становятся проще и врачебныя дѣйствія наши отчетливѣе, по мѣрѣ того, какъ явленія болѣзненныя разъясняются; по мѣрѣ прояснения болѣзней, мы или удерживаемъ прежде предложенные способы лѣченія, или ограничиваемъ ихъ, или отвергаемъ и замѣняемъ новыми. Въ доказательство сказаннаго приведемъ примѣръ. Издревле слывутъ средствами противъ водянокъ вещества усиливающія отдѣленіе въ почкахъ, на кожѣ и на слизистой оболочкѣ пищевыхъ путей, какъ такія, которыя способствуютъ выведенію изъ тѣла сывороточной жидкости. Обстоятельное изслѣдованіе патологовъ показало, что водянка есть слѣдствіе несвободнаго обращенія крови или ея водяности. Принявъ это въ соображеніе и разсудивъ на счетъ способа дѣйствія веществъ, усиливающихъ отдѣленія, врачи ограничили употребленіе этихъ веществъ въ водянкахъ. Дѣйствительно, если водянка есть слѣдствіе несвободнаго обращенія крови или водяности ея, то главнымъ показаніемъ при лѣченіи должно быть — возстановленіе свободнаго обращенія крови, возстановленіе нормальности ея состава. При водяности крови средства усиливающія отдѣленія не исправятъ ея состава, потому что этими средствами выводятся изъ тѣла, кромѣ воды, и вещества въ ней растворенныя, и названныя средства, будучи неумѣренно употреблены, сами обусловливаютъ водяность крови, сами могутъ способствовать развитію водянки. Потому-то въ такихъ случаяхъ стараются уничтожить условія водяности крови и питаютъ особь, соотвѣтственно состоянію ея органовъ пищеваренія; съ уничтоженіемъ водяности крови проходитъ и водянка. Если водянка зависитъ отъ несвободнаго обращенія крови, то показаніе при лѣченіи ея—возстановить свободное обращеніе крови. Но очень часто причины несвободнаго обращенія крови таковы, что мы ихъ средствами, до сихъ поръ извѣстными, не можемъ устранить. Такъ причина несвободнаго обращенія крови можетъ быть въ органическомъ порокѣ сердца, въ отложеніи раковой массы въ ткань печени и пр. Въ этихъ

случаяхъ, конечно, средства усиливающія отдѣленія не уничтожатъ причины водянки. Онѣ будутъ способствовать выведенію изъ крови веществъ въ ней содержащихся и при неумѣренномъ употребленіи могутъ быть причиною ея водяности. Тогда къ одной причинѣ водянки присоединится еще другая и явленія болѣзни ожесточатся. Тѣмъ не менѣе нельзя совершенно отвергать употребленія въ водянкахъ средствъ усиливающихъ отдѣленія. При питающемъ лѣченіи, въ случаѣ отсутствія органическихъ причинъ и зависимости водянки отъ водяности крови, названныя средства, если употребляютъ ихъ очень осторожно и умѣренно, могутъ способствовать скорѣйшему выведенію сывороточной жидкости, обильно скопившейся въ тканяхъ и полостяхъ тѣла. При водянкѣ отъ несвободнаго обращенія крови онѣ способны уничтожить причину водянки, если механическое препятствіе можетъ быть удалено путемъ всасыванія; въ противномъ случаѣ этѣ средства дѣйствуютъ только палліативно, на короткое время уменьшаютъ количество сывороточной жидкости, скопившейся въ тканяхъ и полостяхъ тѣла. — Обстоятельное изученіе условій измѣненія въ строеніи, составѣ и отправленіяхъ организма, а съ другой стороны условій, при которыхъ возстановляется норма строенія, состава и отправленій, показало, что въ однихъ и тѣхъ же болѣзняхъ, съ одинаковою пользою, могутъ быть употребляемы разныя средства. Приведемъ для примѣра худосочія. При нихъ излѣченіе возможно потому, что въ организмѣ совершается безпрестанное обновленіе, и показаніе при лѣченіи худосочій — ускорить это обновленіе, усилить органическій метаморфозъ (*). Разнообразныя средства, усиливающія дѣятельность отдѣлительныхъ органовъ, способствуютъ обновленію тѣла. Потому противъ худосочій употребляются съ пользою вещества усиливающія отдѣленія и на кожѣ, и въ пищевыхъ путяхъ, и въ почкахъ. Обладая столь разнообразными средствами для выполненія одной и той же цѣли, раціональные врачи сообразуются съ обстоятельствами при предписаніи тѣхъ или другихъ средствъ. Такъ они не предпишутъ худосочному продолжительнаго употребленія средствъ, усиливающихъ отдѣленіе на слизистой оболочкѣ пищевыхъ путей въ то время, когда характеръ господствующихъ болѣзней требуетъ, чтобы пищевые пути по возможности щадились; они не предпишутъ худосочному потогонныхъ въ зимнее время, если боль-

(*) Другое показаніе — дѣйствовать противъ худосочій средствами специфическими, которыхъ полезное дѣйствіе несомнѣнно, хотя въ настоящее время самаго способа дѣйствія мы не можемъ объяснить.

ной не можетъ избѣжать вредныхъ вліяній суроваго климата; они назначатъ ему средства, усиливающія отдѣленіе въ почкахъ, и конечно этѣ средства, въ данномъ случаѣ, будутъ полезнѣе, чѣмъ потогонныя.—Главная задача современной терапіи — установить раціональныя показанія при лѣченіи; оцѣнить предложенные способы лѣченія; опредѣлить, на сколько они соотвѣтствуютъ болѣзнямъ, въ какомъ случаѣ могутъ быть полезны и въ какомъ вредны; замѣнить способы лѣченія, несоотвѣтствующіе болѣзнямъ, новыми способами, болѣе соотвѣтствующими современнымъ воззрѣніямъ.

Вотъ, Мм. Гг., нѣсколько замѣчаній на счетъ изслѣдованія и обозначенія болѣзненныхъ явленій и причинъ ихъ, а съ другой стороны и на счетъ самаго лѣченія, въ которыхъ обращено особое вниманіе на вопросы, занимающіе по преимуществу врачей нашего времени. Очевидно, что успѣшное лѣченіе много зависитъ отъ основательнаго пониманія болѣзненныхъ процессовъ и отъ опредѣленія ихъ причинъ. Свѣдѣнія наши о болѣзненныхъ процессахъ будутъ тѣмъ основательнѣе, чѣмъ общестороннѣе мы станемъ изслѣдовать ихъ и причины, которыми они обусловливаются, и чѣмъ на большемъ количествѣ точныхъ наблюденій будутъ основаны наши выводы. Для удовлетворенія послѣднему требованію, въ новое время былъ предложенъ числительный или статистическій способъ оцѣнки самыхъ явленій болѣзни и условій ихъ, но онъ не принесъ желанной пользы. Причина того преимущественно заключается въ различномъ воззрѣніи на болѣзни, зависящемъ частію отъ различной образованности патологовъ, частію отъ приверженности ихъ къ той или другой системѣ и отъ нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ. Одинъ описываетъ подъ именемъ тифа все то, что у другаго подведено подъ нѣсколько категорій и въ одномъ случаѣ отнесено къ тифу, въ другомъ къ воспаленію лёгкихъ, въ третьемъ къ гнойному худосочію, въ четвертомъ къ холерѣ и проч. Какъ свести наблюденія этихъ двоихъ наблюдателей?— Для успѣшнѣйшаго воздѣлыванія разныхъ частей Патологіи и для бо́льшаго удобства при отправленіи врачебныхъ обязанностей, спеціалисты избираютъ тотъ или другой отдѣлъ ея и посвящаютъ себя преимущественно разработкѣ и изученію этого отдѣла. Труды такихъ спеціалистовъ принесли желанный плодъ, обогатили науку; но, съ другой стороны, нужно сознаться, что вслѣдствіе односторонности изслѣдованія, такъ называемые спеціалисты, большею частію, причиною и многихъ неправильныхъ взглядовъ, и многихъ несообразностей, встрѣчающихся въ разныхъ отдѣлахъ Патологіи. Въ доказательство сказаннаго я приведу ученіе о накожныхъ болѣзняхъ.

Извѣстно, что въ основаніе дѣленія накожныхъ болѣзней приняты мѣстныя патологическія явленія на кожѣ, которыя притомъ большею частію специалистовъ не оцѣнены надлежащимъ образомъ; на главную причину мѣстныхъ явленій, при дѣленіи, почти не обращено вниманія. Такимъ образомъ мѣстныя явленія, зависящія отъ одной причины, отъ одного худосочія, размѣстились по разнымъ классамъ, а мѣстныя явленія, обусловливаемыя разными причинами, помѣщены въ одинъ классъ. Такое дѣленіе, конечно, не есть практическое, потому что не ведетъ ни къ правильному опредѣленію свойства болѣзни, ни къ правильному назначенію лѣченія. Раздѣленіе труда необходимо и между патологами, но съ другой стороны необходимо и то, чтобы патологи-спеціалисты были основательно знакомы со всѣми отраслями Патологіи и съ науками о человѣкѣ и природѣ вообще. Чѣмъ обширнѣе и общестороннѣе ихъ свѣдѣнія въ названныхъ наукахъ, тѣмъ способнѣе они понимать явленія въ больномъ человѣкѣ и ихъ отношенія къ природѣ окружающей; въ послѣдней, большею частію, заключаются причины болѣзней, но она же доставляетъ намъ и средства для излѣченія.

При общемъ стремленіи къ поясненію явленій въ природѣ внѣшней, Правительства даютъ ученымъ средства для ихъ полезныхъ изслѣдованій; но ни одно Государство не дало столько средствъ, какъ Россійское, для производства изслѣдованій метеорологическихъ. И на другія стороны природы нашей также обращено должное вниманіе. Императорская Академія Наукъ и Императорскіе Университеты постоянно имѣютъ въ виду изученіе и описаніе Россіи. Уже болѣе десяти лѣтъ существующее Императорское Россійское Географическое Общество, дѣйствующее подъ непосредственнымъ руководствомъ Государя Великаго Князя Константина Николаевича, изслѣдуетъ съ необыкновенною дѣятельностію наше обширное Отечество и оказало весьма много важныхъ заслугъ наукѣ. Независимо отъ названныхъ учрежденій, другими вѣдомствами и учеными обществами, а равно и частными лицами, были отправляемы и теперь отправляются ученые для изслѣдованія и описанія тѣхъ мѣстъ Россіи, которыя менѣе извѣстны. При столь дѣятельномъ стремленіи къ изученію природы нашего Отечества, многія явленія жизни нашей прояснились и между прочимъ стали яснѣе и проявленія ея въ болѣзненномъ состояніи, находящіяся въ большой зависимости отъ природы внѣшней. Не подлежитъ сомнѣнію, что изслѣдованія ученыхъ откроютъ въ нашемъ Отечествѣ такія сокровища, которыхъ мы

напрасно ищемъ въ странахъ чужихъ. При своей обширности Россія обладаетъ разными мѣстностями, болѣе или менѣе благопріятными для тѣхъ или другихъ больныхъ; въ ней есть разные источники, которые уже приносятъ существенную пользу многимъ больнымъ. Точнѣйшее изслѣдованіе самыхъ мѣстностей, съ ихъ естественными произведеніями, и свойствъ источниковъ, конечно, будетъ въ высшей степени полезно. — Что касается до проявленій жизни больнаго человѣка, то благоустроенныя больницы по всѣмъ концамъ Россіи служатъ отличными пріютами для больныхъ и даютъ средства врачамъ наблюдать и лѣчить одну и туже болѣзнь на многихъ особяхъ и такимъ образомъ отличать явленія болѣзни существенныя отъ случайныхъ и оцѣнивать способы лѣченія. Правительство постоянно старается о распространеніи этихъ больницъ, объ увеличеніи ихъ средствъ, объ усовершенствованіи ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Медико-Хирургическая Академія и Медицинскіе Факультеты приготовляютъ врачей для обширнаго Государства; соотвѣтственно важности своего назначенія, и Академія и Факультеты щедро надѣлены нужными средствами для общесторонняго образованія своихъ воспитанниковъ. Августѣйшій Монархъ нашъ *живетъ единственно для счастія подвластныхъ Ему народовъ и желаетъ, да утверждается и совершенствуется внутреннее благоустройство Россіи, да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію.* Да благословитъ Господь Богъ благое намѣреніе Своего Помазанника и да будетъ Ему Руководителемъ; да сохранитъ Его здравіе и да продлитъ жизнь Его на благо многочисленнаго народа! Да будетъ благословеніе Божіе и на всей Августѣйшей Семьѣ Царской! При благословеніи Божіемъ да осуществятся вполнѣ великіе виды Монарха, къ совершенной Его радости и къ истинной пользѣ Отечества! При успѣхахъ внутренняго устройства Россіи, конечно, болѣе и болѣе будетъ развиваться въ ней и наука о жизни больнаго человѣка, на благо всего человѣчества.

